O’ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
Y. G’ULOMOV NOMIDAGI ARXEOLOGIYA INSTITUTI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА

O’ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 1 (4)

Самарканд - 2012

O'ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI - АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

Главный редактор
Темур Ширинович Ширинов

Заместитель главного редактора
Амридин Эргашевич Бердимурадов

Ответственный секретарь
Мухтор Хасанович Пардаев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Р. Абдиримов
проф. Н.А. Аванесова
к.и.н. А.А. Анарбаев
к.и.н. С.Р. Баратов
д.и.н. М.Х. Исамиддинов
д.и.н. Б.Х. Матбабаев
к.и.н. У.В. Рахманов
к.и.н. В.Д. Рузанов
к.и.н. Б.К. Сайфуллаев
к.и.н. Н.У. Холматов
к.и.н. К. Абдуллаев
к.и.н. Ш.Т. Адылов
к.и.н. Т.Дж. Аннаев
к.и.н. Г.И. Богомолов
к.и.н. Ф.А. Максудов
к.и.н. А.А. Раимкулов
к.х.н. М.А. Реутова
к.и.н. К. Сабиров
к.и.н. С.С. Суюнов
к.и.н. М. Хужаназаров

Редакционный совет:

акад. АН РУз А.А. Аскаров
акад. АН РУз Ю.Ф. Буряков
проф. Ф. Грене (Франция)
акад. РАН А.П. Деревянко (Россия)
проф. М.Дж. Джуракулов
акад. АН РУз У.И. Исламов
д.и.н. М.Ш. Кдырниязов
акад. АН РУз А.Р. Мухамеджанов
проф. К. Рапен (Швейцария)
акад. АН РУз Э.В. Ртвеладзе
д.и.н. А.С. Сагдуллаев
доктор С. Страйд (Англия)
д.и.н. Р.Х. Сулейманов
проф. У. Такао (Япония)
д.и.н. Т.К. Ходжайов (Россия)
к.и.н. Г. Ходжаниязов
проф. К. Шимчак (Польша)

ARCHAEOLOGY OF UZBEKISTAN

Editor-in-chief
Temur Shirinovich Shirinov

Deputy Editor
Amridin Ergashovich Berdimuradov

Secretary
Muhtor Hasanovich Pardayev

Editorial Board:

Dr. R. Abdirimov
Prof. N.A. Avanesova
Dr. A.A. Anarbaev
Dr. S.R. Baratov
Prof. M.H. Isamiddinov
Prof. B.H. Matbabaev
Dr. U.V. Rahmanov
Dr. V.D. Ruzanov
Dr. B.K. Sayfullaev
Dr. N.U. Holmatov
Dr. K. Abdullaev
Dr. Sh.T. Adylov
Dr. T.J. Annaev
Dr. G.I. Bogomolov
Dr. F.A. Maksudov
Dr. A.A. Raimkulov
Dr. M.A. Reutova
Dr. K. Sabirov
Dr. S.S. Suyunov
Dr. M. Hudjanazarov

Editorial Council:

Academician A.A. Askarov
Academician Yu.F. Buryakov
Prof. F. Grenet (France)
Academician A.P. Derevyanko (Russia)
Prof. M.D. M.D. Djurakulov
Academician U.I. Islamov
Prof. M-Sh. Kdyrniyazov
Academician A.R. Muhammedjanov
Prof. C. Rapen (Switzerland)
Academician E.V. Rtveladze
Prof. A.S. Sagdullaev
Dr. S. Stride (UK)
Prof. R.H. Suleymanov
Prof. U. Takao (Japan)
Prof. T.K. Hodjayov (Russia)
Dr. G. Hodjaniyazov
Prof. K. Shimchak (Poland)

МАҚОЛАЛАР

ПУБЛИКАЦИИ

ДРЕВНИЕ ГОРНЯКИ ЗАРАФШАНА

© 2012. Н.А. Аванесова
Самаркандский государственный университет

В эпоху палеометалла территория Зарафшанского бассейна являлась одним из центров развития культур среднеазиатского междуречья, чему способствовали благоприятные палеографические условия и богатые природные ресурсы на протяжении голоценового периода. Открытия последних десятилетий убедительно показали, что игнорирование зарафшанских древностей при решении ряда общих проблем археологии суживает рамки научных исследований и обедняет историю Евразии. Материалы описываемой области имеют особое значение для построения культурно-хронологических схем развития не только Средней Азии, но и сопредельных территорий.

По своим физико-географическим характеристикам регион представлял идеальные условия для освоения и сложения высокоэффективных форм хозяйства. Особое положение (центр материка Евразии) способствовало тому, что он стал местом интенсивных контактов разных в этнокультурном отношении групп древнего населения. Уже в ранний период эпохи палеометалла на этой территории одновременно обитали разные по происхождению группы населения (Саразм, Жуков). Характер геоэкологической ниши Зарафшана способствовал развитию многоотраслевой экономики: земледельческой, скотоводческой, горнодобывающей и металлургической. Самым важным хозяйственно-культурным направлением зарафшанцев было освоение мощных местных рудных залежей.

Металлургия – важнейший компонент производительных сил древнего общества, она была одной из существенных предпосылок создания первых древневосточных цивилизаций. В эпоху палеометалла Зарафшанский край, расположенный в особом минералогическом поясе, располагал собственной горнорудной базой, способствовавшей появлению специализированных хозяйственных комплексов полного горно-металлургического цикла, ориентированных на освоение местных ресурсов. Здесь представлен весь производственный процесс, начиная с горной добычи, плавки руды и получения металла и заканчивая выпуском готовой продукции. В III тыс. до. н.э. богатые сырьевые ресурсы Зарафшана контролировались саразмийцами[1], а во II тыс. до. н.э. – андроновцами. Обитатели района могли удовлетворять свои потребности в меди, олове, свинце, золоте за счет местных минеральных месторождений. Последнее изменило характер экономических связей рассматриваемой эпохи. Зарафшанские рудные месторождения привлекали не только обитателей степного пояса Евразии, но и раннеземледельческие племена Ближнего Востока (Саразм). Постоянные контакты и взаимодействие населения степных и земледельческих цивилизаций играли важную роль в развитии общественных процессов.

В предлагаемой статье речь будет идти о производственных районах, непосредственно связанных с металлоносными месторождениями, расположенными в горных системах края, которые эксплуатировались степными племенами срубно-андроновского круга. Степень участия последних в разработке ряда месторождений определяется керамикой. В работе предпринята попытка привлечения результатов анализа к изучению вопросов историко-культурного характера.

При исследовании древних горных выработок невозможно обойтись без геологических данных рудных месторождений, содержащих сравнительно полную картину древнего горнодобывающего и металлургического производства в регионе, но лишь немногие из них содержат материалы по эпохе бронзы. В работе использованы отчеты геологических партий по изучению древней горной деятельности на территории Узбекистана Министерства геологии УзССР[2], отчеты и дневники Д.Н. Лева[3] а также коллекции, хранящиеся в фондах Музея археологии Самаркандского университета. В публикацию вводятся новые сведения о древних разработках оловянных руд в районе Зиаэтдин-Зирабулакских гор, собранные геологом Г.Г. Полищуком[4] в 50-годы, которые интересны с точки зрения конкретизации кем и когда эксплуатировались касситеритовые месторождения. В результате, в данной работе стало возможным ввести в научный оборот керамику, орудия горного дела, представляющих собой достаточно информативную выборку. В соответствии с заявленной темой, дальнейшее изложение будет сосредоточено на материалах эпохи бронзы.

Краткое описание рудных месторождений

Важнейшими памятниками материальной культуры являются древнейшие рудники, орудия горного дела, шлаки древних плавилен, сохранившиеся до наших дней. Многочисленные древние выработки в виде оплывших карьеров, штолен, шахт свидетельствуют о том, что они разрабатывались с незапамятных времен. Имеются сведения, что отдельные объекты находились в эксплуатации в эпоху бронзы, а другие только разведаны и ждут своих исследователей. Прогресс в области металлургии историки эпохи палеометалла обычно связывают с высококачественной оловянистой бронзой. Большой спрос на стратегическое сырье стимулировал развитие горного дела.

Зарафшанские рудные источники эпохи бронзы свидетельствуют, что регион был одним из центров древнейшей добычи олова. Предметом особых дискуссий являются оловорудные источники эпохи бронзы. Место добычи руды и выплавки олова встречается далеко не везде, неслучайно этот цветной металл называют еще и редким металлом. Минерал касситерит (оловянный камень темно-коричневого или черного цвета) – окись олова (SnO_2) является основной рудой для его выплавки. Этот мягкий серебристо-белый металл легкоплавкий от природы (плавится уже при 232°) в соединении с другими металлами становится тугоплавким, по своим свойствам придавая им твердость. В зависимости от содержания в сплаве олова бронза имеет разные свойства. И еще одна интересная особенность – плотность оловянного камня в три раза выше, чем у других пород и минералов. На территории Узбекистана установлено около 137 месторождений и проявлений олова, последние в большинстве своем – эндогенного происхождения. Наиболее крупные оловорудные объекты относятся к гидротермальным касситерит-силикатной, касситерит-карбонатной формациям и локализуются в интрузивной и около интраузивной зонах гранитных массивов. Как отмечают геологи, большинство из них, судя по их геологическим характеристикам, могли разрабатываться уже в глубокой древности. На многих месторождениях имеются древние выработки (Баймухамедов, Ефименко, 1983. С. 108).

Впервые касситерит был обнаружен в Узбекистане в 1931-1932 гг. в пегматитах гор Каратюбе и Алтынтау (Наследов, Либман, 1933. С. 73-74). Открытие собственно оловорудных месторождений гидротермального типа относится к периоду с 1942 по 1945 гг. (Баймухамедов и др., 1976. С. 179).

Рудные месторождения и проявления олова локализуются в основном в Зирабулакских (Лапас, Чангалли, Кочкарлы, Кыз-Курган, Кызыл-Гура, Семизкудук, Тым) и Зиаэтдинских (Карнаб, Кермине, Чай-Дароз) горах, из которых только два – Лапас и Карнаб являлись промышленными объектами и эксплуатировались до 1958 г. (Баймухамедов, Ефименко, 1983. С. 107). Сырьевые запасы большинства из перечисленных месторождений еще полностью не выработаны. К числу наиболее продуктивных, по наблюдениям геологов, относятся рудники Лапас, Чангалли, Кочкарлы, где зафиксированы бесспорные следы первичного производства кварцево-касситеритовой и сульфидно-касситеритовой руд. Все названные

месторождения в древности являлись объектом горнорудного промысла. Значительная часть выявленных рудников была подвергнута специальному археологическому и геологическому исследованию (Литвинский 1950, 1954; Лев, 1950; Полищук, 1956; Рузанов, 1979; 2000; 2010; Парцингер, Бороффка, 2008; Баймухамедов, Ефименко, 1983; Отрощенко, 1971 и др.). Как установлено, рудники содержат разновременные материалы, среди которых типологически выделяется керамическая коллекция эпохи бронзы. Мы располагаем дополнительными археологическими свидетельствами о времени освоения древних разработок зарафшанскими рудокопами.

По сведениям геологов, месторождения легко опознаются по следам древних горных работ. В отвалах пустой породы, бортах рудных карьеров обнаружены разнообразные орудия труда древних горняков, где преобладали тяжелые молоты, кирки и песты. Многие месторождения использовались многократно и "переоткрывались" с интервалами в течение ряда столетий. Об этом свидетельствуют многослойное перекрывание одних выработок отвалами других (Лапас, Чангалли, Карнаб). Трудно отличить выработки эпохи бронзы от более поздних. Геологи, да и археологи пробивались вглубь по стволам древних шахт, отработанных в древности. В качестве хроноиндикаторов используется такой яркий маркер, как керамика, которая показывает что рудные объекты разрабатывались от эпохи бронзы (II тыс. до. н.э.) вплоть до средневековья (XII в.).

Прежде чем перейти к описанию древних разработок, необходимо остановиться на характеристике физико-географического и геологического строения Зиатэдин-Зирбулакского горного массива[5]. Он представляет собой западную оконечность отрогов Зарафшанского хребта, относится к низкогорно-подгорной провинции Зарафшанского округа. Горы расположены в северо-западной части Узбекистана (Самаркандская область) в пределах среднего течения бассейна р. Зарафшан, примерно на отрезке между городами Каттакурган и Навои. Это две обособленные горные системы, отделяющиеся Карнабской долиной. Общая протяженность гор более 100 км, вытянуты в широтном направлении, с юго-востока на северо-запад. Сильно расчлененное низкогорье Зирабулак протяженностью около 50 км имеет среднюю высоту 700-800 м, Караус – самая высокая точка: – 1112 м над уровнем моря. Для гребневой части характерны скалистый рельеф и обрывы. Зиаэтдинские горы сильно расчленены экзогенными процессами, средняя высота их – 600-650 м, иногда до 850 м, длина около 60 км (Баратов, 1971. С.12). Северные склоны пологие, южные – крутые и обрывистые, местами поднимаются отвесными утесами. Рельеф гор расчлененный. Наибольшая расчлененность наблюдается в местах тектонических нарушений и представлена системой крупных продольных и коротких, но глубоких поперечных саев. Характеризуется задернованными склонами с крутизной от 20 до 45°. Обнаженность поверхности, резкие формы рельефа при малой абсолютной и относительной высоте – все эти черты, характерны для низкогорий аридной области (Когай и др., 1972. С. 392). Горы обладают широко развитой гидрографической сетью, основные единицы которой ориентированы как в восточном, так и в западном направлениях. С севера и северо-востока Зиаэтдин-Зирабулакские высоты оконтуриваются полупустынной равниной, далее на севере прерывающейся, цветущей Зарафшанской долиной, на юг и юго-запад - Карнабчульской степью. Сложены Зиаэтдин-Зирабулакские горы метаморфизованными толщами палеозойского возраста, представленными сланцами, известняками, песчанками, конгломератами, доломитами. Отложения мезозоя ограничены – это меловые песчаники, глины, конгломераты и известняки. Кайнозойские отложения состоят из аллювиально-делювиальных, делювиально-пролювиальных и аллювиально-пролювиальных образований. Широко распространены интрузивные породы, представленные гранитами, гранодиоритами, кварцевым диоритовым порфиритами, лампрофитами и другими разновидностями. Весь массив оловоносен и касситерит в основной своей массе находится в виде самостоятельного минерала.

Олово эндогенного происхождения устанавливается во всех типах гранитоидов и их постмагматических образованиях. Концентрация неравномерна, распределение во многом

зависит от физико-химических условий дифференциации магмы и степени ее насыщенности оловом (Полищук, 1956). В геологическом строении принимают участие разновидные сланцы и известняки, относящиеся к верхнему силуру. Интрузивные породы представлены Зирабулакским плутоном с большим количеством разновеликих сателлитов и жильных дериватов. Приурочены они, в основном, к трехфазному варисцийскому магматическому циклу. Широко фиксируемые жильные разности магматогенного и гидротермального происхождения указывают на формирование интрузии в довольно неспокойной тектонической, обстановке и на обилие постмагматических растворов с большим комплексом минералов, которые фиксируются в виде рудопроявлений и месторождений. Они различаются по составу, размерам, содержанию металла, условиям образования, разработки. По специфике размещения магматических пород и связанного с ними оруденения в Зиаэтдин–Зирабулакской системе выделена Карнабская рудоносная площадь (Арапов, Гарьковец и др., 1983. С. 26). Описываемый район в конце XIX в. изучался И.В. Мушкетовым, В.А. Обручевым, В.Н. Вебером. Однако наблюдения крупнейших натуралистов носят лишь эпизодический характер (Богачев, 1937. С. 265-292).

Следует отметить, что Зиаэтдин-Зирабулакский горнорудный район, является одним из интересных памятников культуры древнего *горного дела*. Здесь выявлены выработки, связанные с добычей необходимых для человека различных горных пород[6]. В районе со следами былых разработок имеются кремне-роговиковые породы, которые шли на изготовление наконечников копий, стрел, микролитоидного и другого инвентаря; лимонитовые охры и разноцветные мезозойские глины, применявшиеся как красящие вещества; граниты и древне-четвертичные конгломераты, из которых изготовлялись жернова и много других пород, удовлетворявших запросы повседневной жизнедеятельности (Полищук, 1956. С. 5).

На площади вышеуказанного района было выявлено множество древних выработок различных по назначению и времени. Полная погребенность деллювиальными отложениями затрудняет количественный учет. При вскрытии большого числа древних горных выработок было установлено, что многие из них глубиной до 20-25 м расположены на водоразделах и пологих склонах с довольно незначительными современными отложениями и полностью завалены инородным щебеночно-глинистым материалом (Полищук, 1956. С.54). В результате полевых изысканий геологов и археологов удалось выявить, изучить и задокументировать несколько сот выработок, как поисково-разведочного, так и разведочно-эксплуатационного характера. Первые представляют собой неглубокие ямы шурфообразной, реже карьерообразной формы, размеры которых не превышают 1,0-1,5 м в поперечнике, глубина 0,5-3 м. Разведочно-эксплуатационные объекты иногда имеют вид щелей длиной 10-15 м и глубиной до 0,8 м, но чаще они представлены в виде воронкообразных углублений и закопушек. Этот вид выработок проходился в тектонических, нарушенных, гидротермально проработанных и окисленных минерализованных зонах, где оруднение олова и в настоящее время представляет лишь минералогический интерес. Эксплуатационные выработки представлены большими карьерами, траншеями, шурфами, штольнями и катакомбами самых разнообразных и причудливых форм. Прокладывались они исключительно по простиранию рудных тел и захватывали или полную мощность или часть ее в зависимости от насыщенности полезным компонентом. Проходка выработок производилась с помощью и без огневого метода путем углубления сверху вниз, но в отдельных случаях наблюдаются ответвления восстающего характера. Наиболее известны в археологической литературе такие месторождения, как Карнаб, Лапас, Кочкарлы, Чангалли. Культурно -хронологическая интерпретация последних вызывает большие трудности. Однако в связи с новыми материалами мы обратимся именно к ним. Особый интерес представляет Карнаб-Лапасская металлогенитическая зона Зирабулак-Зиаэтдинского района, она тянется полосой длиной 20 км и шириной 2-2,5 км, на западной оконечности этой структуры находится месторождения Карнаб, на восточной – Лапас.

Карнаб расположен в 30 км к югу от станции Зиаэтдин и в 1,5 км от одноименного селения[7], на восточном окончании Зиаэтдинских гор на высоте 400-500 м, открыт В.И. Со-

ловьевым в 1944 г. Геологическое изучение начато в 1945 г., интенсивной эксплуатации подвергался по 1957 г. (Баймухамедов и др., 1983. С. 107). В 50-е годы Г.Г. Полищук обследовал древние выработки и ограничился сбором подъемного материала, хранящегося в музее археологии СамГУ. Карнабское рудное поле занимает площадь около 10 га, общее количество выработок достигает более 100. Во время геологических и археологических работ древние разработки расчищены на глубину до 19 м.

Рудные зоны на месторождении представлены единичными или сериальными кварцевыми жилами протяженностью 100-600 м при мощности 1-4 м, рудные тела сложены преимущественно темно-серым кварцем и интенсивно окварцованными, серицитизированными и местами "рассланцованными" гранитами с прожилками сфалерита, арсеноперита, в которых касситерит встречается в виде вкрапленности, цепочек, зерен и прожилок. Преобладают вкрапленные руды. На участках представлены сульфидные и окисленные руды, последние преобладают.

Минеральный состав руд: касситерит, арсенаперит, пирит, сфалерит, серицит, турмалин, каолин, халькоперит, галенит, фмоорит, циркон, сфен, рутил лиманит. По составу выделено два типа руд – сульфидно-касситеритовые и кварцево-касситеритовые. Руды трудно поддаются обогащению, извлечение олова в концентрате достигает 50-55%. Околорудные изменения выражаются в окварцевании, серицитизации, хлоритизации и рассланцевании гранитов. Содержание олова в рудных телах достигает 1-1,5% (Баймухамедов и др., 1976. С. 179-180). Выработки открытого типа. Наиболее распространены щелевидные карьеры длиной 10-100 м, которые иногда переходят в подземную камеру или штольню, глубина отработки 1-18,5 м. Некоторые напоминают колодец с очень узкой горловиной, где древний рудокоп находился в крайне стесненном положении. Рудная жила, выбивалась из породы каменными кайлами, молотами, найденными на месте отработок (Литвинский, 1950. С. 57-61; 1954. С.20; Лев, 1950. С.17-19; Литвинский и др., 1962. С. 175). Таким образом, Карнаб в древности являлся объектом горнорудного промысла, о чем свидетельствуют многочисленные остатки рудных свалов в местах рудоразработок. Он несет на себе следы поисковых работ древних рудознатцев. Здесь можно встретить материалы всех хронологических этапов эпохи бронзы.

Археологическое обследование карнабской рудной площади впервые произвел Б.А. Литвинский в июне 1946 г. Позднее, осенью 1950 г. для проверки сообщений геологов о находках в древних выработках археологических предметов Д.Н. Левом была совершена разведочная поездка в район рудника Карнаб. Совместно с геологом Ильиным К.Б. были осмотрены древние объекты и на северо-восточном участке произведены разведочные раскопки. В отчете отмечено: *"...большой интерес представляет штольнообразная выработка в граните. Лёссовое заполнение этой выработки содержит большое количество костей человека плохой сохранности, мелкие фрагменты глиняной лепной посуды, украшения из меди. Создается впечатление, что на месте этой древней выработки позднее существовал могильник"* (Лев, Полевой дневник. С. 40-41). Однако из текста неясно, на каком участке производились раскопки. Проведенные исследования засвидетельствовали переотложенность культурного слоя. Обнаруженные фрагменты сосуда очень выразительны, датируются в пределах эпохи бронзы. Д.Н. Лев считает, "… *что их следует связать с древнейшим заполнением штольни, а не с обнаруженными захоронениями"*. В ходе изысканий, западнее от рудника был заложен шурф, где *"в четвертичных отложениях, на глубине 2-х метров от современной поверхности в небольшом углублении обнаружены фрагменты глиняного сосуда с подхватом у венчика, рядом находились кости животных чрезвычайно плохой сохранности и скопления камней"* (Лев, Полевой дневник. С. 41-42)[8]. Также Д.Н. Левом были осмотрены места археологических находок, геологами (К.Б. Ильин, Б.В. Мамонов) – орудия горного дела и керамика. Бесконечные отвалы пустой породы чередовались бесчетными шахтами и карьерами древних разработок. В ходе поисков археологических остатков в двух случаях старые отвалы были прорезаны канавой, в разрезе которой сохранились

весьма выразительные следы: кости животных, обломки орудий, керамика и небольшие образцы пород. По мнению Д.Н. Лева, у забоя, видимо часто, производились первичное дробление и сортировка отбитой породы, о чем свидетельствуют отходы пустой породы, рудодробильные инструменты. Им же в отвалах собрана и описана коллекция проходческих орудий: "*Молоты изготавливались из аплитовидного гранита и кремнистого известняка. Первый имеется в районе Карнаба, второй отсутствует. По словам геологов, кремнистый известняк доставлялся за 30 с лишним километров. Кремнистый известняк, как более вязкий материал, был очень удобен при горных работах. Благодаря вязкости он ломался реже, чем аплитовидный гранит. Почти во всех древних разработках были обнаружены эти молоты. Но самое большое количество их встречено на восточном участке древнего рудника. Это объясняется тем, что благодаря современной эрозии молоты постепенно сползли вниз по склону и оказались в русле сайка"* (Лев, 1950. С. 17-18). Анализ подъемного археологического материала и контрольных шурфов позволяет конкретизировать время эксплуатации рудника с первой половины II тыс. до. н.э. Надо полагать, что плавка карнабской руды производилась в окрестности рудника, о чем свидетельствует поселение Карнаб-Сичкончи (Парцингер, Бороффка, 2002. С. 163-167).

Лапас раположен в 55 км от железнодорожной станции Зирабулак, в 18-20 км на восток от Карнабского рудника в известняках гряды Мирхайдар (юго-западной части Зирабулакских гор) и приурочен к грейзенированным гранитоидным и кварцевым телам. Открыт в 1951 г. А.В. Крючковым. С 1952 по 1957 гг. проводились поисково-разведочные работы. В 1958 г. разведка была закончена и месторождение законсервировано (Баймухамедов и др., 1983. С. 108). Древние выработки имеют вид сильно заплывших задернованных углублений и канав.

Район месторождения сложен метаморфизированными известняками и сланцами силура, смятыми в антиклинальную складку северо-восточного простирания. На площади Лапаских выработок в известняках отмечаются многочисленные зоны дробления, к которым приурочены кварцевые жилы, дайки лампрофиров (кварц-серицитовые породы), выходы грейзенизированных гранитоидов и участки доломитизированных известняков. Все оловорудные тела пространственно связаны с этим комплексом измененных пород в зонах дробления и представлены жило- и линзообразными телами с весьма неравномерным оруднением. Длина рудных тел изменяется от 20 до 100 м, мощность 0,7-1,5 м. Касситерит в рудных телах образует густую вкраплённость, прожилки и гнездообразные скопления. Размеры отдельных кристаллов колеблются в пределах 0,5–4-6 мм, они светло-коричневой, медовой и буровато-коричневой окраски. На месторождении выделяются три участка – Центральный, Восточный и Западный со средним содержанием олова 4,7% (Баймухамедов и др., 1983. С. 108; 1976. С. 180).

Лапаские горные выработки были исследованы Г.Г. Полищуком, который отмечал, что поверхность рудника усеяна массой переработанной породы. На месторождении наблюдается два типа выработок[9]. К первому относятся открытые карьерообразные траншеи, приуроченные к кварцевым и лампрофировым жилам, вмещенным в сланцевую толщу. Пройдены они по простиранию рудных тел. Длина их достигает 50 максимум 80 м, ширина колеблется от 0,5 до 8 м в зависимости от мощности рудных тел и устойчивости вмещающих пород. На этом участке большинство выработок в виде треугольников с кривыми, уступчатыми стенками. К низу выработки резко суживаются, строго придерживаясь мощности рудных тел, которые с глубиной или выклиниваются или пережимаются. Глубина забоя ниже 10 м не опускается (рис. 1). На стенке некоторых разрезов имеются выступы шириной 20-30 см, видимо для укрепления лестниц. В завале видны следы огневой проходки. Второй тип выработок представлен закрытыми штольнеобразными уклонками, пройденными в известняках по рудным телам с касситеритовой и парагенирующей с ней минерализацией (Полищук, 1956. С. 19-20).

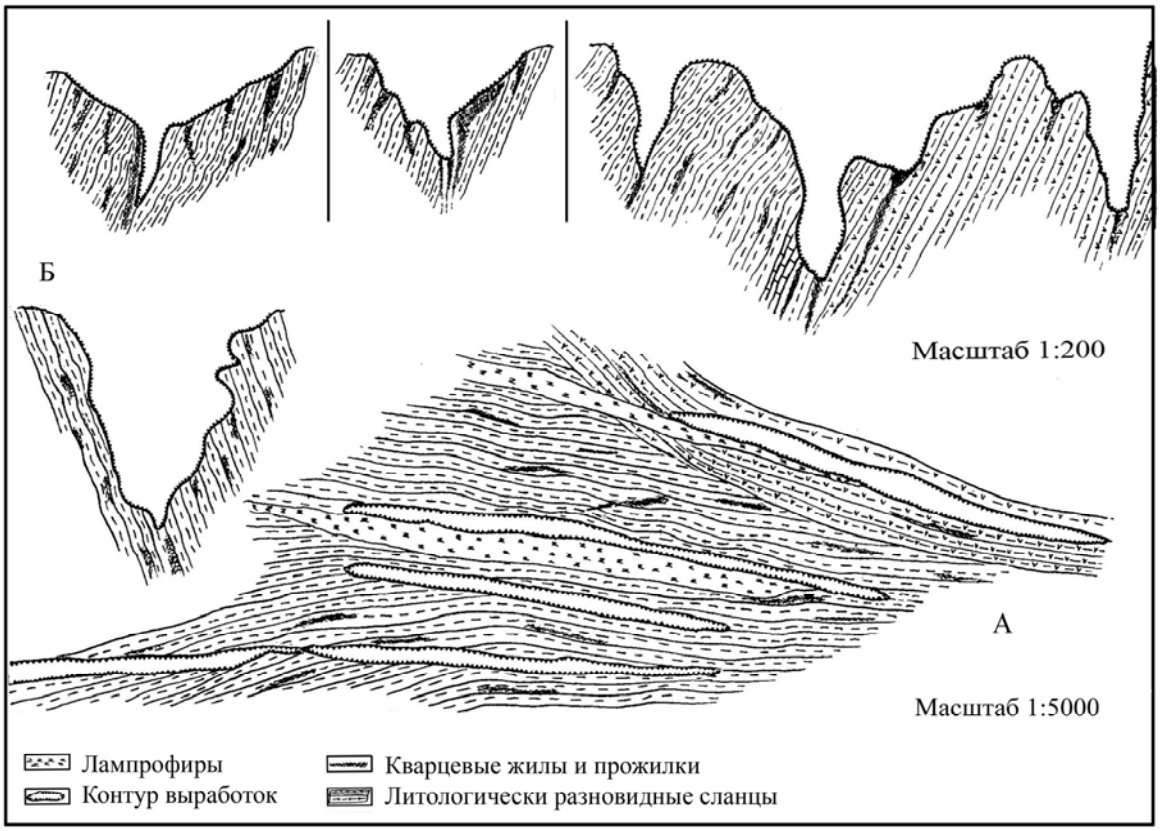

Рис. 1. Лапас: А - план поверхности одного из участков,
Б - поперечные разрезы некоторых выработок (по Г.Г. Полищуку, 1956).

Особого внимания заслуживают две выработки описанного типа. Одна из них (№9) находится в центральной части Лапасского участка, вторая – в гряде Кизил-Гура. Устье этого рудника берет свое начало с небольшого сая и имеет вид неправильной, ссуживающейся кверху арки (рис. 2). С устья по подошве начинается неравномерно пологий (10-20°) уклон. По кровле выработка сначала идет горизонтально до10 м, затем слегка поднимается к верху и на уровне 25 м достигает высоты 12 м. На 30-метровой отметке кровля резко опускается вниз, вследствие чего высота штольни снижается до 3,5 м. С 30 м она почти горизонтально доходит до 43 м, где заканчивается гезенком (слепая шахта) глубиной 7 м. От этой проходки отходит ряд ответвлений в стороны и вниз, но эти рукотворные ходы и лазы или заложены или завалены отвалами. Из рассмотренной штольни было вынуто более 9 тыс. тонн рудной массы. По объему работы древними рудокопами здесь было добыто значительное количество олова. В одном из боковых ответвлений обнаружено 10 каменных молотов, лепная керамика с орнаментом, куски (20-50 см) истлевшей шерстяной веревки (Полищук, 1956. С. 18-21). В отвалах встречались керамика, кости животных, куски пустой породы, что свидетельствует о том, что обогащение руды производили на месте. Лапасское касситеритовое месторождение по своему минералогическому состоянию было востребованным объектом добычи оловянного камня в эпоху бронзы. Содержание олова в отдельных пробах достигает 75% (Полищук, 1956. С. 21). Олово из лапасских концентратов лишено каких -либо примесей. Древние рудокопы, видимо, не исчерпали минеральные залежи, которую они разрабатывали лишь в верхних ярусах.

Кочкарлы расположен в восточной части Зирабулакских гор, 1,5 км к востоку от одноименного селения и в 22 км к югу от железнодорожной станции Зирабулак.

На руднике Кочкарлы выявлено несколько древних выработок, связанных с добычей олова. Размещены они в известняках и приурочены к разломам, выполненным гидротер-

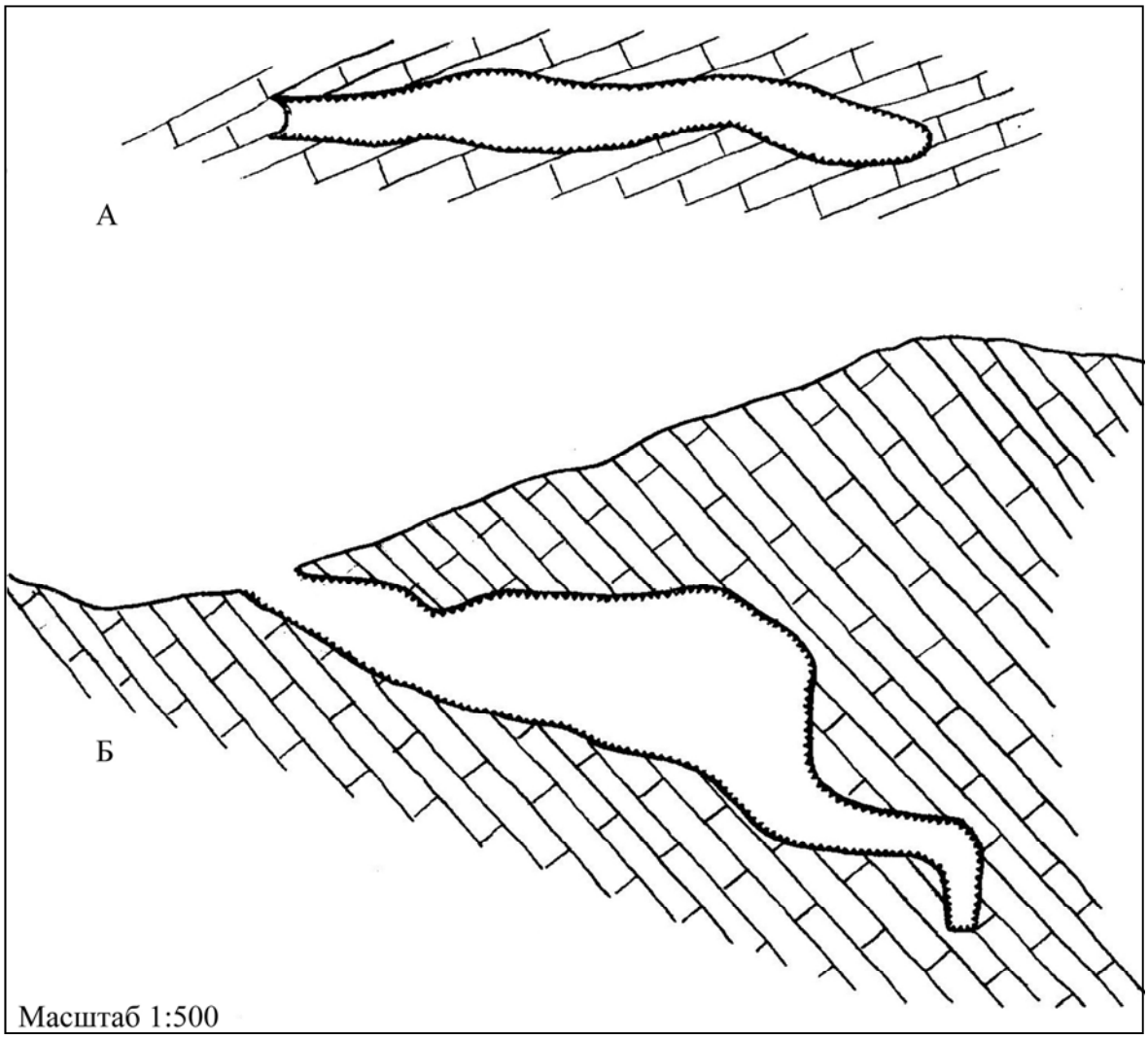

Рис. 2. Лапас. Древняя выработка №9:
А - общий план, Б - продольный разрез (по Г.Г. Полищуку, 1956).

мально измененными лампрофировыми дайками. Среди них видное место занимают две выработки, (№7, №8), из которых вынуто 28-30 тыс. тонн рудной массы (Полищук, 1956. С. 12-15). В отколотых кусках породы касситерит встречается в виде густой вкрапленности, распределяясь лентами и отдельными пятнами. Содержание олова колеблется от 4 до 20%. Выработки представляют собой оплывшие ямы (просевшие шахты) и щелевидные карьеры.

Выработка №7 – карьер полукруглой формы, пройденный в доломитизированных известняках по разлому образованному кварц-касситеритовой минерализацией. Длина 26 м, ширина 10-16 м, глубина 3 м. Отсюда было вынуто около 3 тыс. тонн породы (рис. 3). Вокруг карьера находятся заплывшие отвалы пустой породы, где найдены кости крупного рогатого скота, лошади, гончарная продукция, каменные молоты, рудодробилки, кайла, как целые, так и в обломках из метаморфических и интрузивных пород.

Выработка №8 приурочена к лампрофировой жиле с оловянным оруднением. Это траншееобразный карьер, пройденный по простиранию рудного тела с захватом всей мощности. Форма его унаследована от морфологии рудного тела. По длинной оси срединной частью выгнута к востоку длина 135 м, ширина на всем протяжении меняется и колеблется от 4 до 12 м. Глубина 7-12 м, о действительных размерах судить трудно, так как подошва покрыта завалами (рис. 4). Стенки карьера неровные, частично обрушенные, глубина идет со-

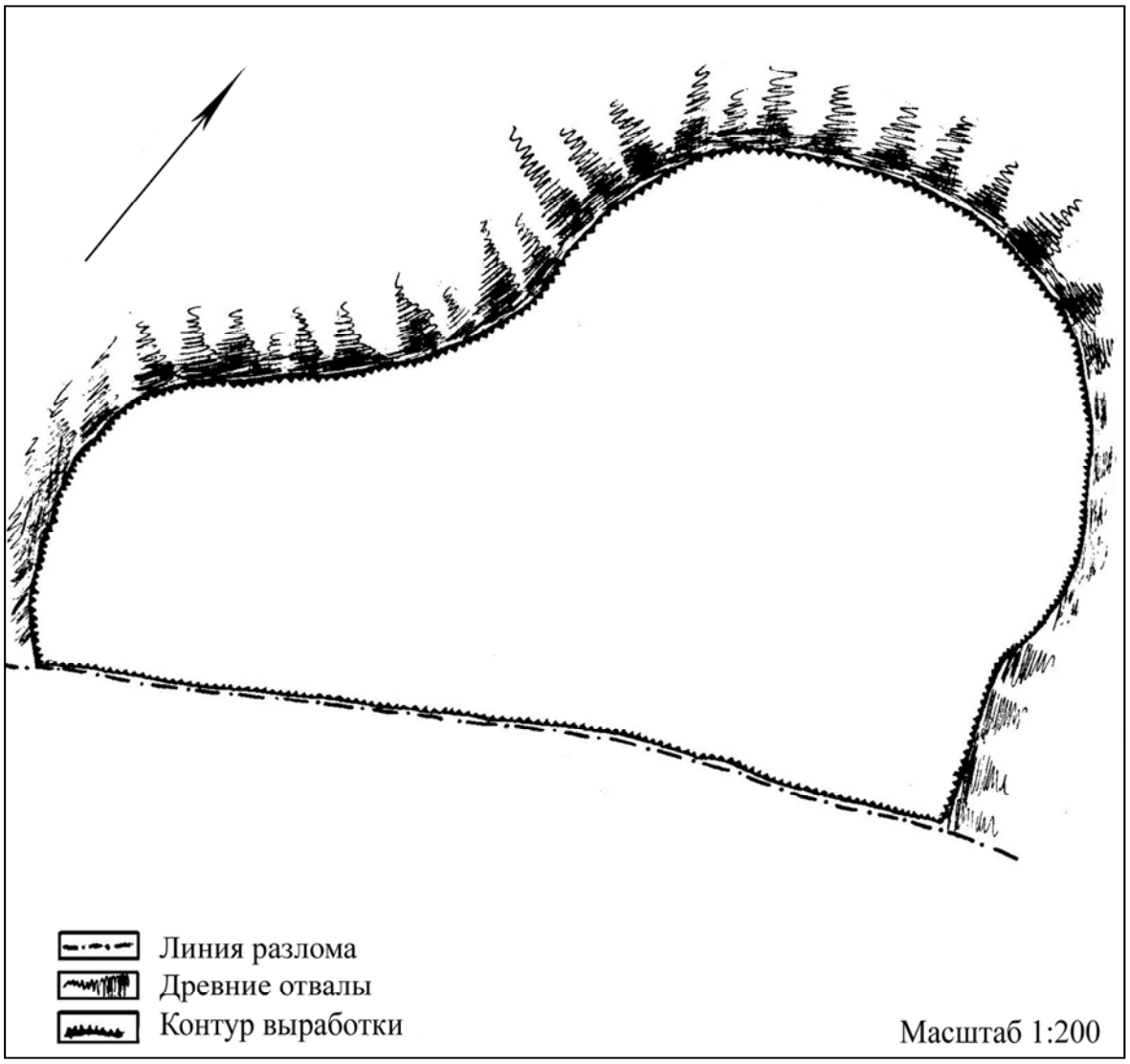

Рис. 3. Кочкарлы. План выработки №7 (по Г.Г. Полищуку, 1956).

гласно падения жилы и имеет наклон 60-70°. На стенках имеются следы поджогов. При разгребании завала обнаружены обломки сосудов, каменные молотки, рудодробилка, кости животных. По грубым подсчетам из этой выработки было вынуто более 25 тыс. тонн рудной массы. Возраст разработок документируется находками эпохи бронзы (Полищук, 1956. С. 43).

В 1,5-2 км юго-западнее Кочкарлы находится **Чангаллинское** месторождение, расположенное в 25 км к югу от станции Зирбулак. Приурочено к зонам интенсивной грейзенизации и окварцевания, размещенных в интрузии.

Чангаллинские разработки размещены отдельными группами и единичными объектами. На площади нескольких километров их насчитывается до четырех десятков. Все они пройдены в гранодиоритах по грейзенизированным и окварцованным зонам с оловянным оруднением. Эти выработки в большинстве своем представлены открытыми карьерами и щелями шириной от 0,5 до 2 м, глубиной от 2 до 15-25 м, длина их колеблется от 5 до 20-50 м (рис. 5). Иногда они имеют наклон согласно падения рудных тел. Некоторая часть карьеров имеет шурфовидную форму, в них на различных глубинах наблюдаются небольшие ответвления по простиранию рудного пласта, вследствие чего выработки приобретают катакомбный облик. Из забоя (глубина 15 м) одного такого штрека был извлечен скелет человека.

Погребенный лежал на правом боку в скорченном положении, что, по-видимому, связано с внезапным обвалом и узостью ложа. Рядом со скелетом обнаружены три каменных молота (Полищук, 1956. С. 15).

На площади древних выработок Чангалли зафиксировано три пункта былого рудоплавильного производства со следами самих плавильных устройств. Одно из них было вскрыто разведочным шурфом. Эта плавильная печь сильно пострадала при закладке шурфа. Восточная ее часть попала в контур сечения шурфа и была выброшена в отвал. Западная, тыльная часть сохранилась. Судя по ней, это была круглая в плане колодцеобразная полуназемная печь глубиной до 2 м, диаметром 1,4 м, перекрытая сводом с отверстием. Камера и свод были замазаны толстым слоем глины (2-3 см красно-розовой обмазки), что позволяло дополнительно укрепить стенки. Последние обожжены неравномерно (10-25 см). На фрагментах конструкции горна встречается спекшийся шлак. Шлаковая корка имеет толщину до 5 см. На дне печи находились обломки пород, как рудных так и нерудных, ниже которых была зола с кусками шлака. Остатков металла не встречено. Возможно, по окончании процесса выплавки печь демонтировалась. В заполнении была обнаружена керамика ручной лепки, микролитоидная пластинка из серого кремня длиной 28 мм, которая частично обожжена. Вторая плавильная печь находится в 800 м к юго-востоку от первой и в 300 м южнее мастерских бывшей геолого-разведочной партии. Она вскрытию не подвергалась. Обнаруживается по внешним признакам – небольшому возвышению высотой 0,8 м при диаметре 1,5-2 м и большого количества шлака. Чангаллинская металлургия по остаткам печей, видимо, была ориентирована на плавку руд со значительной загрузкой печи, что является характерным для рудоплавильного производства древнего периода.

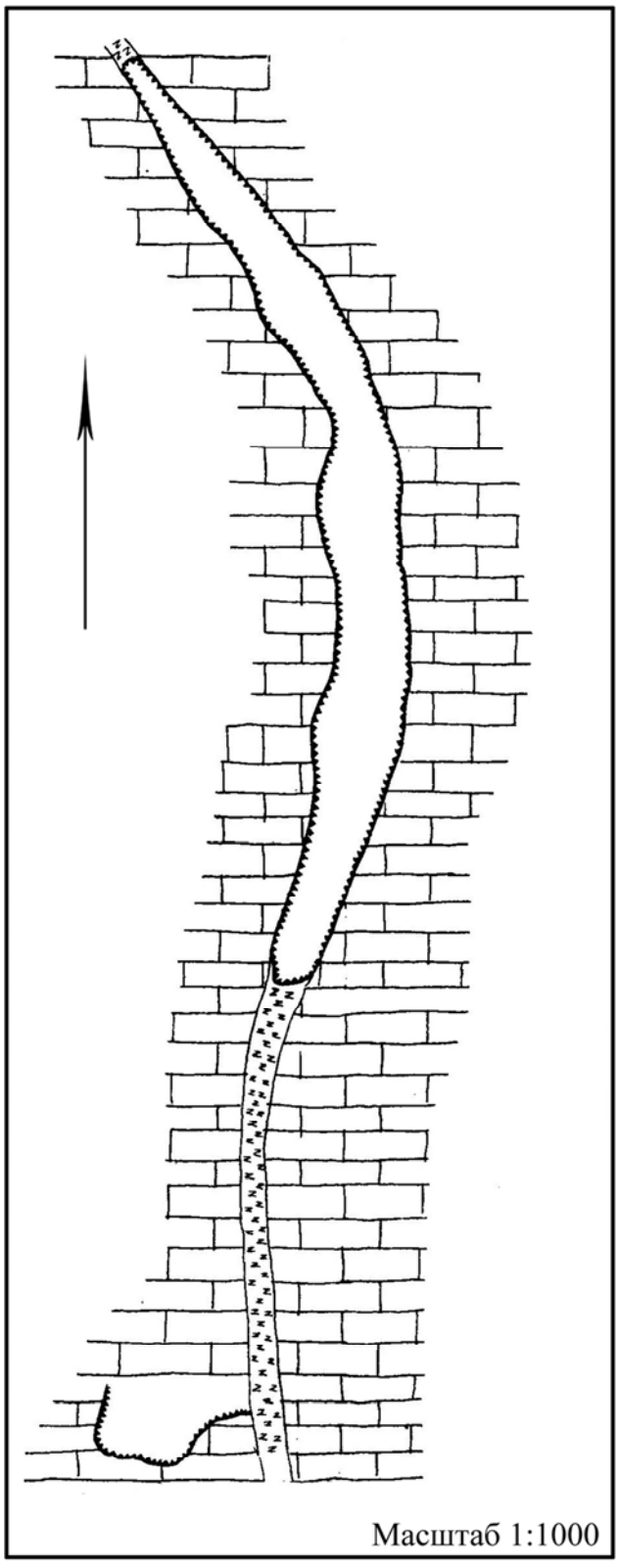

Рис. 4. Кочкарлы. План выработки №8. (По Г.Г. Полищуку, 1956).

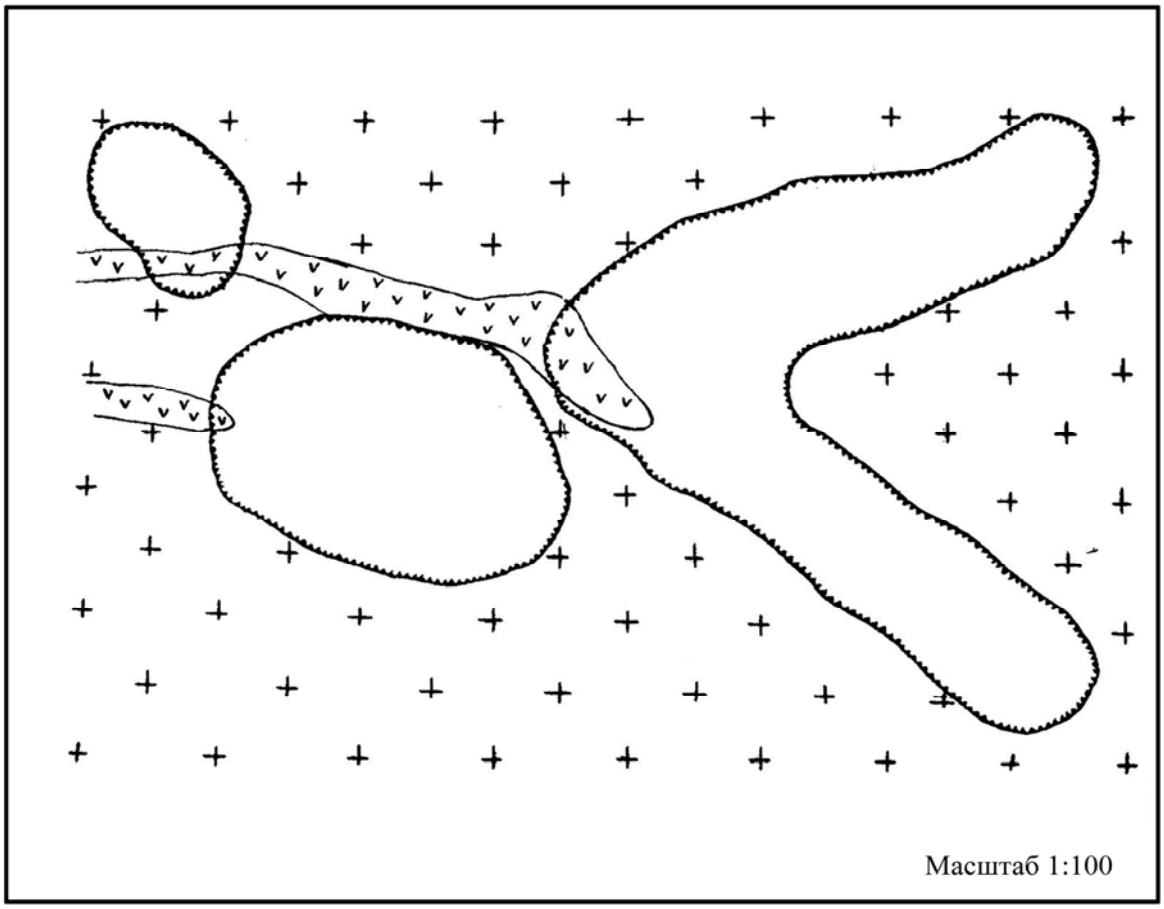

Рис. 5. Чангалли. План древних выработок (по Г.Г. Полищуку, 1956).

Сохранившиеся остатки шлака на участке Чангалли позволяют предположить, что выплавка олова производилась в два этапа. На первом этапе подвергали плавке руду, поступавшую непосредственно с выработок, без дополнительного измельчения и промывки. Но так как печи были слишком примитивными и металл загрязнялся, то после удаления шлака на втором этапе загрязненный металл переплавляли в тиглях, после чего получали очищенное олово (Полищук, 1956. С.17). Не исключена возможность, что в тиглях, обломки которых широко распространены на объекте, плавили рудный концентрат, прошедший процесс дробления. На это указывают встречающиеся каменные песты и своего рода ступки, находящиеся непосредственно в коренных выходах гранитов (рис. 6). Судя по обломкам, тигли имели казанообразную форму диаметром в верхней части 30-35 см и глубиной 15-20 см. Толщина стенок не превышала 1-1,5 см. Изготовлены они из несортированной глины путем ручной лепки. На некоторых обломках в верхней части сохранились ушки-ручки полукруглой формы радиусом 3-4 см[10]. Шлаки от первой плавки представлены крупными кусками пористой и ноздреватой массы голубовато и желтовато-серого цветов. На некоторых кусках наблюдаются гладкие и блестящие пятна. Шлаки от выплавки руды в тиглях представлены мелкими пластинчатыми кусочками размером 1х1,5 см и толщиной 2-3 мм. Верхняя сторона имеет стеклянный блеск, нижняя – матовая и слегка шероховатая, цвет тёмно-коричневый. На вышеуказанной площадке наряду со шлаками в большом количестве встречались пластинки микролитоидного вида, изготовленные из кремня, яшмы, наличие нуклеусов свидетельствует о местном производстве орудий. Среди находок— внушительное число местных гончарных изделий X-XII веков. Начало эксплуатации Чангаллинского месторождения датируется по контексту находок серединой II тыс. до. н.э.

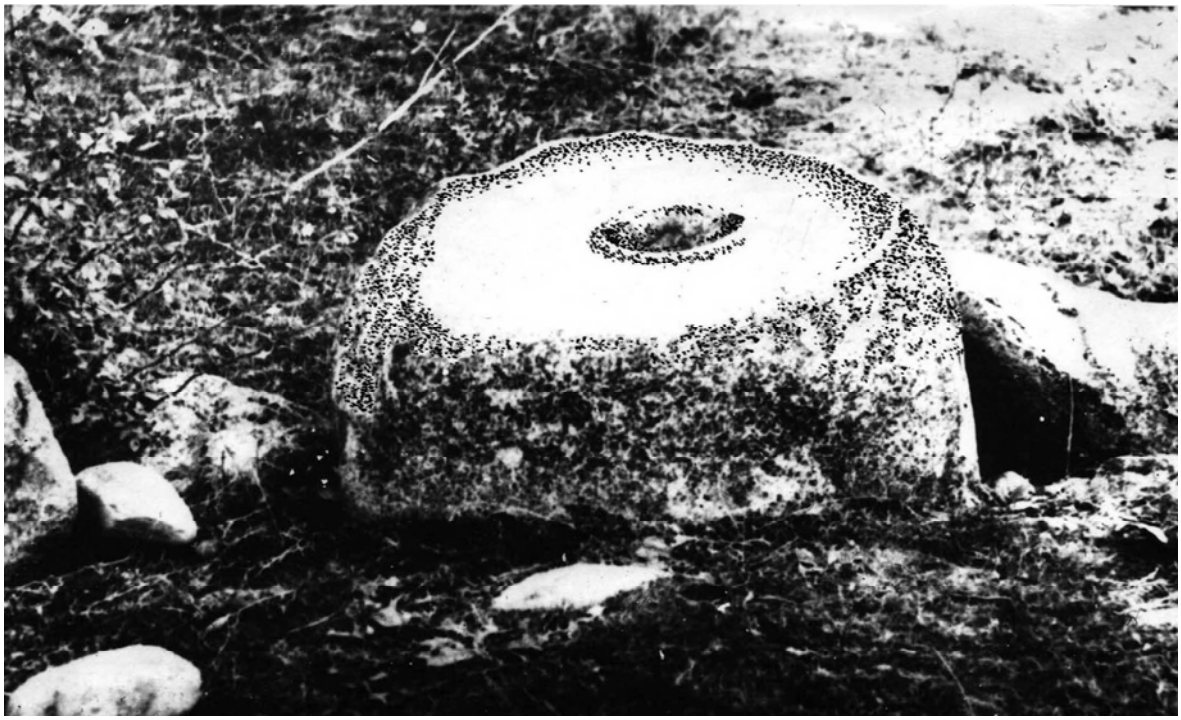

Рис. 6. Чангалли. «Ступка».

По отчетам геологов оловорудные проявления зафиксированы также в пунктах:

Кызыл-Гура, находится в 5 км юго-восточнее месторождения Лапас, расположен в известняках с линзами и гнездами лимонитов, приурочен к линиям тектонических нарушений, сопровождающихся сериями мелких рудоносных гранитоидных прожилков.

Кермине выявлен в 8 км к югу от одноименной станции в Зиаэтдинских горах, расположен среди хлорито-слюдистых сланцев иттармайской толщи, приурочен к кварцевым жилам с сульфидной минерализацией пирита, арсенапирита.

Чай-Дароз расположен в самой западной части Зиаэтдинских гор в 30 км от ст. Зиаэтдин, на южном склоне гряды Кара-таг и приурочен к одноименному разлому.

Киз-Курган находится западнее 5 км от селения Тым в эндоконтакте южной части Зирабулакского интрузива и известковой гряды Пиазлы, приурочен к тремолитово-волластонитовым скарнам, связанным с дайками аплитовидных гранитов.

Наука́ находится северо-восточнее 12 км от райцентра Кара-кишлак и приурочен к грейзенезированым пегматитовым жилам, прорывающим толщу кремнистых сланцев.

Помимо упомянутых пунктов, одним из примечательных рудных точек являются Тымские месторождения, в отношении которых мы практически не располагаем никакой археологической информацией кроме сообщения М.Д. Джуракулова о неолитической каменной индустрии из сборов Г.Г. Полищука (Джуракулов, 1972. С. 89-96).

Тымские древние разработки находятся в 30 км к югу от железнодорожной станции Зирабулак. Расположены на контакте кудукчинской интрузии с доломитизированным и мраморизироваными известняками. Приурочены к телам сульфидированных пироксеновых скарнов, рассеченных серией гранитоидных рудоносных прожилков. Пройдены они, в основном, в известняках по лимонитовым жилам. В 1950-1951 гг. Г.Г. Полищуком исследовано несколько месторождений. Большая часть из них завалена и заплыла от времени (Полищук, 1956. С. 6-12). Исследуемые материалы свидетельствуют, что тымский участок являлся крупным рудным узлом.

Выработка №1 расположена на правом борту Кальта-Сая, на контакте известняков со сланцами. Это открытая карьерообразная яма длиной 12 м, шириной 3-4 м и глубиной около 2 м. Пройдена она в зоне разлома, выполненного лимонитом, ароганитом и в очень ма-

лых количествах медистыми минералами - малахит и др. У местного населения она носит название Мискан, что означает медный рудник (Полищук, 1956. С. 6-7).

Выработка №2 размещена в 1 км северо-восточнее первой. Начинается она камерой, по форме напоминающей перевернутую на бок лодку длиной 3 м, шириной 1,5 м и высотой 0,5-1 м. Последняя величина взята не от забоя выработки, а от уровня завала. Судя по количеству сохранившихся лимонитовых отвалов, проходка должна быть довольно глубокой. Однако щебеночно-глинистый завал не позволяет установить ни объем отработанного пространства, ни форму выработки.

Выработка №3 находится северо-восточнее, в 700 м от выработки №2. Устье ее представлено небольшим низким входом, который через 1,5 м переходит в подземную камеру длиной 5 м, шириной 2-2,5 м. О глубине судить трудно из-за завала. Восточнее и северо-западнее от данного объекта наблюдается несколько десятков других выработок, устья которых полностью завалены деллювиальными отложениями. Опознаются они лишь по едва заметным углублениям, частично сохранившимся отвалам и по отдельным разрозненным каменным молотам. В отвалах в незначительном количестве встречена руда с примазками малахита.

Наиболее интересной на этом участке является выработка №4. Расположена она в 10 м к югу от выработки №3. Здесь по середине основной камеры наблюдался занос подошвы тонкозернистым песчано-глинистым материалом мощностью 1-1,2 м. Такое накопление лессовидных осадков в подземной камере, по всей вероятности, образовалось за счет пыли, занесенной через устье выработки вихревыми потоками воздуха[11]. Устье ее начинается ямообразным углублением, суживающимся к низу и переходящим через штольневидный вход в куполовидную камеру. Длина камеры 8 м, ширина 4-5 м, высота 3 м. Из этой камеры отходят два рукава (штреки) – один в юго-восточном направлении, второй - в южном. Поперечное сечение меняется на всем протяжении. Юго-восточный штрек при пологом наклоне уходит на глубину до 30 м. Южный штрек под углом 35-45° опускается на глубину 12 м, где заканчивается сапогообразной камерой. Длина южного рукава 19 м при сечении 1,5-2 кв.м. Кровля неровная, уступчатая. Подошва - более ровная, частично отшлифованная, что указывает на транспортировку руды путем длительного волочения (рис. 7). На южной стенке большой камеры между штреками имеется округлое углубление в виде ниши, в которой обнаружены разбитая посуда – (лепная с орнаментом) и кости животных – (нижние части конечностей быка или лошади). Кости подвержены интенсивной минерализации и ожелезнению, за счет чего имеют довольно большой вес и ржаво-красную окраску. По грубым подсчетам из этой выработки было вынуто более 1000 тонн породы. Объем добытой руды не может не поражать своей грандиозностью. В отвалах наряду с древесными углями обнаружены обломки посуд, мелкие кусочки шлака пластинчатой формы (10х15х2 мм). Наличие шлака (химический анализ шлаков показал 4% меди) указывает на плавку руды на месте ее добычи (Полищук, 1956. С.9).

Южнее, в 3 км от выработки №4 находится еще один пункт работы древних рудознатцев – выработки №5, 6. Первая сохранилась открытой благодаря расположению на склоне горы под небольшим углом. Она начинается вертикально-уступчатым входом глубиной 2 м. Устье настолько узкое, что человек проходит с трудом. Книзу вход расширяется до 2м и образует своеобразный “дворик”, от которого начинается штольнеобразная уклонка, уходящая к востоку под углом 10-15° на 65 м. Высота и ширина ее 2 м. Подошва выработки завалена глыбами обрушающейся кровли. Отдельные валуны имеют 0,8-1,5 куб. м в объеме. В 10 м от устья проходят 2 штрека, один в северном другой в южном направлениях, общая протяженность 35 м, ширина 1,5-2 м, высота 1,8-2,5 м.

Выработка № 6 расположена в 180 м к востоку от месторождения №5. Устье было закрыто каменной кладкой. При вскрытии оказалось, что вход в выработку имеет вид “трубы”, сплюснутой по длинной оси и уходящей на глубину под углом 30° до 18 м, где заканчивается камерой длиной 7 м, шириной 4 и высотой 3 м. Подошва входа ровная и

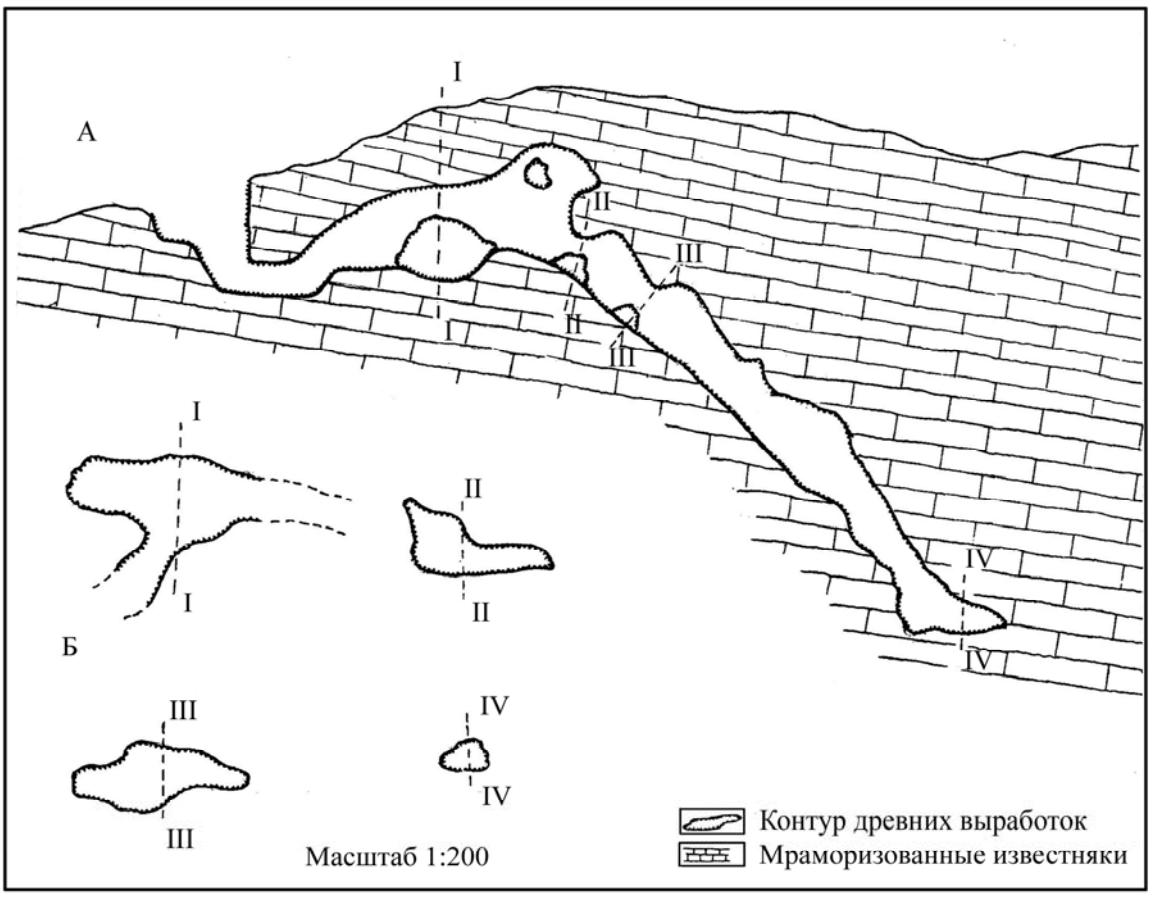

Рис. 7. Тым. А - продольный разрез по выработке №4.
Б - поперечные разрезы по линиям I-I, II-II, III-III, IV-IV
(по Г.Г. Полищуку, 1956).

гладкая, частично отшлифованная – следствие транспортировки руды путем волочения. Во входном штреке найдены каменные горнопроходческие орудия из крепких пород, не встречающихся в районе выработок, и мелкие фрагменты керамики.

На Тымском участке нет прямых доказательств, указывающих на вид разрабатываемого сырья. Здесь имеется большой комплекс рудной минерализации, но в таких количествах, что не представляет практического интереса даже при современной горной технике (Полищук, 1956. С. 10). Можно было бы предположить, что разработки производились с целью добычи бурых железняков как сырья для получения железа, но это опровергается тем, что все "железо" (лимониты) шло в отвалы. По-видимому, это были разведочные забои, где производились поиски и, возможно, попутная добыча олова и меди.

Кроме того, в отвалах проходки №2 найден обломок верхнего камня-бегунка от жерновов, изготовленный из биотитового гранита. На рабочей стороне камня прослеживается густая сеть борозд в виде концентрических колец глубиной до 2 мм. Это дает основание полагать, что на тымском участке одновременно с поиском меди и олова производилась заготовка и обработка лимонитовых охр для производства красок. В 20 м южнее устья выработки №2 в отвалах был найден молот, изготовленный из местного бурого железняка.

Западнее 650 м от выработки №4 и южнее 25 м от устья "Аммонитного" сая шурфом было вскрыто два слоя древесной золы. Первый слой был на глубине 1,5 м от поверхности, второй – на глубине 2,25 м. Западнее 80 м от этого шурфа, в сторону современного русла Кудукчасая, вторым шурфом на глубине 1,5 м в аллювиальных отложениях также был встречен слой золы не превышающий, как в первом так и во втором шурфах, 25-30 см.

К югу вниз по Кудукчасаю, в 1,5-2 км от указанных шурфов и восточнее 130 м от родника Кудукча зафиксирована площадка, очищенная от валунов, длиной 150 м, шириной 30-40 м, где при закладке шурфа обнаружена лепная керамика и микролиты с нуклеусами, изготовленные из кремня и халцедона. Наличие постоянно действующего родника и большого количества микролитоидного кремневого инвентаря указывает на то, что здесь, видимо, была стоянка древних людей, обитавших и производивших горные работы в этом районе.

В 5 км к юго-западу от описываемого района, 350 м восточнее от селения Тым находится городище в виде усеченного конуса высотой около 20 м, диаметр основания 50-70 м. У подножья и склонах обнаружено большое количество фрагментов керамики, изготовленной методом ручной лепки, каменные ступки из мраморированного известняка, пест и другие предметы, отражающие бытовую сферу населения эпохи бронзы. Как видно, здесь было древнее поселение, обитатели которого, безусловно, имели прямое отношение к горнорудным разработкам в Зирабулакских горах. Подобная картина выявлена и в окрестностях рудного поля Карнаб (Парцингер, Бороффка, 2002. С. 164). Весьма показательно, что поселения расположенные в тесной близости к выработкам, дают материал, идентичный керамике рудников.

Следует иметь в виду, что все месторождения разрабатывались и значительно позже. Из сказанного выше очевидно, что для добычи олова в Зарафшанской долине имелась весьма солидная сырьевая база.

Доступность оловянного камня позволяла андроновцам расходовать металл не экономно, о чем свидетельствуют бронзовые украшения могильников Муминабад, Чакка, Даштыкозы и др. с присадкой олова более 10% (Рузанов, 1982; Аванесова, 1991. С. 80), что придает сплавам особенный характер. Содержание олова к меди резко варьировало в зависимости от технологии производства и назначения предмета. Существенными преимуществами оловянистой бронзы является ее прочность (бронза с 5% оловом сопоставима со сталью), текучесть сплава и более низкая температура плавления. Указанные свойства, видимо, и побудили древнего металлурга перейти от мышьяковистой бронзы к оловянистой, что обусловливалась не отсутствием олова, а лишь тем, что оно еще (в IV-III тыс. до н.э.) тогда не было человеку известно (Селимханов, 1970. С. 72). Совершенно очевидно, что такой кардинальный сдвиг в металлургической технологии был возможен лишь при появлении новых источников сырья. На начальных ступенях развития древней металлургии олово как составная часть бронзы сыграла огромную роль, она позволила металлургам сделать крупный шаг на тернистом и сложном пути к культуре и прогрессу.

Наряду с добычей руды в регионе выплавлялись медь, олово, свинец, и, возможно, золото. Следы производства засвидетельствованы на поселениях Саразм, Тугайный, Чакка, Акташты, Бешбулак и др. Металлургический характер указанных памятников определяется наличием кусочков руды, шлаков, горна (или следов) для обжига сырой руды, коллекцией каменных рудообрабатывающих орудий, обломками плавильных чаш (тиглей), окалинами, всплесками металла и т.д. Есть свидетельства обработки металла (литейные формы на поселении Чакка). Большинство материалов не введены в научной оборот. Стационарные раскопки производились лишь в Саразме и Тугайный. Их описанию будет посвящена отдельная статья. Археологическими и геологическими исследованиями установлено концентрация поселений эпохи бронзы в примыкающих к выработкам районах. Местная оловорудная база начинает использоваться в начале II тыс. до н.э. – начало освоения связано с приходом раннесрубных и андроновских рудознатцев. Мы полагаем, что Зарафшанский регион являлся одним из очагов развития древней металлургии в Северной части Евразии, которая была обеспечена богатыми местными источниками сырья.

Археологические материалы и датировка древних рудников.

Все более увеличивающий объем данных, полученных за последние два десятилетия в Зарафшанской округе, указывает на самые неожиданные и отдаленные связи зарафшанцев с окружающим миром Восточной Европы и Северной Евразии (Саразм, Жуков, Тугайный,

Сазаганское староречье и др.). Культурно значимые параллели с памятниками степной части Евразии обнаруживают и ряд артефактов из обсуждаемых рудников. Получены заслуживающие внимание коллекция каменных орудий и разновременной гончарной продукции. Обнаруженная керамика обеспечивает культурно-хронологическую привязку к эксплуатации рудников, а также отражает историю развития, освоения и распространения металлургии эпохи бронзы. Анализ разнокультурной керамики и производственных площадок свидетельствуют, что наивысший подъем древних горнодобывающих работ приходится на период срубно-андроновских пастушеских сообществ. Видимо, срубно-андроновская культурная близость связана с тесными производственными отношениями.

Керамическая выборка состоит из 55 обломков, из них 16 археологически целые сосуды (произведена частичная графическая реконструкция), 21 – определимые фрагменты (верхние части венчиков) и 18 слабо поддающихся диагностике (малые размеры, сильная затертость орнамента). Учитывая фрагментированность всей коллекции и полное отсутствие целых сосудов, для характеристики формы сосудов были использованы верхние и придонные части емкости. За основу выделения типов берутся верхние части сосудов, наиболее полно отражающие все разнообразие форм культурно-хронологических групп керамики. Коллекция немногочисленна, но достаточно репрезентативна.

Анализ глиняной посуды включает технико-технологическую информацию (состав формировочной массы, обработка поверхности, режим и устройства обжига)[12]; морфологическую характеристику (характер профиля сосуда и его составные части – венчик, шея, плечо, тулово, дно); художественное оформление (приемы декорирования), что позволило выявить пять групп. По сумме указанных показателей керамические емкости (неравные в количественном отношении группы) имеют признаки нескольких культур: андроновской, срубной, тазабагъябской, катакомбной и амирабатской. Анализируемая керамика хронологически не однородна. Следует отметить, что ни одна из выработок не дала сколько-нибудь крупной коллекции. Наиболее многочисленную группу составляют сосуды андроновского типа.

Группа I - демонстрирует классические черты андроновского керамического производства, представлена горшками, горшечно-баночными сосудами и блюдом (Карнаб, Чангалли, Тым, Кочкарлы). Несмотря на отсутствие абсолютно целых сосудов (о форме можно судить на основании обломков верхней части и венчиков) федоровская посуда легко узнаваема (рис. 8). Это трехчастной формы горшки с плавным профилем, отогнутой наружу шейкой. Форма венчика округлая, частично уплощенная. Поверхность с лощением. В тесте примесь песка и шамота, иногда дресвы и слюды. Сосуды орнаментированы сплошной зоной, включая шейку, плечи и тулово. Композиция складывается многократным повторением мотива или зеркальным отражением. Основные элементы орнамента: косые заштрихованные треугольники, линейные композиции, меандры и фестоны, ломаные угловые фигуры. Декорированы отпечаткам мелкозубчатого штампа с квадратными или прямоугольными зубьями. Для разграничения орнаментальных зон использовались треугольные или уголковые вдавления выполненные палочкой. Аналогичные сосуды входят в состав керамических комплексов федоровских поселений и могильников южного Урала, Казахстана и Сибири (Андроновская культура, 1966; Потемкина, 1985; Зданович, 1988; Максименков, 1978; Евдокимов, Варфоломеев, 2002; Ткачева, Ткачев, 2008).

Интерес представляет обломок глиняного блюда с ушком, который является ярким индикатором собственно федоровской посуды (рис. 8-21). Блюдо овальной плоскодонной формы с горизонтальным орнаментированным “елочкой” ушком. Узор выполнен мелкой гребенкой. Срез венчика округлый. Убедительные соответствия мы находим в погребальных памятниках южного Урала и Казахстана. (Андроновская культура, 1966. Табл. VII-13; VIII-1; IX-4; Усманова, 2005, рис. 48-5; 62-1; 64-1, 2; 66-2, 15).

В этой группе есть и нестандартный сосуд – без орнамента, слабопрофилированный со слегка отогнутой наружу шейкой (рис. 8-7), характерный для зарафшанского варианта анд-

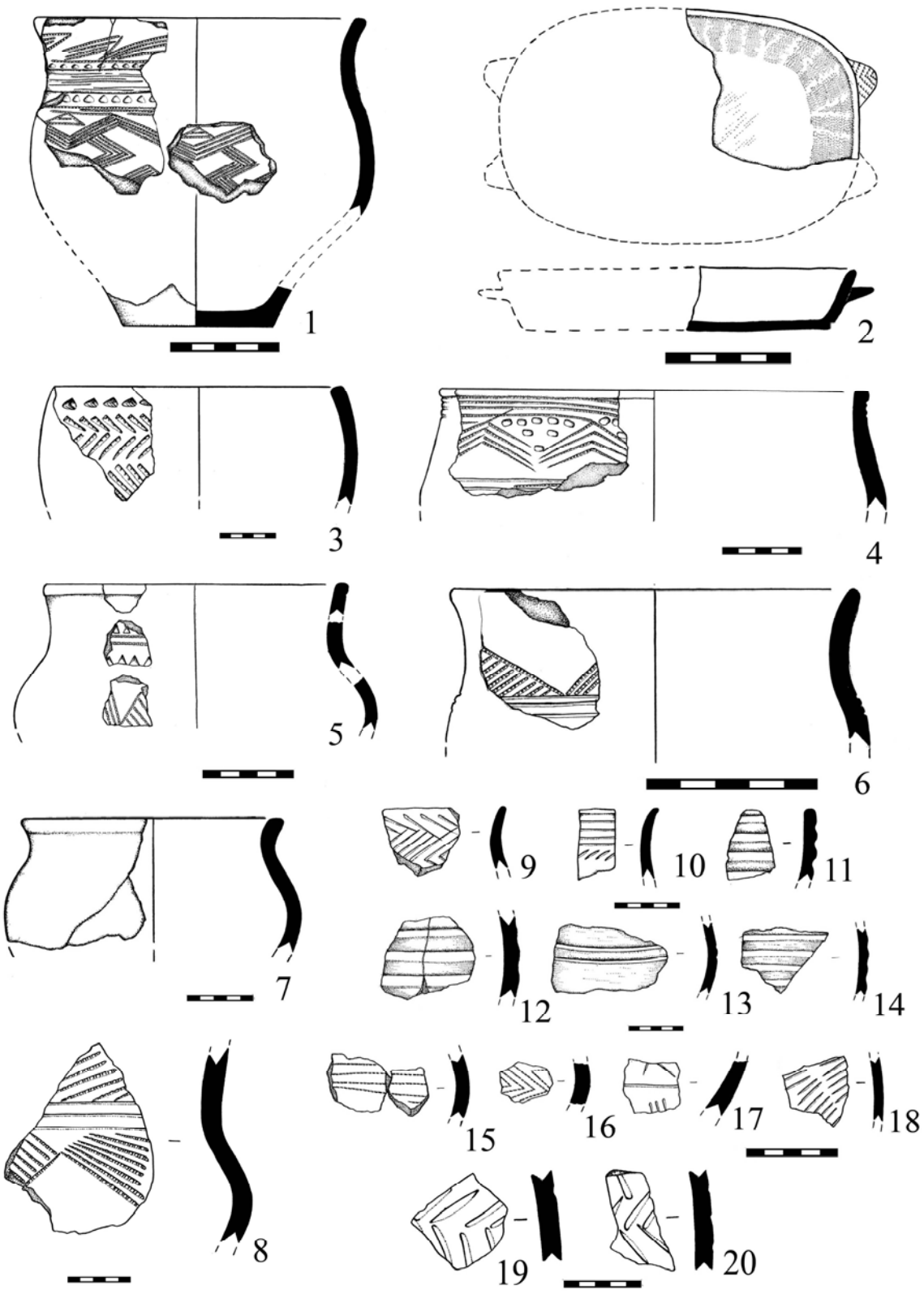

Рис. 8. Андроновская культурная группа.
Карнаб: 2, 5, 15-17 - сборы Д.Н. Лева; 1, 8, 18 - сборы геологов; 12, 13, 14 - по В.Д. Рузанову. Кочкарлы: 4 - выработка №7; 6, 19, 20 - выработка №8. Чангалли: 3 - заполнение печки. Тым: 9, 10, 11 - площадка у родника (по Г.Г. Полищуку).

роновской общности (Аванесова, 1985. С. 38-40). Традиция неорнаментированной посуды, возможно, отражает влияние местного древнеземледельческого импульса. Среди керамической серии из горных выработок есть обломки стенок (9 фрагментов), которые, безусловно, близки федоровской посуде. На них чаще всего представлена резная орнаментация горизонтальной "елочкой" и каннелюры (рис. 8, 12-20).

Керамика этой хронологической группы засвидетельствована во всех пунктах кроме выработки Лапас.

За последние годы в Зеравшанской долине получена представительная керамическая серия, идентифицируемая как андроновская посуда, которая в технико-морфологическом и хронологическом отношении устойчиво ассоциируется с федоровской гончарной традицией. Не углубляясь в проблемы хронологии и культурной самостоятельности федоровских комплексов, можно отметить достаточно очевидный факт их присутствия в середине II тыс. до н.э. в регионе, что игнорировалось некоторыми исследователями.

Сосуды **II группы** выделяются из общей массы характерными чертами срубной культуры (Карнаб, Лапас). В коллекцию входят биконические горшки со сглаженным ребром, с выделенной шейкой, слегка отогнутым венчиком (рис. 9-1,5); банки без выраженной шейки, (рис. 9-2,4); единичным экземпляром представлен горшечно-баночной формы сосуд с широким устьем (№10). Срез края венчиков горизонтальный или округлой независимо от формы сосуда. Все они имеют приземистые пропорции. Поверхность сосудов желто-бурая или кирпичного цвета. В глине примеси дресвы, шамота, песка, известняка, остатков органики. Декоративные композиции занимают верхнюю часть емкости. Орнамент состоит из ограниченного числа незатейливых рисунков: горизонтальные пояски, насечки, зигзаги, ромбы. Они выполнены грубо, небрежно, иногда бессистемно, ассиметрично. Рисунок наносился оттисками крупного разреженного зубчатого и гладкого штампа. Есть случай псевдоверевчатого штампа (рис. 9-31), линзовидные и каплевидные вдавления, заходящие на срез венчика, образуя волнистые края (рис. 9-4). Оригинальность этой группе придают сосуды, декорированные по срезу венчика и наличие упорядочных расчесов, выполненных зубчатым штампом (рис. 9-1,3). Расчесы просматриваются не только снаружи, но и внутри сосуда. Они характерны для культур Восточной Европы, в том числе для раннего этапа (покровский тип) срубной культур (Мочалов, 2003. С. 58; Горбов, Усачук, 2001. С. 215; Семенов, 2001. С. 276).

Аналогические сосуды входят в состав керамических комплексов памятников Волго-Уральского междуречья (Памятники срубной культуры, 1993, табл. 16-6; 25-1; 36-15,17; 48-16; 52-2). Наблюдается также некоторое сходство обсуждаемых здесь находок (рис. 9-2,4,5) с керамикой указанного региона (Памятники срубной культуры, 1993. Табл. 18-8,17; 21-32,34; 36-14; 40-2; 41-35; 43-16). Приведенные выше аналогии укладываются в рамки XVII-XV вв. до н.э. В соответствии с существующими хронологическими разработками начало срубной культуры определяется покровским этапом.

III группу образуют фрагменты, демонстрирующие определенные стандарты тазабагъябского керамического производства (Лапас, Кочкарлы, Чангалли).

Тазабагъябская культурная группа отличается характерной для нее формой (шаровидное тулово и невысокое изогнутое горло) и орнаментальными приемами (незамкнутые треугольники, треугольники с "бахромой" и заштрихованные). К первой близки мотивы, зональная приуроченность и композиционное построение орнамента. Декор не богат, основа орнаментальной композиции – ряд геометрических фигур в верхней части посуды. Определенные сходства обнаруживаются и в технике нанесения (резной и гребенчатый штамп) орнамента (Итина, 1977. С. 112-116). Глина с примесью дресвы и толченных раковин. Цвет поверхности фрагментов сосудов ярко-желтый, розовый или коричневой. Обжиг неравномерный, черепок плотный. Сосуды с примесью толченных раковин в среднеазиатских комплексах – диагностический показатель тазабагъябской культуры (рис. 10).

Формы сосудов не стабильны, характерно наличие горшков с невысоким слегка изогну-

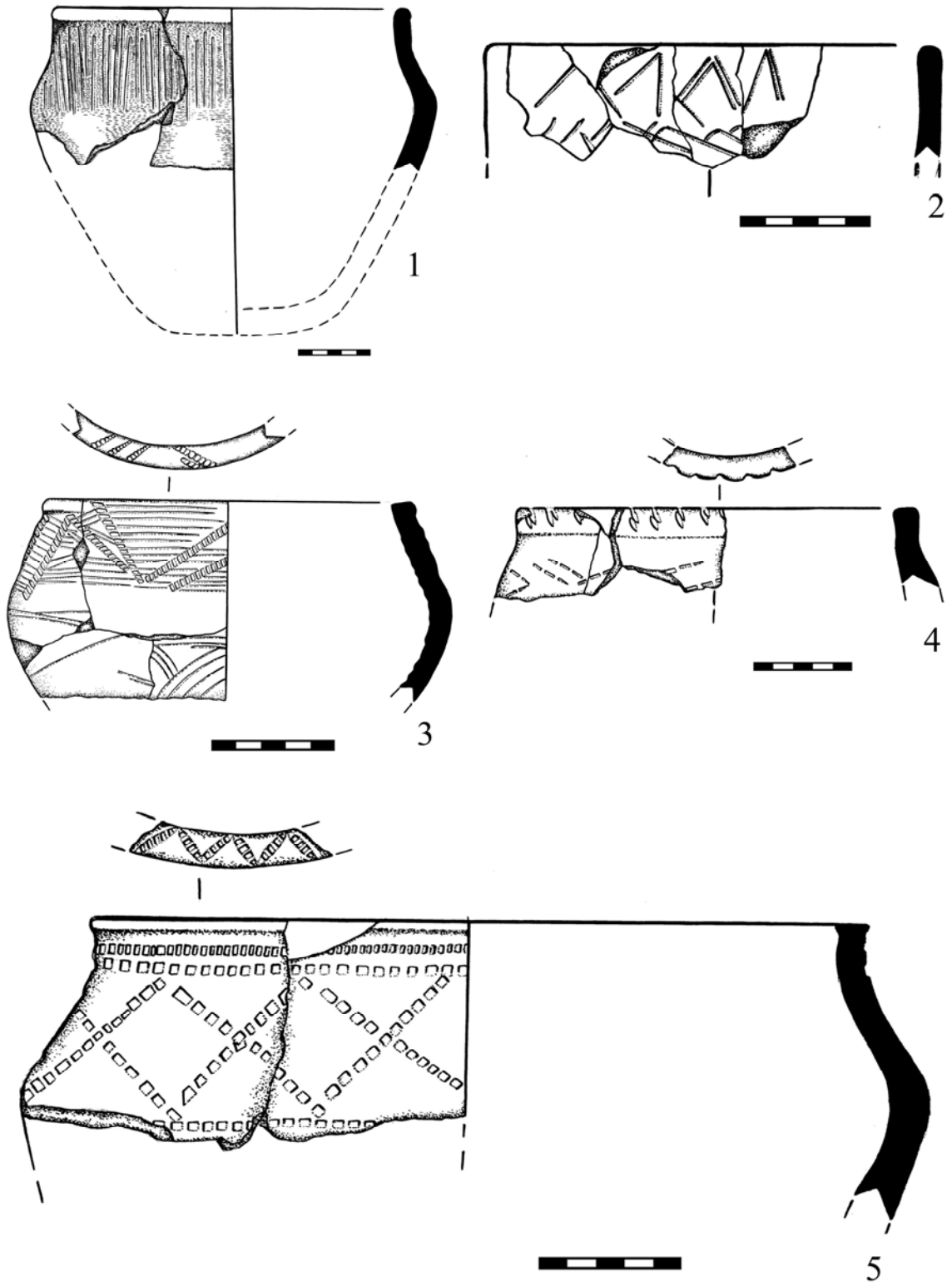

Рис. 9. Срубная культурная группа.
Карнаб: 1 - сборы Д.Н. Лева; 2 - сборы геологов. Лапас: 3, 4 - сборы геологов;
5 - выработка №9 (по Г.Г. Полищуку)

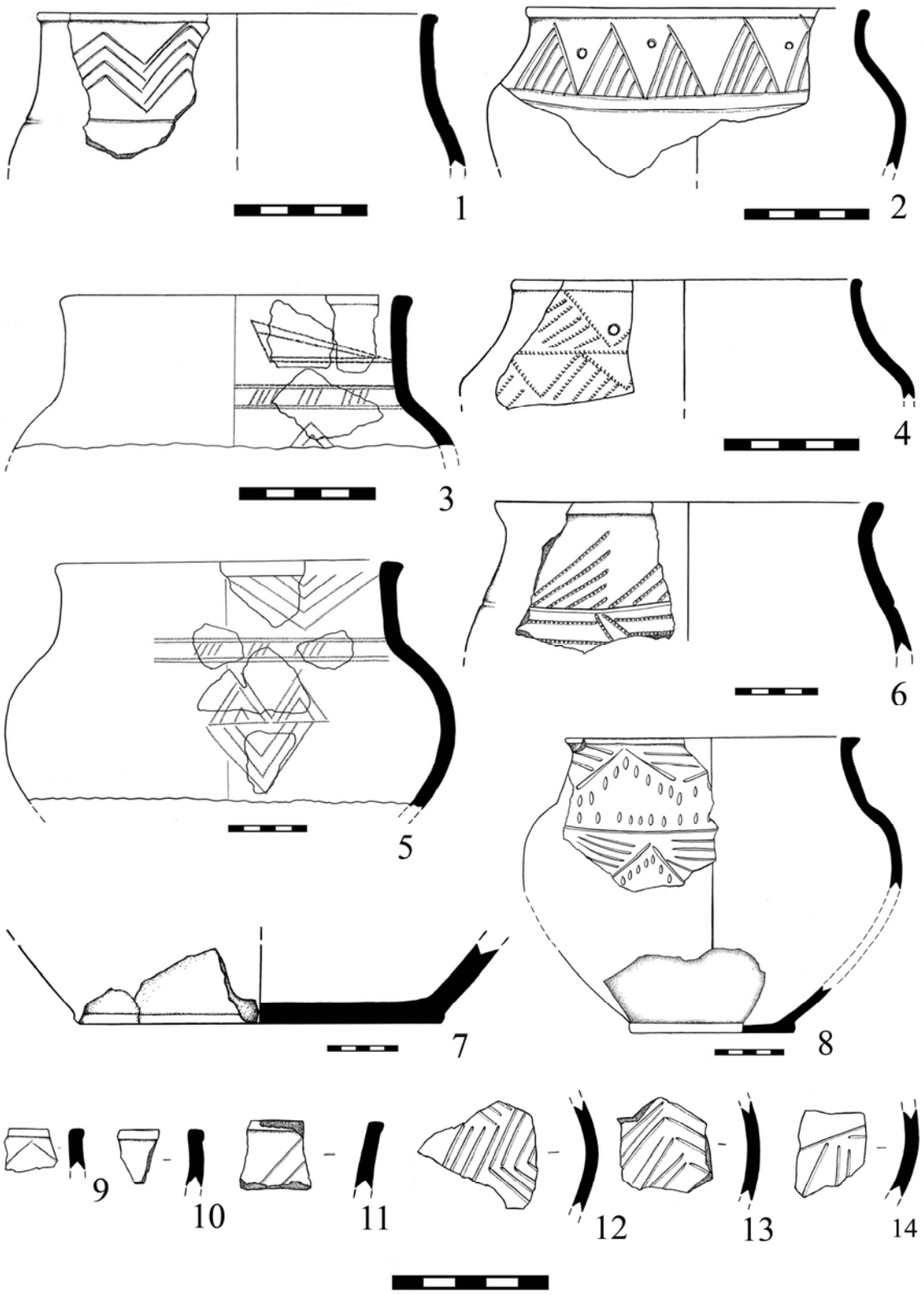

Рис. 10. Тазабагъябская культурная группа.
Кочкарлы: 1, 3, 5, 7, 12-14. Чангалли: 6, 8. Лапас: 2, 4, 9-11 (по Г.Г. Полищуку)

тым горлом, плавным переходом к округлым плечам и тулову (рис. 10-2,4,8); сосуды с чуть выделенным горлом и покатыми плечами (рис. 10-1,6); узкогорлые сосуды с сильно раздутым туловом (рис. 10-3,5). Рассматриваемые сосуды с выделенной придонной частью с характерной закраиной. Срез венчика округлый или уплощенный, имеет внешний наплыв, слегка нависает над стенками. Излом черепка серый. Разные цвета поверхности и излома свидетельствуют о костровом обжиге. На сосудах присутствуют следы ремонта в виде просверленных для скрепления отверстий. Подобная керамика по составу теста, форме сосудов, орнаментальным композициям близка, если не идентична, с посудой памятников тазабагъябской культуры (Итина, 1977, рис. 20-8; 36-1, 37-1,2,4; 65-VII, VIII; 62-23; рис. 55-2-4; 52-8; 20-8, Виноградов, Мамедов, 1975, рис. 65-1; 31-1,8; Виноградов и др., 1986, рис. 33-3,9; 35-4; 37-1,4,9). Тазабагъябская посуда наиболее представительна в материалах Кочкарлы.

Сосуды **IV группы** находят ближайшие соответствия в памятниках завершающего этапа эпохи поздней бронзы (Карнаб, Лапас, Кочкарлы, Чангалли, Тым). Это посттазабагъябские комплексы амирабадской культуры Южного Приаралья и сосуд алексеевско-саргаринского типа Урало-Казахстанского региона. Главными признаками, позволившими их выделить, являются идентичность формовочной массы, режима обжига (сосуды лилового цвета) формы и стиля орнаментации с посудой последних (рис. 17). Форму сосуда отражают обломки верхней и придонной частей керамики (рис. 11-3, 5, 6, 17).

Пропорции сосудов, насколько можно судить по фрагментам, вертикально-вытянутые или приземистые. Вся имеющая керамическая серия рассматривается в рамках трех основных типов: 1 – открытые горшки приземистых форм с прямым коротким горлом, раздутым туловом, иногда с уступчатым плечом и выделенным дном, оформленным закраиной (рис. 11-3,5,6); 2 – горшковидные сосуды с изогнутым горлом, выделенными плечиками и округлым туловом (рис. 11-1,2); 3 – горшечно-баночной приземистой формы сосуд с направленными внутрь стенками, округло-уступчатым туловом и грибовидной формой венчика (рис. 11-4). Следующим показателем, характеризующим анализируемый керамический комплекс, является его орнаментация, элементы которой представлены каплевидными вдавлениями; косыми короткими насечками со значительным интервалом; горизонтальной “елочкой”; рядами зигзагов. Техника нанесения орнамента – гладкие вдавления, резные или прочерченные линии, оттиски. Формовочная масса с минеральными примесями – дробленый камень (известняк, кварц, гранит), который при обжиге проступает на поверхности сосудов. Культурно значимым маркером амирабадской керамики является лиловый цвет, который, по М.А. Итиной, появляется в результате изменения режима обжига сосудов, предварительно окрашенных красной охрой (Итина, 1977. С. 153-154). Подобная керамика в рассматриваемой группе представлена. Прослеживается определенное сходство выделенной керамики с посудой Якке-Парсан 2, Каунды 1 (Итина, 1977, рис. 73-5; 74-5; 80-1,2; 81-1) и в погребениях позднего этапа развития тазабагъябской культуры Кокча 3, датирующейся не ранее XII-XII вв. до н.э. (Виноградов и др., 1986. С. 144, рис. 33-8; 35-4; 37-1,3,4,8; 38-6). Амирабадская керамика по техническим характеристикам существенно отличается от тазабагъбской посуды (известняковая, гранитная крупная дресва, режим обжига и др.). Хронологически описанная керамика синхронна алексеевско-саргаринской посуде.

В традициях последней изготовлен единичный сосуд, обнаруженный В.Д. Рузановым в древней выработке месторождения Карнаб (Рузанов, 2000, С. 56, рис. 1-1; 2010. С.58, рис. 9 -1). Обломки сосуда изучались нами de visu, (рис. 11-7). Соглашаясь в целом с предложенной датой В.Д. Рузанова, стоит отметить ряд, как нам представляется, существенных моментов. Реконструированный нами горшок – приземистых пропорций, с широкой короткой, слабопрофилированный отогнутой шейкой, переходящей в реберчато-уступчатое плечико. Тулово умерено раздутое, дно широкое с закраиной. Срез венчика уплощенный, с наплывом на внешней стороне. Сосуд украшен оттисками среднезубчатого гребенчатого штампа, образующими однорядную горизонтальную “елочную” композицию. Узор занима-

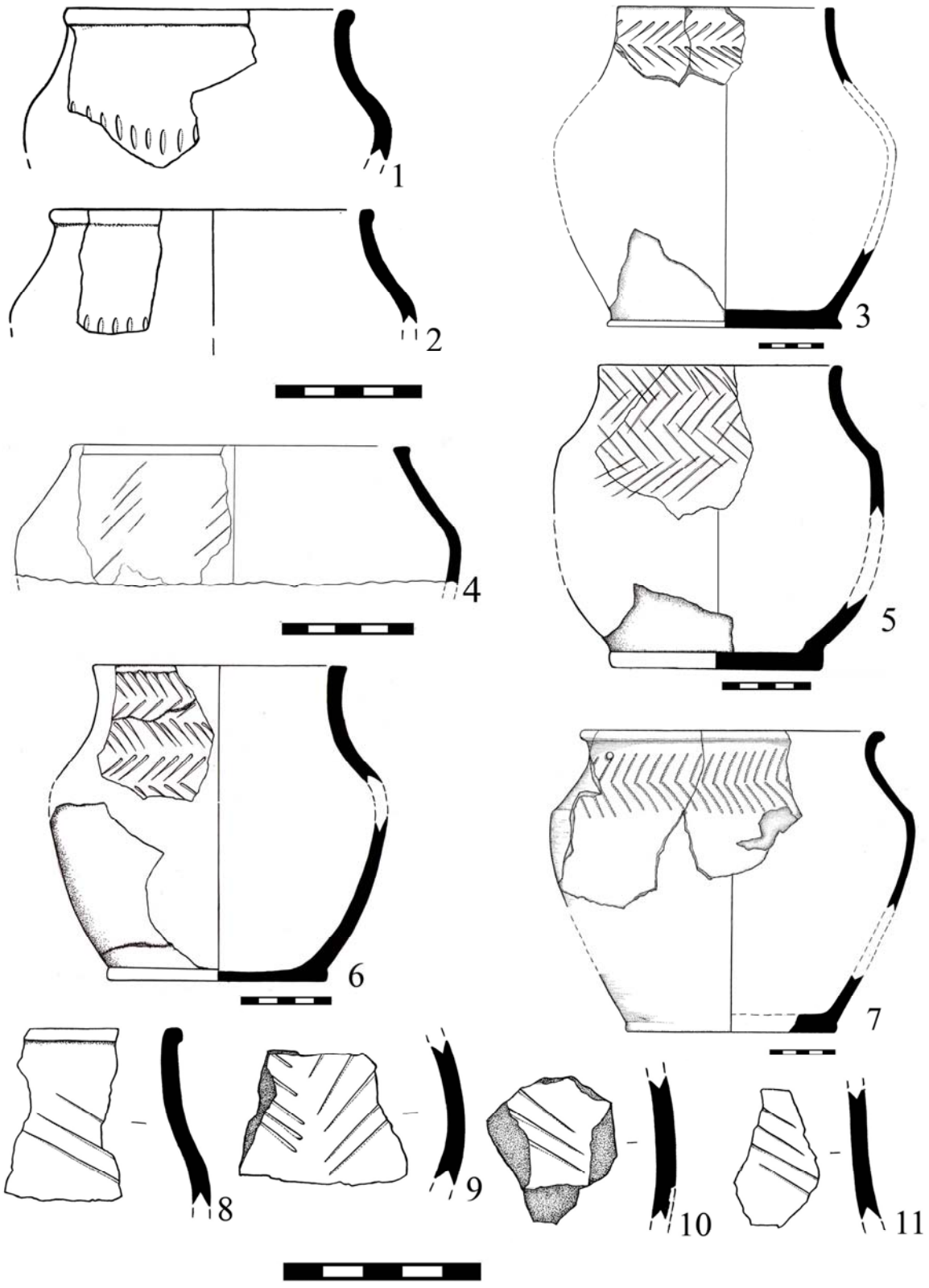

Рис. 11. Амирабадская культурная группа.
Карнаб: 1, 11 - сборы геологов, 7 - по В.Д. Рузанову
Лапас: 2, 4 - выработка №9. Чангалли: 5, 6, 9, 10 - из забоя.
Кочкарлы: 3 - выработка №7. Тым: 8 (по Г.Г. Полищуку).

ет узкую полосу, покрывает нижний отдел шейки и верхнюю часть плеча. Следует сказать о рецептуре глины. В качестве отощителя использовали мелкозернистый кварцевый песок в сочетании с крупнотолченым шамотом. Поверхность сосуда шероховатая, цвет темно-серый, излом черепка черный. По ряду таких важных признаков, как форма (высокое расположения ребристого плеча), орнамент (схема размещения), способ изготовления (песок, шамот) подобная керамика характерна для саргаринско-алексевской посуды (Зданович С.Я, 1984. С. 81-86, рис. 5; 1983. С. 75, рис. 1-5; Зданович 1988. С.114; Потемкина, 1985. С. 274, рис. 12-2,3; 13-8; 108-228) и близка дандыбай-бегазинской керамике (Маргулан, 1979.С. 155, рис. 116-2; Евдокимов, Варфоломеев, 2002. С. 55-56, рис. 20, 21). Последние входят в единый пласт культур валиковой керамики финального периода эпохи бронзы Евразии (Черных, 1983. С. 81-91) и датируются приближенно XII-X вв. до н.э.

Сосуды **V группы** резко контрастирует с керамикой описанных выше комплексов. Культурно-хронологическая интерпретация данной группы вызывает значительные трудности, т.к. несколько необычна для центрально-азиатского региона. Своеобразие наиболее ярко проявляется в формах и приемах орнаментации. По своим морфологическим и технологическим характеристикам керамика вызывает ассоциации с посудой катакомбного типа[13]. Заметим, что полные аналогии обнаружить сложно. Обнаружена только районе Тымских древних разработках. Рассмотрим каждую находку в отдельности с различной степенью детализации (рис. 12).

1. Реповидный, короткошейный (внутреннее ребро) сосуд с рельефной поверхностью. Прямой венчик и высокие покатые плечики оформлены оттянутыми валиками, которые украшены ногтевыми защипами. Декор венчика переходит на его срез. На невысокой шейке имеется горизонтальный пояс из коротких насечек, выполненных оттисками палочки. Внешняя поверхность серовато-пепельного цвета, с глубокими разнонаправленными расчесами. Излом имеет однотонный темно-серый цвет. В глиняном тесте примесь песка и шамота (рис. 12-2). Катакомбная принадлежность устанавливается на основании реповидной формы, орнаментированных валиковых утолщений венчика и плечиков и расчесов, выполненных в стиле катакомбных традиций.

2. Фрагменты темно-серого горшковидного сосуда с едва намеченной шейкой, которая образована желобком и внутренним ребром. Отвесные плечики, переходящие в яйцевидное тулово, покрыты глубокими горизонтальными прочерченными линиями орнаментального характера, нанесенными концом палочки. Аналогичным техническим приемом оформлена шейка, на которой имеются косые нарезки с уклоном вправо. Срез венчика округлый. Поверхность тщательно заглажена, в изломе черепок черного цвета (рис. 12-4). Наблюдается в определенной степени близость анализируемой керамики с посудой финального этапа среднедонской катакомбной культурой (Беседин, 1984. С. 67, рис. 4-1).

3. Фрагменты крупного тарного сосуда с расширенным реповидным туловом, выделенной короткой шеей и отогнутым наружу венчиком. Поверхность (внешняя и внутренняя) покрыта глубокими расчесами гребня. Лаконичный узор в виде многорядного вертикального зигзага (с коротким шагом) занимает отрезок верхней половины тулова. Декор нанесен отпечатками личинковидного штампа (рис 12-1). По деталям оформления поверхности, форме и орнаменту, описанная керамика сопоставима с донецкой катакомбной посудой (Братченко, 1976. С 36-38, 66, 89, рис. 8. Д-2; рис. 15-3; 16-10; 31-1; Мамонтов, 2001. С. 434, рис. 2-1).

4. Небольшой фрагмент сероглиняного сосуда с выделенной невысокой прямой шейкой. Край венчика уплощенный, на внутренней поверхности имеется ребро. Шейка плавно соединяется с покатыми плечами, на внутренней и наружной поверхностях имеются яркие следы полосчатых расчесов зубчатым штампом. Они выступают как самостоятельный элемент орнамента. Черепок в изломе черный, тесто с примесью шамота и песка, обжиг неравномерный (рис. 12-5).

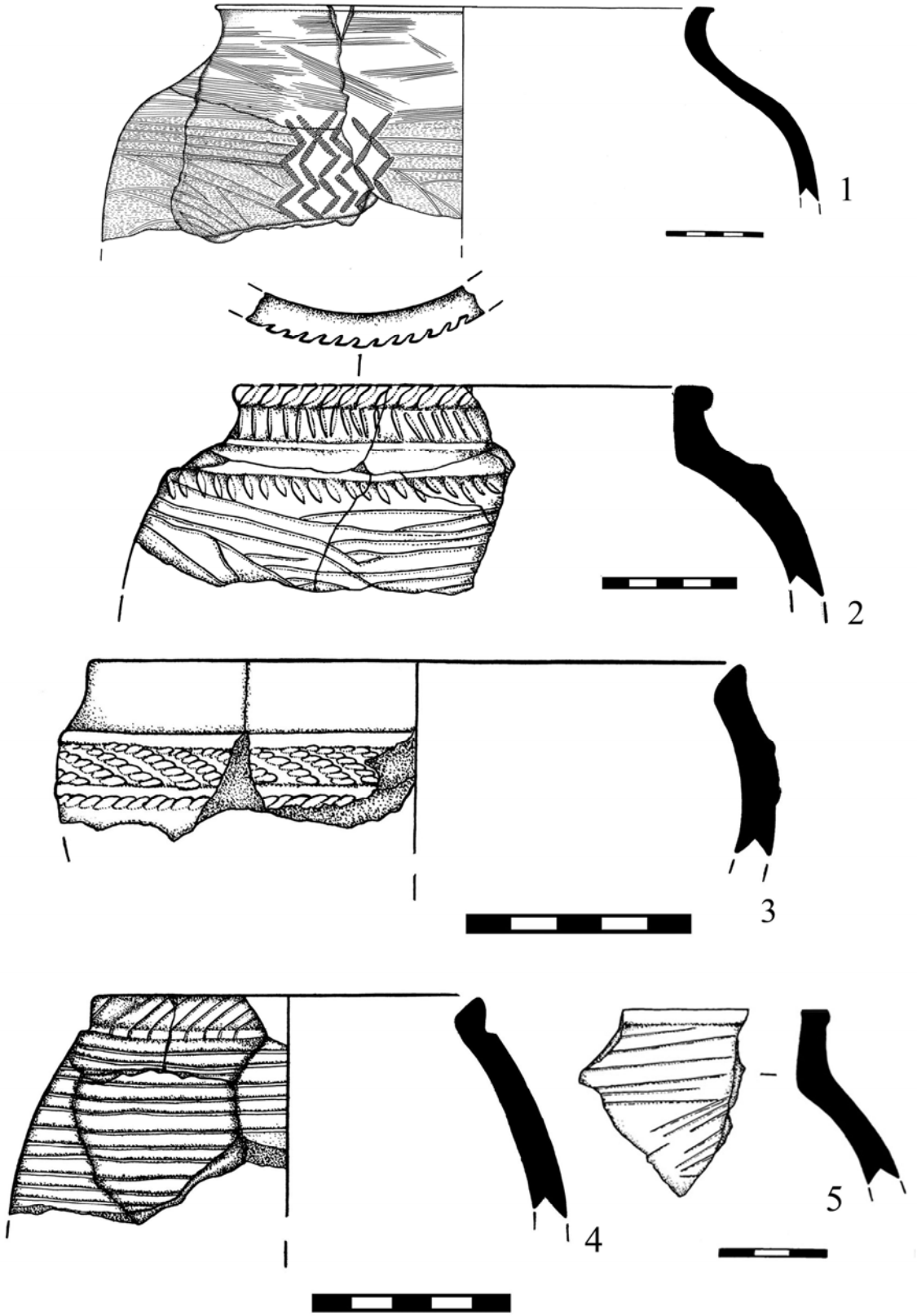

Рис. 12. Катакомбная культурная группа.
Тым: 1 - выработка №4, 2 - площадка у Кудукча,
3,5 - в районе городища, 4 - выработка №6 (по Г.Г. Полищуку).

5. Верхняя часть баночного сосуда со слегка прикрытым устьем. Орнамент расположен под венчиком, узор в виде наклонных, коротких насечек выполнен оттисками веревочного штампа (рис. 12-3). Срез венчика округлый со скошенным наплывом с внутренней стороны. Верхняя поверхность коричневато-серого цвета, внутренняя часть обработана расчесами при помощи зубчатого штампа. Формовочная масса с обильной примесью измельченной раковины. Черепок в изломе черного цвета. По описанным признакам мы находим параллели с гончарной продукцией катакомбного населения степного Заволжья (Юдин, 1997. С. 38-42, рис. 1-1,2). Сходная керамика происходит из Нижнего Поволжья в погребении полтавкинского типа могильника Верхнее Погромное (Шилов, 1975. С. 92-93, рис. 41-3).

Найденные единичные, но выразительные фрагменты катакомбной керамики дают представления о культурной ситуации района и служат индикатором наличия катакомбных памятников в Зарафшанском бассейне.

Возможный катакомбный импульс в памятниках нашего региона уже отмечался (Алекшин, 1986; 1989), но недостаток материализованных фактов (прежде всего типичных изделий катакомбной культуры) не позволил рассматривать его как самостоятельное культурное явление. Некоторые характерные признаки рассматриваемой керамики позволяют полагать, что катакомбное население появилось здесь в начале II тыс. до н.э. Эта керамика дает возможность не только зафиксировать новый географический район с катакомбными находками, но и внести некоторые коррективы в проблему освоения рудных источников.

В целом, анализ керамики из оловорудных месторождений указывает на многокомпонентный характер культуры древних горняков, что позволяет говорить о сложном процессе становления зарафшанского металлургического очага. Рассмотренная нами керамика отражает обменно-торговые связи зарафшанцев с пастушескими сообществами Восточной Европы. Зеравшанский бассейн – один из возможных путей неоднократного продвижения на юг Средней Азии пастушеских племен Евразии.

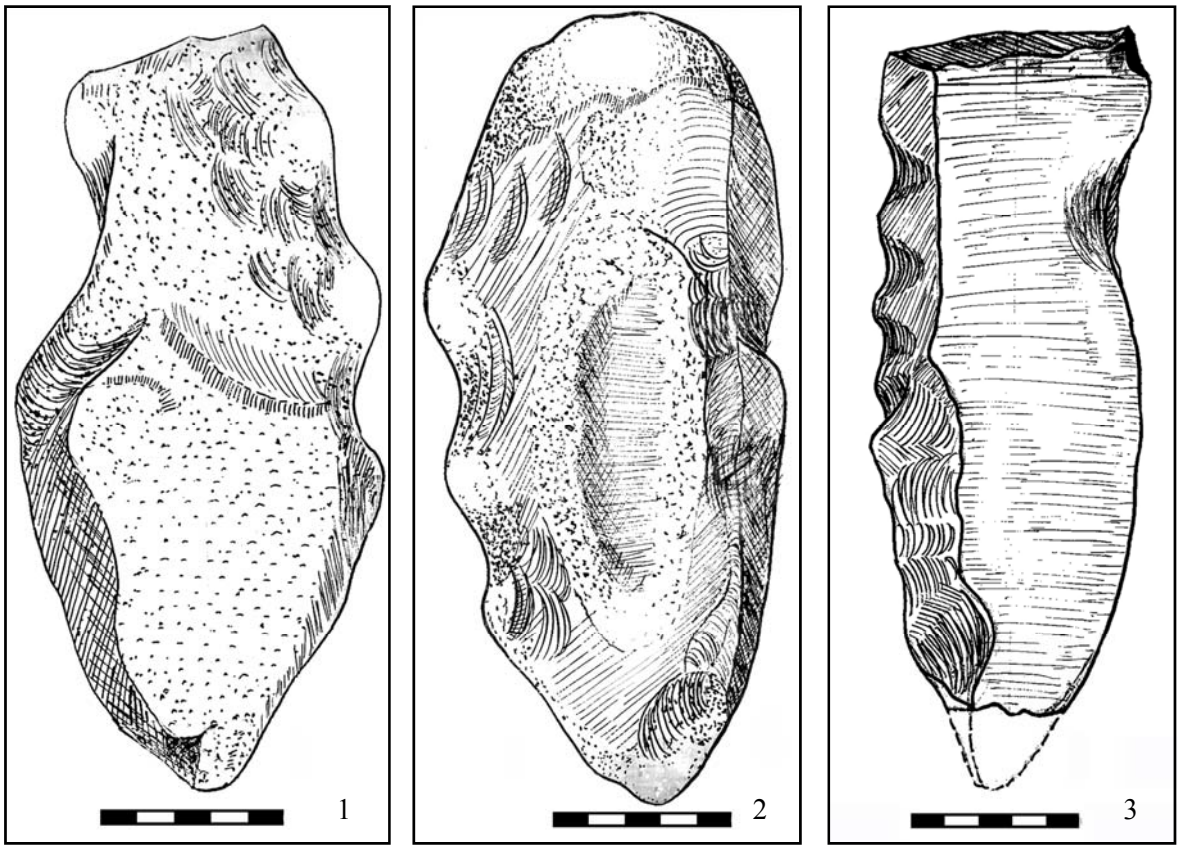

Рис. 13. Кайлы. Карнаб: 1, 2. Лапас: 3.

Обратимся к анализу ***каменной коллекции***.

Описание изделий из камня, входящих в материальный комплекс выработок, дается суммарно, прежде всего из-за отсутствия точных паспортных данных. Общее количество изделий – более 30 экземпляров. Эти материалы в равной степени важны для изучения горнорудного производства, а также культурно-хронологического подхода к времени эксплуатации месторождений.

Набор орудий связан с рудодобывающим (кайлы, молоты) и рудоперерабатывающим (песты, кувалды, терочные плиты) производством.

Кайлы уплощенно-клиновидной формы с узким лезвием для добычи руды. Представляют собой орудия ударного действия, с помощью которых от рудного тела отделялись куски минерала (рис. 13).

Молоты – ударные орудия, служили для раскалывания и дробления рудоносной породы в момент ее добычи (рис. 14). Выделяются изделия полифункционального характера, т.е. имеют два рабочих торца - зауженный конец и уплощенный верх, предназначавшиеся соответственно для отбивания и дробления руды. Их обычно крепили к рукояти.

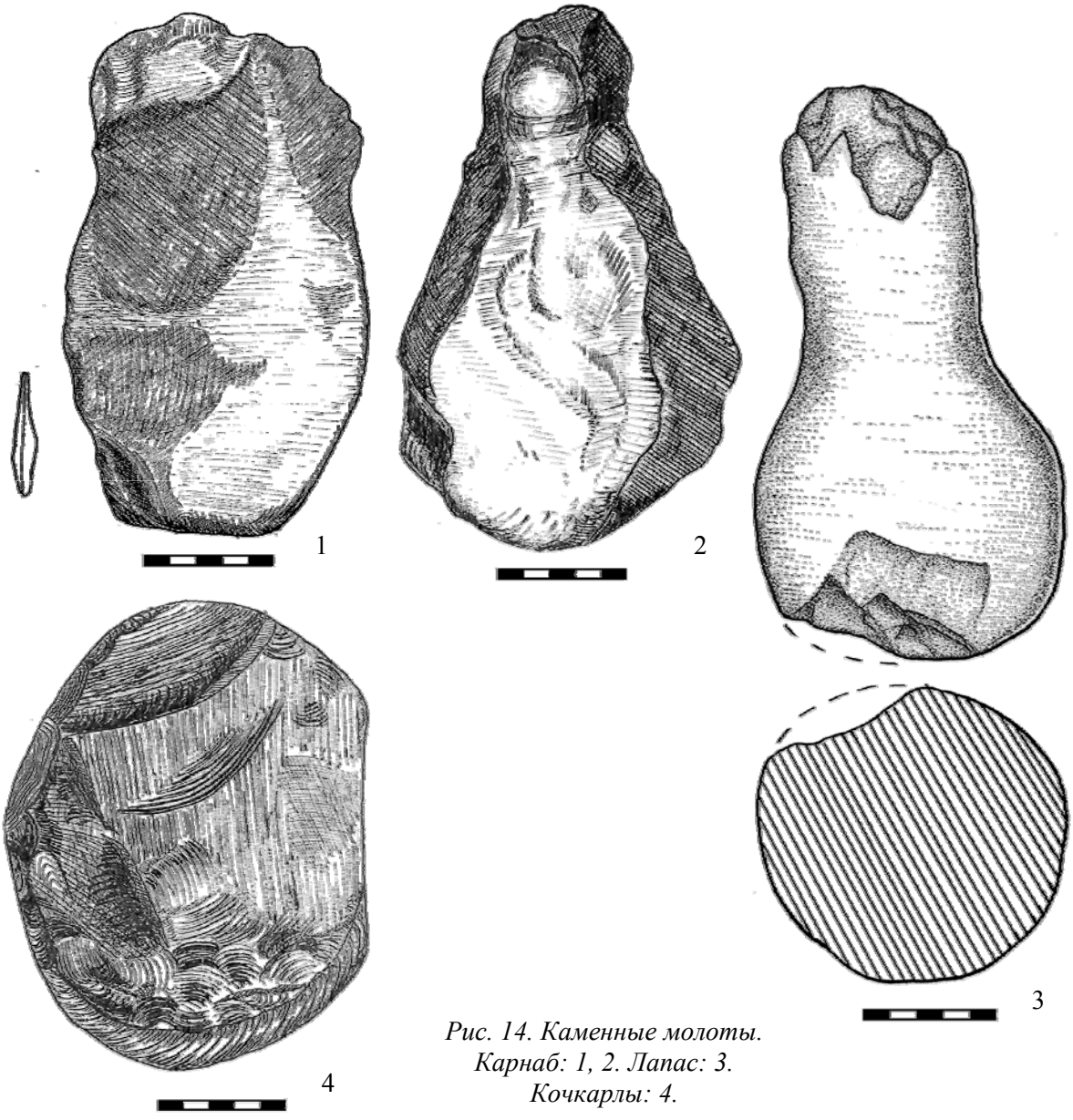

Рис. 14. Каменные молоты.
Карнаб: 1, 2. Лапас: 3.
Кочкарлы: 4.

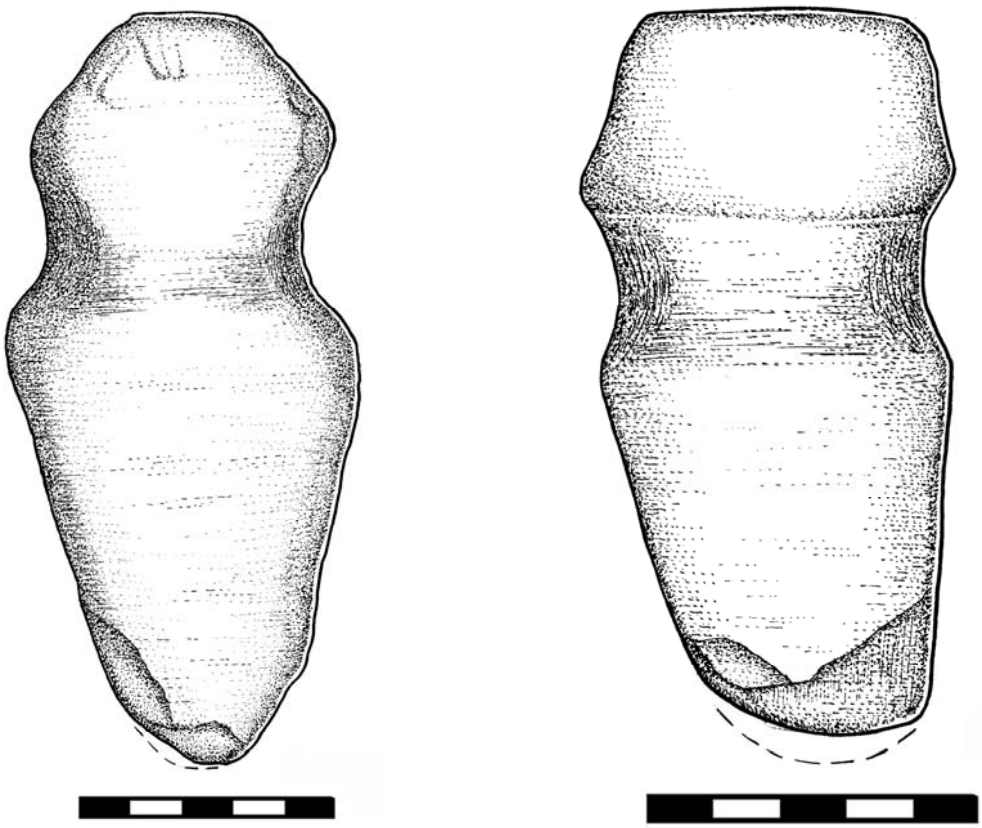

Рис. 15. Полифункциональные орудия: кайло-молот. Карнаб: 1. Лапас: 2.

Кувалды связаны с дроблением и размельчением руды, представляют собой массивный ударный инструмент с двумя рабочими торцами со следами глубокой забитости и пришлифовки (рис. 16).

Терочные плиты представляют собой рудоперерабатывающие орудия. рабочая поверхность со слабой вогнутостью, которая формировалась в результате длительного использования.

Песты округло-удлиненных очертаний служили для дробления и растирания руды. Торцовые участки со следами ударных и терочных действий. Для изготовления пестов обычно использовались естественные гальки удлиненной формы без какой-либо искусственной обработки поверхности. Их подбирали по форме с расчетом на удобное держание в руке (рис. 17-4).

Изделия описанных типов широко известны в памятников, связанных с циклом горно-металлургических производственных операций. Сырье, идущее на изготовление орудий горного дела представлено изверженными породами - порфировидные и турмалиновидные граниты, диориты, габбродиориты, имевшие место в Зиаэтдино-Зирабулакских и Каратюбинских горах (Полищук, 1956. С. 22-23).

Уникальной в каменной серии является находка *фаллоидного песта* из Тымского городища. Пест цилиндрическо-конической формы, расширяется к основанию, имеет полусферическое навершие с небольшим моделирующим пояском в виде валика. Сечение округлое. Изготовлен из темно-серого тонкозернистого песчаника, тщательно зашлифован. Размеры: высота 15,6 см, диаметр по основанию 7,5 см (рис. 17-3).

Подобное изделие относится к так называемым фалломорфным пестам, широко известным в памятниках эпохи палеометалла многих невзаимосвязанных по культуре общностей. Показательно присутствие подобных артефактов в комплексах, чаше всего связанных с

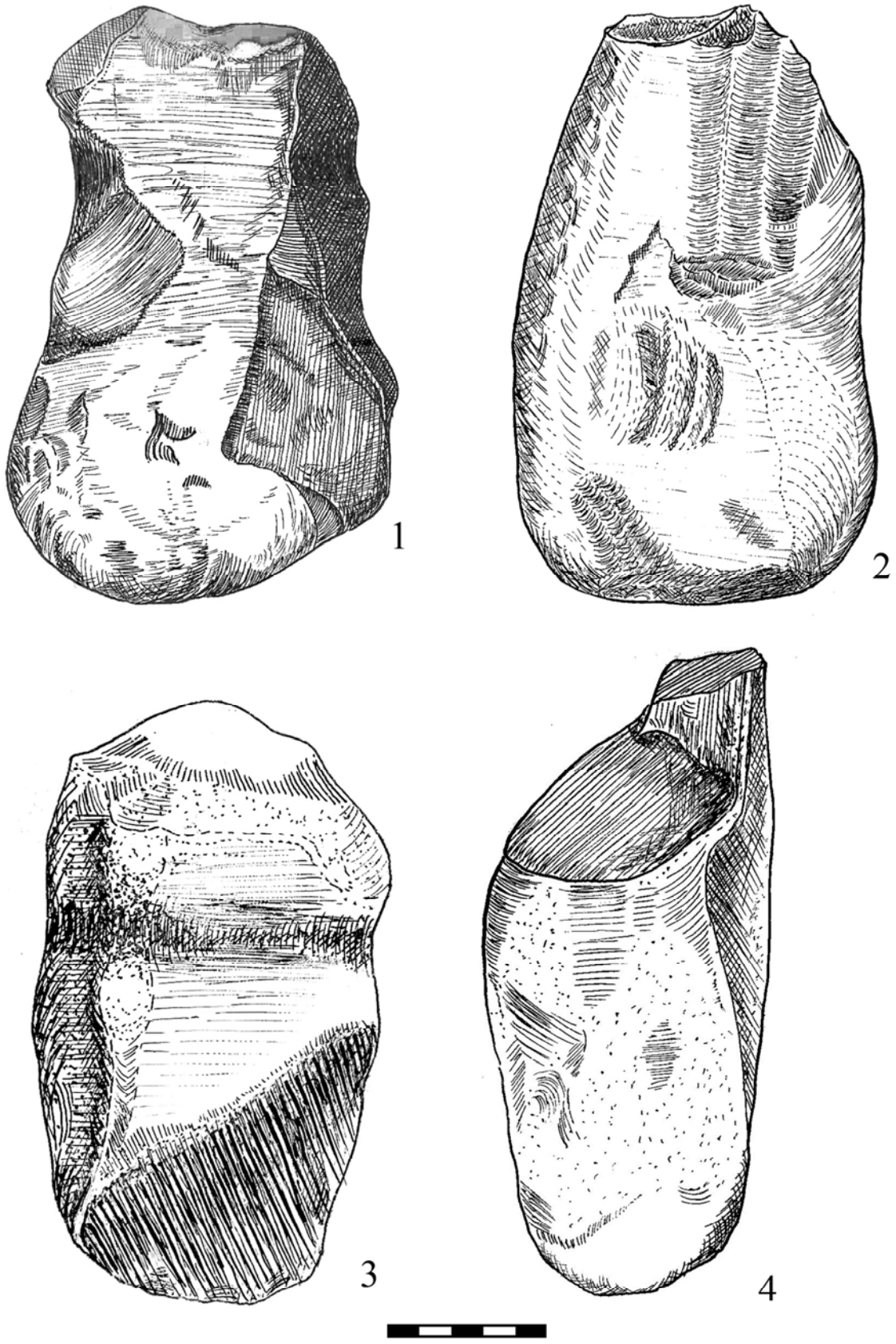

Рис. 16. Кувалды. Карнаб: 1, 2. Лапас: 3. Чангалли: 4.

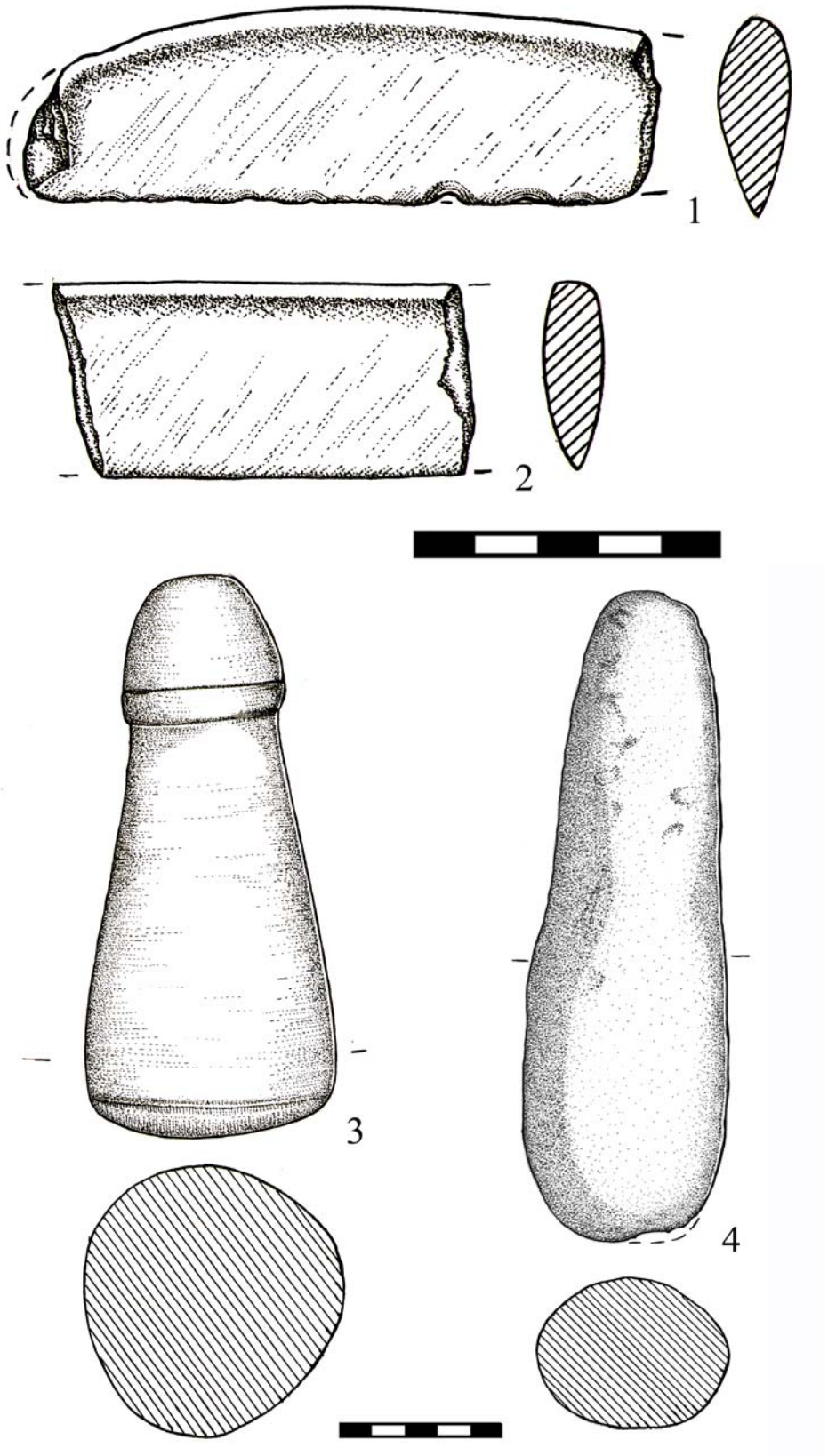

Рис. 17. Каменные изделия. Карнаб: 1, 4. Чангалли: 2. Тым: 3.

горнометаллургическим и металлообрабатывающим производством, о чем мы уже писали, отмечая их утилитарное назначение (Аванесова, 2004. С. 406-409; 2008. С. 24-25).

Очевидно, нельзя исключить их неутилитарность вследствие того, что описанный нами выше пест выполнен из камня мягкой породы, исключающий возможность механического использования. Возможно, подобные изделия предназначались не для действия, а для восприятия, т.е. имеют отношения к фаллическому культу и являются знаковыми изделиями, но эта тема специального исследования.

Существенный интерес представляют находки каменных *серповидных ножей* (один целый, второй – фрагмент), обнаруженных в отвалах карьеров Карнаб и Чангалли (рис. 17-1,2). Они изготовлены из речной гальки удлиненно-плоской формы с прямым рабочим лезвием. Подобные изделия широко распространены в Чустких, Дальверзинских памятниках, в долине Зарафшана известны в ранних слоях городища Коктепа. Показательно, что в одной из штольн Карнабского рудника Б.А. Литвинский обнаружил лепную расписную керамику "анауского" облика (Литвинский, 1950. С.60; Литвинский и др., 1962. С. 176). Из чего следует, что в освоении Зарафшанских рудников участвовали носители культуры лепной крашеной керамики эпохи РЖВ.

В заключение необходимо подчеркнуть – ведущий отраслью экономики зарафшанцев была добыча руды и ее обработка, на что указывают масштабы древнего горного дела, существование специализированных производственных площадок и поселений металлургов. Производственные процессы, происходившие здесь, были идентичны южноуральским, центральноказахстанским и горноалтайским сообществам.

Зарафшанский металлургический очаг служил сырьевой и производственно-технической базой исторически родственных культур скотоводов. Он был практически монопольным поставщиком олова. Транспортировка оловянной руды или металла осуществлялась речными маршрутами. Представляется правомерным предположение о существовании "оловянного пути". Задача будущих исследователей – подкрепить ее дальнейшими раскопками и открытиями.

Наше исследование подтвердило выводы о многокомпонентном составе населения Зеравшанской долины, которое складывалось на протяжении эпохи палеометалла. Активное освоение сопровождалось ассимиляцией и культурной интеграцией, что привело к сложению здесь самобытных симбиозных культурных образований.

Примечание

1. К сожалению, пока в регионе, кроме Саразма, трудно выделить металлоносные археологические культуры эпохи палеометалла.
2. Лопатин С.В., Пругер Е.Б., Ермилов А.Г. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана масштаба 1:1000000, 1964. "Самгеология". Фонды; Киреев В.И., Пругер Е.Б., Бахметова Б.И. Отчет по теме: "Ревизия изучения древних горных выработок на территории Узбекистана за 1964-1967 гг.". "Самгеология". Фонды. Результаты геологических исследований, содержащих очень важные для археологической науки сведения, еще не опубликованы, за исключением некоторых работ Е.Б. Пругера (Пругер, 1975. С. 223).
3. В архиве кафедры археологии Самаркандского университета хранится фонд археолога Д.Н. Лева – специалиста в области палеолита, древнейшего горного дела и металлургии. Здесь имеются материалы по рудному и плавильному делу, относящиеся к эпохе бронзы и производства железа. Среди них – и материал о Карнабе: Д.Н. Лев. Археологические разведки в районе совхоза "Карнаб " // Предварительный отчет о работе археологической экспедиции УзГУ и Института истории и археологии АН Уз ССР в Аман-Кутане в 1950 г. Самарканд, 1951 С. 17-19. -Ф III Д1 (О); Дневник археологической экспедиции Узбекского государственного университета и Института истории и археологии АН Уз ССР за 1950 г. С.37-43. - Ф. III. Д.1 (Д-36).
4. Г.Г. Полищук – по специальности геолог-историк (закончил заочное отделение истфака УзГУ в 1956 г.) – проявлял большой интерес к древностям Зарафшанской долины, в том числе к памятникам горнорудного дела. Результаты собственных многолетних геолого-археологических обследований древних оловорудных месторождений он обобщил в дипломной работе: "История

горного дела юго-западной части Узбекистана" (научный руководитель Д.Н. Лев, рецензент В.А. Шишкин). Археологическая коллекция, собранная Г.Г. Полищуком хранится в фондах музея СамГУ, а один из вариантов дипломной в архиве кафедры археологии истфака СамГУ. Ф.I, Д.1 (Н)15.

5. Опыт многочисленных наблюдений над памятниками горного дела показывает, что признаки присутствия месторождения варьируют в зависимости от различных условий: окружающий рельеф, порода слагающая данную местность, возраст, окаменелость, минералов–спутников и др. Так, девонский период является наиболее богатым по полезным ископаемым, в то время как каменноугольный период, как показывает само название, богат каменным углем. Из личной беседы с геологом А.С. Самсоновым.
6. Добыча руды в древности была сходна с добычей камня. Уже с эпохи неолита известны довольно значительные подземные галереи или штреки, проложенные горняками.
7. Наблюдаются необъяснимые расхождения в определении географических координат Карнабских выработок. В некоторых источниках месторождение Карнаб значится в Зирабулакских горах (Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана, 1976. С 179), а в геологических отчетах – в Зиаэтдинских горах.
8. К сожалению, эти обстоятельства автор раскопок никак не интерпретировал. Возможно, описанный комплекс представляет жертвенную яму. Подобная картина обнаружена в Каргалах [Черных, 2002. С.67].
9. Описание месторождений Лапас, Кочкарлы, Чангалли и Тым является сокращенным вариантом рукописи дипломной работы Г.Г. Полищука, частично переработанной автором настоящей статьи, т.к. текст стилистически трудночитаемый, на что указал В.А. Шишкин в рецензии на дипломное исследование.
10. В фондах Музея археологии СамГУ хранится значительная коллекция керамики эпохи бронзы, раннего и позднего средневековья из Чангалли, но среди них нет обломков тиглей. На фрагментах керамики, к сожалению, нет точных паспортных данных, кроме указания "Чангалли".
11. Если учесть, что для накопления лессовых отложений эолового происхождения мощностью в 1м требуется тысяча и более лет, то трудно представить промежуток времени необходимый для накопления почвенных осадков мощностью более одного метра до того, как было занесено устье выработки [Полищук, 1956. С. 54].
12. Состав формовочной массы изучался визуально, по свежим изломам и поверхности.
13. В настоящее время известны три культуры катакомбного облика: донецкая, среднедонская и предкавказская с различным диапазоном бытования. По мере накопления источников выделяются также поволжская и волго-донская группы катакомбных памятников.

Использованная литература:

Аванесова Н.А. Новые памятники андроновской культурно-исторической общности Узбекистана // Всесоюзная археологическая конференция "Достижения советской археологии в XI пятилетке". Тезисы докладов. Баку, 1985.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям. Ташкент, 1991.

Аванесова Н.А. Случайные находки эпохи бронзы из фондов Госмузея - заповедник Самарканда // У истоков цивилизации. Сборник статьей к 75-летию В.И. Сарианиди. М., 2004.

Аванесова Н.А. Древнейшие номады Зеравшана // Культура номадов Центральной Азии. Материалы Международной конференции. Самарканд, 2008.

Алекшин В.А. Проблемы происхождения археологических культур неолит-бронза Средней Азии по данным погребальных обрядов // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. №11. М., 1986.

Алекшин В.А. Культурные контакты древних племен Средней Азии (неолит-эпоха бронзы) // Взаимодействия кочевых культур и древних цивилизации. Алма-Ата, 1989.

Андроновская культура. Памятники западных районов // Свод археологических источников. Вып. В3-2. М., 1966.

Арапов В.А., Гарьковец В.Г., Коновалов О.А., Мушкин И.В., Палей Л.З., Шаякубов Т.Ш., Цой Р.В. Закономерности размещения полезных ископаемых // Геология СССР. Т.23. Узбекская СССР. Полезные ископаемые. М., 1983.

Бабушкин Л.К., Кочай Н.А. Физико-географический очерк Узбекистана // Геология СССР. Т.XIII.

Узбекская ССР; Геологическое описание. Книга 1. М., 1972.

Баймухамедов Х.Н., Ефименко И.М. Олово // Минерально-сырьевые ресурсы Узбекистана. Часть I. Ташкент, 1976.

Баймухамедов Х.Н., Ефименко И.М. Олово // Геология СССР. Том XXIII. Узбекская ССР. Полезные ископаемые. М., 1983.

Баратов П.Б. Природные ресурсы Зеравшанской долины и их использование. Ташкент, 1977.

Беседин В.П. Воронежская культура эпохи бронзы // Эпоха бронзы Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1984.

Богачев Г.В. Район Зера-булакских и Зиа-эддинских гор // Геология Узбекской ССР. Т.II. Л-М., 1937.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976

Виноградов А.В. Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып.10. М., 1975.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население Низовий Амударьи // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XV. М., 1986.

Горбов В.Н., Усачук А.Н. О контакте архаичной срубной и позднемноговаликовой культур на Приазовской возвышенности // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной конференции "К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы". Самара, 2001.

Джуракулов М.Д. Новые археологические данные из совхоза «Карнап» (по материалам собрания кабинета археологии им. Д.Н Лева) // Материалы по истории и археологии Узбекистана. Труды СамГУ. Вып.218. Самарканд, 1972.

Джуракулов М.Д., Мамедов Э.Д. Геология археологических памятников Зеравшана. Каменный век. Учебное пособие. Ташкент, 1986.

Дневник археологической экспедиции Узбекского государственного университета и Института истории и археологии АН Узб. ССР за 1950 г. С. 37-43. - Ф III Д1 (Д-36).

Евдокимов В.В., Варфоломеев. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Учебное пособие. Караганда, 2002.

Зданович С.Я. Происхождения Саргаринской культуры (к постановке проблемы) // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Межвузовский сборник. Челябинск, 1984.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып.X, М., 1977

Киреев В.И., Пругер Е.Б., Бахметова Б.И. Отчет по теме: "Ревизия изучения древних горных выработок на территории Узбекистана за 1964-1967гг". "Самгеология". Фонды.

Когай Н.А., Мамедов Э.Д., Послабская О.Ю., Станкевич Ю.В. Геоморфология // Геология СССР. Т.23. Узбекская ССР. Геологическое описание. Книга 2. М., 1972.

Лев Д.Н. Археологические разведки в районе совхоза "Карнаб " // Предварительный отчет о работе археологической экспедиции УзГУ и Института истории и археологии АН Уз ССР в Аман-Кутане в 1950 г. Самарканд, 1951. С. 17-19. - Ф III Д1 (О);

Литвинский Б.А. К истории добычи олова в Узбекистане // Археология Средней Азии. Труды САГУ. Новая серия. Вып.XI. Гуманитарные науки. Книга 3. Ташкент, 1950.

Литвинский Б.А. Древнейшие страницы истории горного дела Таджикистана и других республик Средней Азии. Сталинабад, 1954.

Литвинский Б.А, Окладников А.П, Ранов В.А. Древности Кайрак-Кубов. Душанбе 1962.

Лопатин С.В., Пругер Е.Б., Ермилов А.Г. Карта размещения древних выработок на территории Узбекистана масштаба 1:1000000. "Самгеология". Фонды. 1964.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л., 1978.

Максудов И.З., КиреевВ.И., Шевцова Л.П., Пругер Е.Б. и др. Отчет по поискам, ревизии и оценки объектов благородных металлов по следам древних горных работ в Центральных Кызылкумов, Нуратинском и Чаткало-Кураминском регионах (по работам за 1974-1975 гг.). "Самгеология". Фонды. 1975 г.

Мамонтов В.И. Памятники эпохи бронзы курганного могильника Первомайский VIII // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной конференции. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. Самара, 2001.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма Ата, 1979.

Мочалов О.Д. О керамике бронзового века бассейна р. Самары // Материальная культура населения бассейна реки Мамары в бронзовом веке. Самара, 2003.

Наследов Б.Н., Либман Э.П. Редкие элементы и малые металлы Средней Азии. Ташкент, 1933.

Отрощенко В.Д. Типоморфные особенности касситерита месторождения Кермине // Геология и рудоносность Узбекистана. Ташкент, 1971.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. Вып. В1-10. Т.I. Саратов, 1993.

Парцингер Г., Бороффка Н. Поселение металлургов эпохи бронзы в Карнаб-Сичкончи (Узбекистан) // Первобытная археология. Человек и искусство. Сборник научных трудов, посвященный 70-летию Я.А. Шера. Новосибирск, 2008.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.

Полищук Г.Г. История горного дела юго-западной части Узбекистана. Дипломная работа (научный руководитель Д.Н. Лев, рецензент В.А. Шишкин). 1956.

Пругер Е.Б. К истории разработки месторождений тальковых пород в Узбекистане // СА, № 2, 1975.

Рузанов В.Д. О некоторых древних оловорудных источниках на территории Узбекистана // ИМКУ. Вып.15. Ташкент, 1979.

Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа // Автореф. … канд. ист. наук. М., 1982.

Рузанов В.Д. Карнабское касситеритовое месторождение – источник олова эпохи бронзы // ИМКУ. Вып.31. Самарканд, 2000.

Рузанов В.Д. Новые данные к истории добычи олова в Узбекистане // Археология Узбекистана. Вып.1. Самарканд, 2010.

Селимханов И.Р. Разгаданные секреты древней бронзы. М., 1970.

Семенов А.П. Основные тенденции развития керамики покровского и развитого этапов срубной культуры лесостепного Поволжья (по данным погребальных памятников) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной конференции. “К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы”. Самара, 2001.

Ткачева Н.А., Ткачев А.А. Эпоха бронзы Прииртышья. Новосибирск. 2008.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда-Лисаковск, 2005.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Черных Е.Н. Каргалы. Т.II. М., 2002.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

Юдин А.И. Поселения средней бронзы степного Заволжья // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских племен. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау. Саратов, 1997.

МИГРАЦИИ ПЛЕМЕН В УЗБЕКИСТАНЕ В ЭПОХУ ПАЛЕОМЕТАЛЛА (Часть 3)*

© 2012. В.Д. Рузанов
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

В третьей части работы на основе материалов морфологического и химико-металлургического характера, полученных в результате изучения металлических изделий, будут сделаны заключения о передвижении групп населения по территории Узбекистана и сопредельных районов. При этом, конечно, мы учтем опубликованные в археологической литературе свидетельства по данному вопросу.

Для реконструкции путей, служивших в начале для расширения ареалов обитания и со временем становившимися путями обмена, резонно провести наблюдения за трассами передвижения популяций каждой общности культур в отдельности (Рис. 1-3).[1] Целесообразно рассмотреть эту проблему согласно хронологической последовательности появления металлоносных памятников на исследованной территории. Исходя из этого, вначале мы проследим за движением групп племен культур древневосточного типа, затем культур степной бронзы и завершат наше исследование наблюдения за переселением популяций с лепной расписной керамикой.

1. Направления и пути расселения земледельческих древневосточных племен. Исследователями (Сарианиди, 1970. С. 27) отмечено, что на рубеже IV-III тыс. до н. э. на территории Ирана происходили значительные передвижения племен. Полагают, что толчком этому послужило соперничество Шумера и Элама. Одновременно в материальной культуре и антропологическом типе племен Южной Туркмении отмечаются изменения, которые связывают с инфильтрацией новых групп иранского населения в Среднюю Азию.[2] В миграционных процессах так же участвовали группы племен культуры серой керамики, продвигавшиеся с запада на восток. Причиной тому, как объясняют исследователи, стало увеличение численности населения в Юго-восточном Прикаспии, избыток которого устремился на восток в подгорную равнину Копетдага, где, нарушив экономическое равновесие в среде коренного населения, в свою очередь, вызвал миграцию местных племён в северо-восточном направлении - в Мургабский оазис и далее в бассейн реки Заравшан (Хлопин, 1997. С.118-120).

О колонизации земледельцами Мургабского оазиса в конце IV-III тыс. до н.э. мало что известно. Полагают, что это были выходцы из Геоксюра, которые начали осваивать Келлелинский оазис. Пока только здесь в нижнем бассейне р. Мургаб обнаружены развеянные остатки поселений раннего времени (Масимов, 1980. С.10). Они дали единичные металлические находки - булавки с коническовидным навершием, имеющие типологические аналогии в комплексах памятников подгорной по-

*Работа осуществлена при финансовой поддержке Фонда поддержки фундаментальных исследований Академии наук РУз.– Грант №ФП 76-10.

лосы Копетдага эпохи энеолита. К сожалению, химическая характеристика данных изделий, остается не изученной. Поэтому трудно судить по металлу о генетической связи и характере производства местных племен и их взаимодействиях с другими центрами металлообработки, функционировавшими в сопредельных районах. Для этого необходимо провести полное исследование материала.

Чуть позже на рубеже IV/III тыс. до н. э. другая крупная группа племен геоксюрского происхождения, отказавшаяся по неизвестной нам причине от освоения земель в низовьях Мургаба, появилась далеко на северо-востоке, в верхнем бассейне р. Зарафшан (Исаков, 1991). В результате возникло поселение Саразм, ставшее ранним и крайним северным форпостом земледельческих культур Древнего Востока. Очевидные следы передвижения южнотуркменистанских переселенцев на 600 километровом (по прямой линии) участке из Мургаба в верхний Зарафшан и Саразмским оазисами уловить трудно. Главным образом они проявляются на материалах других культур, несущих черты, заимствованные у древних земледельцев. Все эти памятники синхронны средней и поздней фазам существования Саразма (вторая половина III—начало II тыс. до н.э.), что позволяет установить связи лишь в периоды стабилизации и распада саразмской культуры. На базе косвенных свидетельств можно наметить два основных направления передвижения земледельческих племен: северо-восточное и юго-восточно-северное (рис. 1). Северо-восточный путь более древниq по отношению к юго-восточно-северному, поскольку известные на трассе этого пути металлоносные памятники относятся ко второй половине III – первой трети II тыс. до н.э., в то время как содержащие металл культуры, встреченные на юго-восточно-северном маршруте, датируются II тыс. до н.э.

Северо-восточный путь, связывавший культурно-исторические области низовьев р. Мургаб и бассейна р. Заравшан, мог пройти из Мургабского оазиса, на север по Каракумам, затем по переправе Одойдепе через среднюю Амударью выйти в низо-

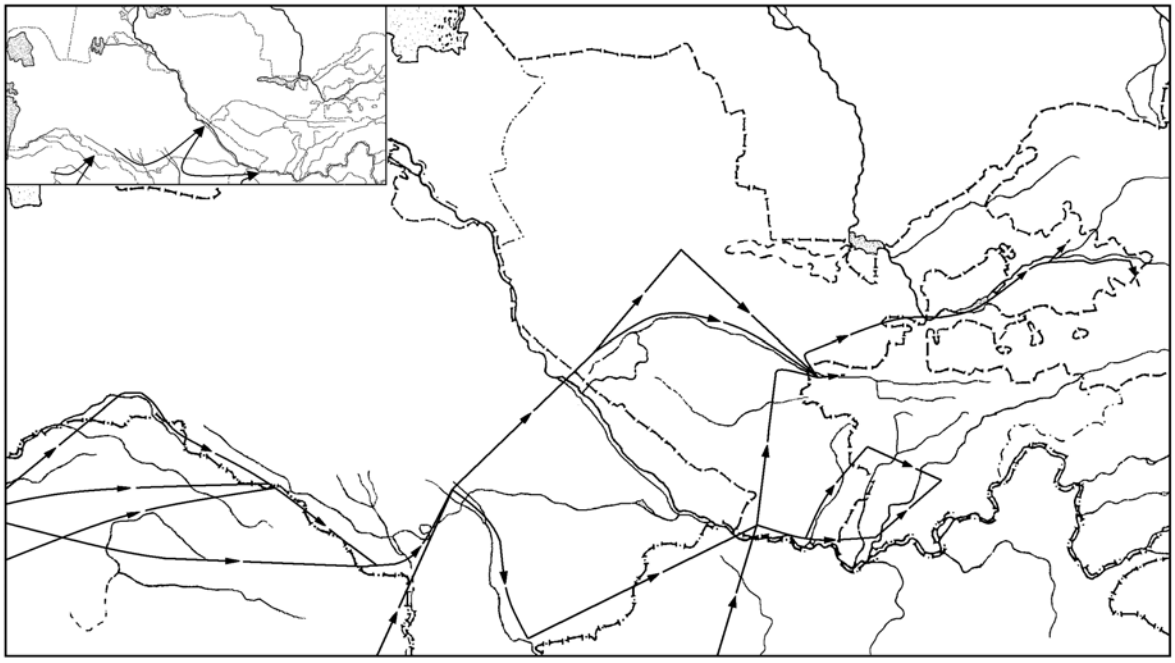

Рис. 1. Карты-схемы направлений и трасс передвижений племён древневосточных культур.

вья Зарафшана и далее вверх по руслу этой реки в Саразмский оазис. Свидетельством существования такой магистрали во второй половине III тыс. до н.э. являются памятники со следами металлургического производства в Кызылкумах и заманбабинская культура, подвергшиеся сильному влиянию со стороны высокоразвитых древневосточных общин (Гулямов и др., 1966. Табл. 2; Григорьев, 1996; Рузанов, 2007). Подтверждением функционирования этого пути с ответвлением на север служат остатки металлургического производства в стоянке степной бронзы Лявлякан 506 во Внутренних Кызылкумах (Виноградов, Кузьмина, 1970).

Юго-восточно-северный путь, объединивший культуры и памятники, выявленные в нижнем и среднем течении р. Мургаб, в верхнем бассейне р. Амударьи и на её притоках (Пяндж, Вахш, Кафирниган, Сурхандарья и Шерабадарья), а также в восточной зоне между Кашкадарьей и Зарафшаном, вероятнее всего, пролегал в южном направлении вдоль русла р. Мургаб, пройдя Тахта-Базар, направлялся на северо-восток в Давлетабадский, Дашлинский и Фарукабадский оазисы, затем через амударьинские переправы у Термеза, в районе Шуроба и Чушка Гузар, вёл в Уланбулакский и Шерабадский оазисы к «Железным воротам», на перевал Акрабад, после чего, проходя вдоль предгорий Яккабага, пересекал восточную часть долины Кашкадарьи, затем выходил к западным отрогам Зарафшанского хребта и через перевал Джам попадал в юго-восточную зону среднего бассейна р. Зарафшан, а оттуда в Саразмский оазис.[3] На участке Уланбулак-Шерабад от этого пути в восточном и северо-восточном направлениях шли ответвления, связывавшие восточные памятники с западными в пределах Северной Бактрии. Эти ответвления проходили вверх по Амударье в бассейны Кафирнигана и Вахша и по Сурхандарье в Гиссарскую долину.

Процессы перемещения земледельческих племен по юго-восточно-северному пути, начавшиеся в начале II тыс. до н.э., становятся масштабными во второй-третьей четверти тысячелетия. Для этого времени отмечается интенсивное освоение оседлым населением оазисов на юго-востоке Туркменистана, юге Узбекистана и севере Афганистана, появление там большого количества памятников таких высокоразвитых городских культур, как келлели-гонурская (Масимов, 1979, 1981; Сарианиди, 1990), сапаллинская (Аскаров, 1973,1977; Аскаров, Абдуллаев, 1983; Аскаров, Ширинов, 1993) и дашлинская (Сарианиди, 1977). Их металл несет отпечатки импульсов и воздействий различных центров металлургического производства.

В металлообработке келлели-гонурской культуры, наряду с технологическими и типологическими южнотуркмениатанскими традициями предшествующего периода (Намазга V), явно прослеживаются новации, выраженные в первую очередь ростом производства, характеризующимся значительным увеличением количества продукции и морфологическим разнообразием. Прогрессивный скачок отмечается также в технике и технологии металлообработки племен Мургаба (Терехова, 1990. С.177-202). Складывается впечатление о проникновении в нижнюю дельту Мургаба в начале II тысячелетия до н.э. больших групп земледельческих племён, имевших два истока движения. Первый исток был связан с памятниками подгорной полосы Копетдага эпохи средней бронзы (Алтындепе). Второй располагался за пределами Южного Туркменистана, как полагают исследователи (Сарианиди, 1990. С. 80-83), на территории Северо-восточного (Гиссар III) и Восточного (Шахдад) Ирана. На базе этих компонентов, при господстве иранского, по мнению В.И. Сарианиди (1990. С. 77), создаётся южнотуркменистанский вариант Бактрийско-Маргианского

археологического комплекса. Дальнейшее движение популяций этого культурного объединения во второй четверти-середине II тыс. до н.э. было направлено уже на юг в средний бассейн р. Мургаб, а затем на северо-восток в Северный Афганистан и Южный Узбекистан.[4]

Вместе с тем имеются локальные различия в материальной культуре племен, освоивших данные территории. В частности, они прослеживаются в металлообработке сапаллинской культуры, которая, впитав в себя черты производства мургабских племен, одновременно несет своеобразные элементы технологического характера, например, весьма широкое употребление оловянных сплавов. Учитывая, что эта особенность фиксируется уже на ранней фазе становления культуры Сапалли и факт отсутствия предшествующих ей в Сурхандарье древнеземледельческих памятников, можно предположить участие в ее формировании второго импульса, связанного с проникновением на юг Узбекистана другой группы племен. Принадлежавший ей металл, как медь южнотуркменских и североафганских памятников, имеет то же ирано-афганское происхождение. Однако, судя по металлургическим показателям изделий, мастера данной группы генетически связаны с производственным центром, имевшим отличную от гонур-дашлинской традицию употребления типов сплавов.[5]

Отголоском миграции, произошедшей в начале II тыс. до н.э. земледельческих племен в верхний бассейн р. Сырдарьи служат Хакский и Афлатунский клады, найденные в Ферганской долине (Массон, 1939; Сорокин, 1960; Заднепровский, 1962). Приход сюда в первой половине II тыс. до н.э. древневосточных племен, скорее всего саразмцев, подтверждают не только найденные здесь находки, характерной для Саразма, серой и чёрной керамики и сходство металла, но и недавно открытый недалеко от Узгена могильник Шагым, датированный первой половиной II тыс. до н.э. (Аманбаева и др., 2006). Погребальный инвентарь этого памятника имеет аналогии в материалах Саразма и других древневосточных памятников эпохи бронзы. Возможно, что Шагымский некрополь мог быть промежуточным звеном в генетической цепочке памятников между саразмской культурой и культурами с лепной расписной керамикой Северного Узбекистана и Южной Киргизии.

Видимо, поэтому продукция мастеров-металлургов саразмских племен и фергано-ташкентских культур лепной расписной керамики характеризуется близкими металлургическими показателями. Некоторые черты сходства проявляются также в типологии форм инвентаря этих групп популяций.

В эпоху поздней бронзы земледельцы вместе со степными племенами осваивают долины Кафирнигана, Вахша и Пянджа. Среди них были и носители сапаллинской культуры. Именно с миграцией групп населения этой культуры в северо-восточном направлении Л.Т. Пьянкова (1989. С. 8) и Н.М. Виноградова (2004) связывают появление земледельческих памятников типа Тандыр-йул в Гиссарской долине. Эту версию подтверждают металлические комплексы, в которых проявляется преемственность сапаллинской металлообрабатывающей традиции, выражающаяся передачей здешним литейщикам идеи и технологии изготовления вотивных изделий, сходных форм инвентаря и рецептов сплавов. Большое воздействие оказал сапаллинский центр на металлообработку бешкентской культуры. Контакты с ним привели к появлению разных типов искусственных сплавов и ряда форм изделий в коллекции бешкентских племен.[6]

В переселениях племен земледельческих культур древневосточного типа активная миграция шла с юга на северо-восток (север). Движение групп популяций этого круга культур в обратном направлении, судя по металлу, было незначительным. Большие перемещения в южном и восточном направлениях были связаны уже с носителями культур степной бронзы и, как мы полагаем, с племенами лепной расписной керамики, о чем будет сказано ниже.

2. Направления и пути расселения племен степных культур.

Археологически передвижения степных племен по территории Средней Азии в эпоху раннего металла прослеживаются с разной степенью полноты. Они хорошо проявляются на материалах памятников II тыс. до н.э., особенно второй половины тысячелетия. Для периода же становления и ранней фазы (III тыс. до н.э.) развития производящего хозяйства у северных племен мы имеем значительно меньше свидетельств о миграции их носителей. Такие данные получены во Внутренних Кызылкумах при обследовании большого количества памятников широкого хронологического диапазона - от каменного века до эпохи бронзы включительно (Виноградов, Мамедов, 1969; 1975). На многих Кызылкумских стоянках культурный слой оказался развеянным, а обнаруженные в них находки неоднородны и в некоторых случаях фрагментарны. Тем не менее, исследователи произвели систематизацию археологического материала, и пришли к ряду заключений. Для нашей темы представляется важным факт широкого распространения в Кызылкумах во второй половине III - в первой трети II тыс. до н.э. новых типов керамики, характерных для культур Зауралья, Среднего Поволжья и Западной Сибири (Виноградов, Мамедов,1975. С. 226). Он свидетельствует о существовании древних связей между населением Кызылкумов и степей Евразии и миграции племен с севера в Среднюю Азию. При этом отметим, что некоторые кызылкумские стоянки с «пришлой» керамикой несут следы меделитейного производства. Если вспомним о том, что на территории к северу от Средней Азии в тот период существовала древнеямная культура, которую в конце III - начале II тыс. до н.э. сменила катакомбная, то наиболее вероятными пришельцами в Кызылкумы могли быть носители данных культур. Косвенные подтверждения этому мы находим в материалах, близлежащей к Кызылкумам, заманбабинской культуры, где зафиксирована керамика сходная с керамикой ямной и близкой к ней афанасьевской культур, а также катакомбные погребения с сосудами сопоставимыми с керамикой одноименной культуры, существовашей в эпоху бронзы в Юго-восточной Европе.

Таким образом, в период со второй половины III- первой трети II тыс. до н.э. фиксируются передвижения скотоводческих племен с севера и северо-запада из степей Евразии на юг и юго-восток, охватившие в Средней Азии западную территорию среднеазиатского Междуречья (Кызылкумы и низовья р. Зарафшан). Маршруты этого расселения проходили по степям Казахстана, огибая с запада и востока Аральское море, выходили в низовья рек Амударьи и Сырдаръи, а оттуда в Кызылкумы и далее в бассейн р. Зарафшан (рис. 2).

На XVI-XIX вв. до н.э. приходится новая волна миграций степных племен в Среднюю Азию из Казахстана и Приуралья. В этих передвижениях, как полагают ученые, участвовали носители андроновской (а в западных районах Средней Азии – срубной) культурно-исторической общности. Интеграция пришельцев с коренным населением вела к появлению в северных областях Средней Азии культурно близких, но имеющих характерные особенности, памятников степного типа. О передви-

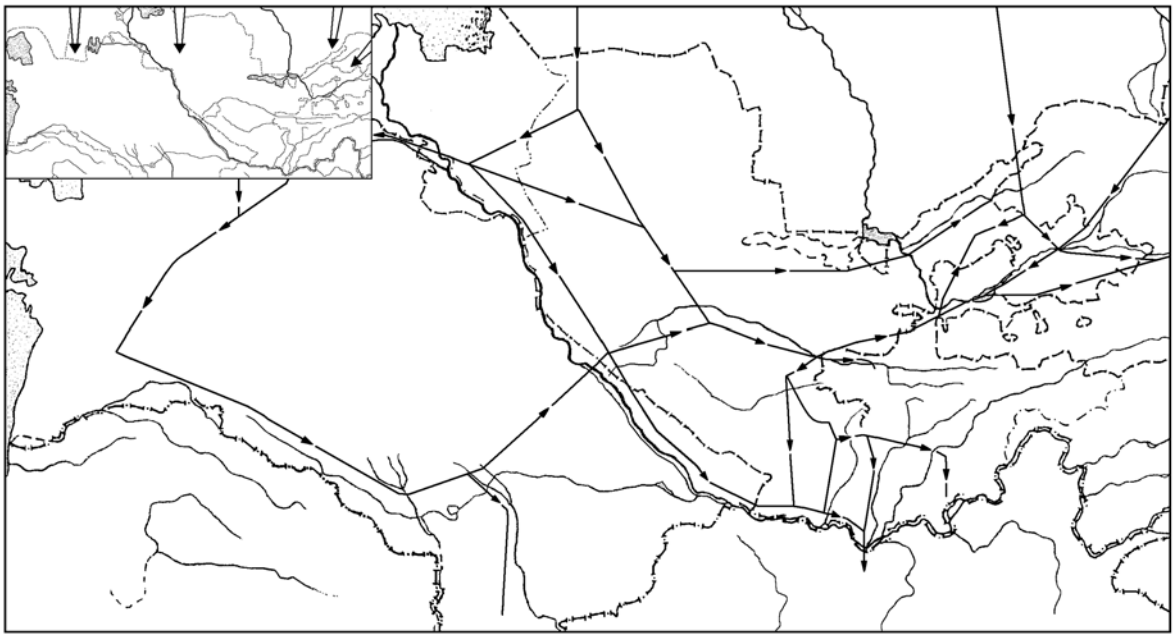

Рис. 2. Карты-схемы направлений и трасс передвижений племён степных культур.

жениях ранних андроновцев - племён петровской культуры, распространенной в Южном Урале и Северном Казахстане, в бассейн Зарафшана и далее верховье Амударьи, свидетельствуют металлургическое поселение Тугайное, погребение Сиаб и находка наконечника стрелы синташтинского типа в поселении Сапаллитепе (Аванесова, 1991а. С. 88, 89; 1994. С. 81, 82; 2010. Рис. 7, 4). В середине-третьей четверти II тыс. до н.э. миграции андроновских групп племен в Среднюю Азию активизируются, что приводит к широкому проникновению туда металла и форм, связанных с казахстанскими и волго-уральскими производственными центрами Евразийской металлургической провинции, к эксплуатации новых медных рудников и месторождений олова в Кызылкумской, Зарафшанской и Чаткало-Кураминской металлогенических зонах. На базе здешних источников сырья формируются местные — тазабагъябский, кайраккумский и даштикозинский-металлургические центры. Их становление обязано импульсам, исходившим из разных регионов. Так, в зарождении металлургии у тазабагъябских племен в Южном Приаралье, на наш взгляд, наиболее важным был импульс, связанный с производством андроновских – алакульских племен Западного Казахстана. Данная версия отличается от точки зрения исследователей тазабагъябской культуры (Толстов, 1946; Итина, 1977; Виноградов и др., 1986), связывающих появление последней с движением срубно-андроновских (алакульских) племен из Южного Приуралья и их взаимодействием с населением местной (позднекельтименарской) культуры. В XIV в. до н.э. поиски источников металла и пастбищ для скота ведут группы тазабагъябских племен в Кызылкумы (Виноградов, Мамедов, 1975) и нижний бассейн р. Зарафшан (Гулямов и др., 1966). В пользу проникновения тазабагъябцев в низовья р. Зарафшан говорит типологическое и химическое сходство гуджайлинского комплекса с металлом тазабагъябской культуры и импорт тазабагъябской продукции в нижний бассейн р. Зарафшан. Другими следами продвижения алакульских племен в Среднюю Азию служит могильник Чакка, расположенный в среднем бассейне р. Зарафшан (Рузанов, 1990; Аванесова, 1991а. С. 69), и чимбайлыкский клад, найденный в Ташкентской области

(Воронец, 1948. С. 69; Кузьмина, 1966. С. 11; Рузанов, 1988; Аванесова, 1991а. С.13).

Примерно в это же время на юго-западе Ферганской долины формируется кайраккумский металлургический очаг (Рузанов, 1982. С. 18,19), который характеризует металл кайраккумской культуры (Литвинский и др., 1962. С.91-286). Как считает Б.А. Литвинский, её сложение происходило при взаимодействии переселившихся из Казахстана андроновских племен и местного населения (возможно, гиссарской культуры). Однако металл указывает на более сложный характер становления металлургической деятельности кайраккумских мастеров. Кроме воздействия со стороны казахстанских культур, он отражает сильное влияние из Северной Киргизии. Что касается сырья, которым пользовались кайраккумские литейщики, часть металла доставлялась из даштикозинского металлургического центра. Отсюда же шел импорт изделий кайраккумским племенам. Сходство металла кайраккумской культуры с металлом андроновских памятников в вышеуказанных районах позволяет говорить о проникновении в Фергану скотоводов с этих территорий.

В становлении даштикозинского металлургического центра, функционировавшего в верхнем и среднем бассейне р. Зарафшан в XIII-XII/XI вв. до н.э., принимало участие население Южного Приаралья и низовьев Заравшана. Эти импульсы исходили от тазабагъябской культуры и памятников Гуджайли, чей металл морфологически близок даштикозинскому инвентарю. Вместе с тем нельзя сбрасывать со счета так же влияние производства казахстанского и южноуральского степного населения. В целом эти данные подтверждают версию, предложенную А.И. Исаковым и Т.М. Потёмкиной (1989. С. 165), генетической связи могильника Дашти-Кози с популяциями андроновской культуры Казахстана и населением Приаралья. Они же говорят нам и об их движении в юго-восточном направлении в долину р. Заравшан.

Свидетельства миграций андроновских племен в южном направлении в последней четверти II тыс. до н. э. зафиксированы на юге Таджикистана и юге Узбекистана. Так, в Бешкентской, Вахшской, Гиссарской и Кулябской долине, на Дангаринском плато, в Шерабадском и Денауском оазисе открыты памятники «чисто» степного типа и со смешанными, земледельческой и степной традицией (Мандельштам, 1968. С. 94, 95; Литвинский, 1973. С. 5-41; Ртвеладзе, 1981. С. 285, 286; Виноградова, Кузьмина, 1986. С. 134-146; Пьянкова, 1989; Виноградова, Пьянкова, 1990. С. 98 -112; Аванесова, 1991б. С. 67-78). Бесспорно, факт существования памятников смешанного типа говорит об мирных взаимоотношениях между земледельческими и степными племенами. Поэтому следует ожидать, что степные племена на участке между Заравшаном и Амударьёй проходили по тому же маршруту, указанного нами выше, юго-восточно-северного пути, по которому встречным потоком двигались группы земледельческого населения на север. Эту версию подтверждают находки металлических изделий из памятников Северной Бактрии эпохи поздней бронзы, имеющие ряд типологических и химических черт, сходных с металлом андроновских племен долины р. Зарафшан.

Кроме вышеупомянутого пути, который по своей значимости и расположению можно назвать Центральным, в Средней Азии в эпоху поздней бронзы функционировали еще две дороги инфильтрации популяций степного населения – северо-южная и юго-восточная. Северо-южная трасса пролегала по горным долинам Северной Киргизии и выходила в Фергану, где раздваивалась. Одна её ветвь шла в юго-западном направлении вдоль Сырдарьи к памятникам кайраккумской культуры

и соединялась с северным ответвлением Центрального (степного) пути. Другая ветвь поворачивала на восток, пересекала территорию, заселенную племенами чустской культуры с лепной расписной керамикой, и попадала в провинцию Синьцзян в Северо-западный Китай. Передвижения по этим маршрутам представителей культур «валиковой» керамики из Казахстана и Семиречья в Фергану, Ташкентский оазис и Северо-западный Китай отразились на появлении в кайраккумской, чустской, бургулюкской культурах и памятниках провинции Синьцзян некоторых типов андроновских металлических изделий конца XII-IX веков до н.э. (Литвинский и др., 1962. Табл. 36; 48:6; Заднепровский, 1962. Табл. XXI:7; XXII:5; 1992. Рис. 1:5,8; Дуке, 1982. Рис. 14:5-7; Дегтярёва, 1985; Дебайн-Франкфор, 1989).

Движение степных племен по юго-восточному – «прикаспийскому» пути (из Поволжья, Приуралья, Западного Казахстана через Мангышлак и из Южного Приаралья в район древней Присаракамышской дельты Амударьи, а оттуда по Узбою в Юго-Западную Туркмению) фиксируется материалами срубной, андроновской и тазабагъябской культур, датируемых временем не ранее XIII/XII вв. до н.э. Погребения срубного типа в Южной Туркмении установлены А.М. Мандельштамом (1966, 1967) в могильниках, открытых у Больших Балхан и в западной части подгорной полосы Копетдага, вблизи от земледельческих оазисов. Поэтому в пархай-сумбарской и копетдагской металлообработке эпохи поздней бронзы мы встречаем металлические формы, например, двулезвийные ножи с перекрестьем и кольцевидным упором, исходные корни которых исследователи видят в срубной и андроновской культурах.

О связях тазабагьябской культуры с пархай-сумбарским металлообрабатывающим очагом свидетельствуют некоторые украшения, которые известны только в Юго-западной Туркмении и Южном Приаралье. О том, что продвижение степных племен по юго-восточному пути проходило чаще всего с севера на юго-запад и далее в восточном направлении, говорит доля металла кызылкумского происхождения, в южносреднеазиатских памятниках. Так, соотношение долей кызылкумского сырья в металлических коллекциях памятников южных областей показывает, что чаще всего это сырье использовали в пархай-сумбарском центре (18,2%) и значительно реже (менее 5%) его употребляли мастера восточных - мургабского и сапаллинского - центров металлообработки. Такое проникновение северного металла в оазисы юга Средней Азии указывает на миграцию степных племен на этом участке с запада на восток.

3. Направления и пути расселения земледельческих племен общности культур с лепной расписной керамикой эпохи поздней бронзы.

Несмотря на то, что изучение культур с лепной расписной керамикой Средней Азии эпохи поздней бронзы ведется уже полвека, однако проблема происхождения и характер распространения памятников данного типа остаются спорными и решаются по-разному. Формирование этих комплексов, по мнению многих исследователей, могло произойти в результате столкновения и взаимовлияния степной и земледельческой культуры (Массон, 1957. С.53; Заднепровский, 1966. С.207). Вместе с тем некоторые археологи не исключают вариант трансформации степных культур, происходившей при переходе скотоводов к оседлому образу жизни, под влиянием южных цивилизаций (Аскаров, Буряков, 1978. С.9; Заднепровский, 1981. С.26; Дуке, 1982. С.89). Существуют и другие версии, согласно которым прародину племен с крашеной керамикой нужно искать в среде земледельцев: либо в Иране

(Сарианиди, 1975. С.35), либо в Бактрии (Сагдуллаев, 1987. С.88). Если это так, тогда передвижения групп племён этих культур на раннем этапе, скорее всего, ограничивались бы относительно небольшими расстояниями в пределах Парфии, Маргианы, Бактрии, Согда, Чача и Ферганы. Согласно версии иранского происхождения комплексов типа Яз 1, продвижения групп племен восточнохорасанского центра с расписной керамикой проходили с юга на север и северо-восток - в оазисы Южного Туркменистана, Северного Афганистана и Южного Узбекистана. Однако, как свидетельствуют металлические материалы культур и памятников второй половины II тыс. до н.э. восточной зоны Средней Азии (Рузанов, 2011а; 2011б), движение групп племен с расписной керамикой проходило в противоположном направлении- с северо-востока на юг. В коллекциях изделий из юго-восточных памятников мы встречаем металл, который производился металлургами чустской (Дальверзин) и бургулюкской (Бургулюк 1) культуры. Обычно проникновение металла из одного района в другой в эпоху бронзы было связано с перемещением больших групп населения, несущих с собой этот металл. Судя по направлению движения металла, миграции популяций племен с лепной расписной керамикой из Ферганы и Ташкентского оазиса шли на юг. Этот процесс, начавшийся еще в XIV/XIII вв. до н.э., усилился в конце II—начале I тыс. до н.э., что в итоге привело к появлению памятников с расписной керамикой в бассейнах Зарафшана, Кашкадарьи и Амударьи.

Изготовленные из дальверзино-бургулюкского металла изделия, выявленные в могильниках Чакка, Дашти-Козы, Тандыр-йул, Джаркутане 4, Бустане 3-5 и Кангурттуте, а также типологические параллели позволяют проследить следующий путь движения северных племен с лепной крашеной керамикой на юг. Переселенцы из Ферганы и Ташкентского оазиса проходили центральный и верхний бассейн р. Зарафшан и далее в Северную Бактрию: на юго-восток - в Гиссарскую долину и на Дангаринское плато, и на юг - в Шерабадский и Денауский оазисы (рис. 3).[7] Смешавшись с местным населением и утвердившись в Северной Бактрии (на правобе-

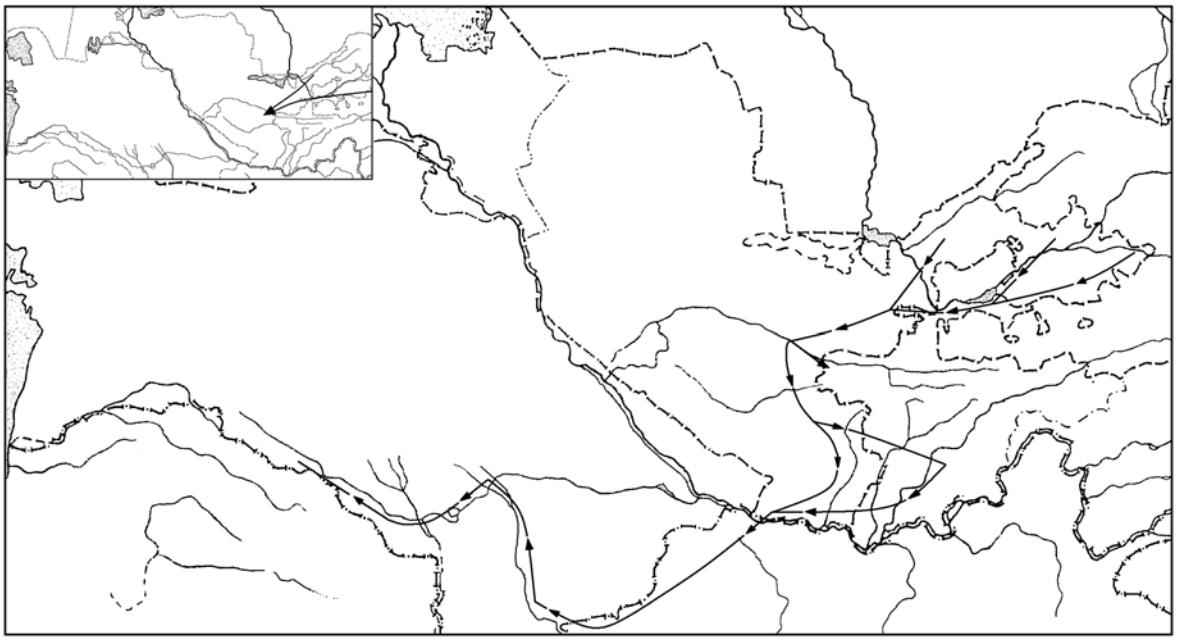

Рис. 3. Карты-схемы направлений и трасс передвижений племён культур с лепной расписной керамикой

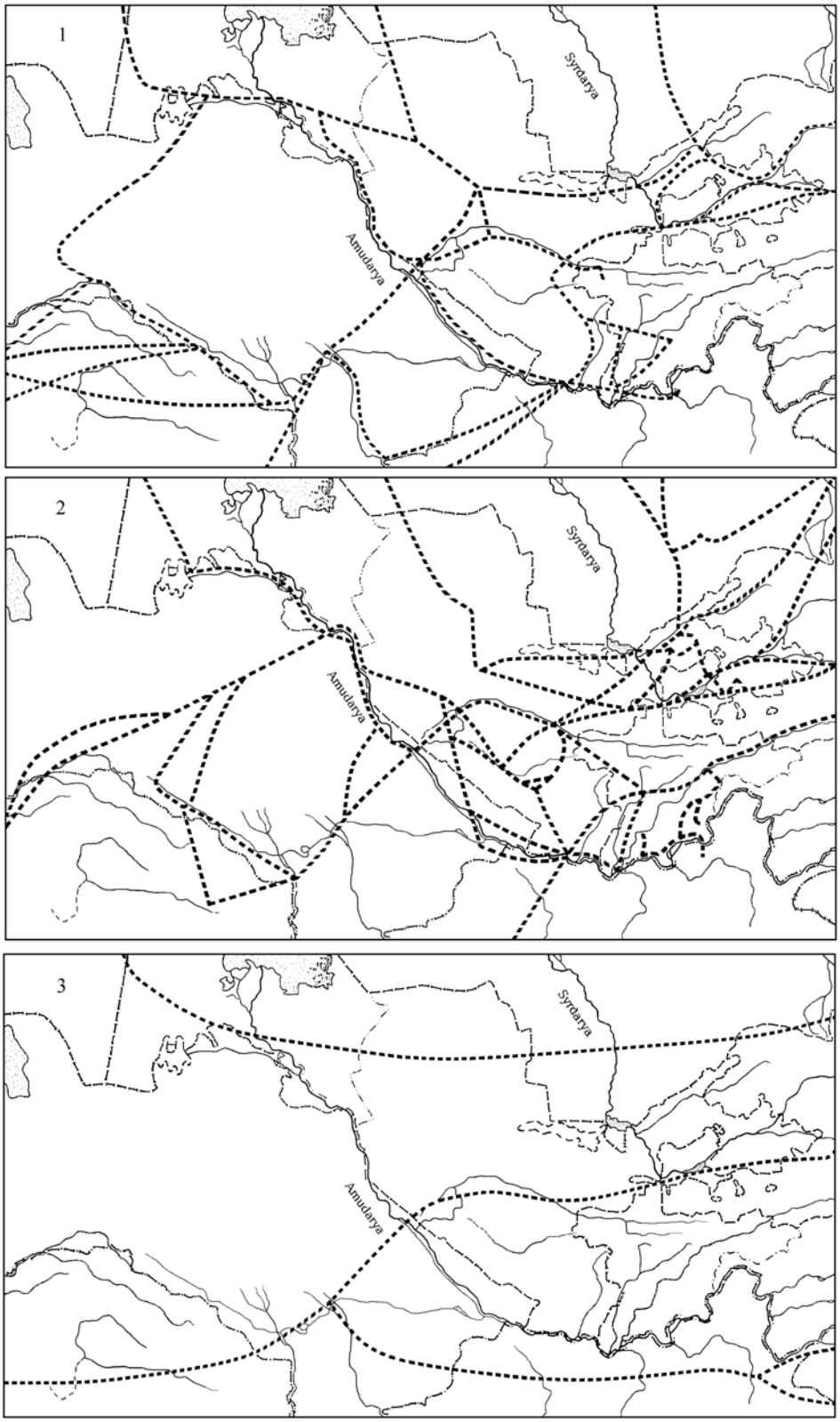

Рис. 4. Карты-схемы маршрутов передвижений племён в эпоху энеолита - бронзы (1) и трасс Великого шёлкового пути в Средней Азии (2 – конец 6—начало 7 веков нашей эры, по Пэй Цзюю; 3 – средневековый период, по Ю.Ф. Буракову и др.; Burjakov, Baipakov, Tashbaeva, Yakubov, 1999).

режье Амударьи) пришельцы в конце II - начале I тыс. до н.э., очевидно, продолжили свое движение сначала в Северный Афганистан (Тиллятепе), а затем на запад в Южную Туркмению - в низовья р. Мургаб (Яздепе 1) и подгорную полосу Копетдага (Анау IVA, Елькен II). Последний отрезок пути, проходящий по территории Северного Афганистана и Южного Туркменистана, реконструируется пока только типологическими параллелями в металлическом и керамическом инвентаре. Химически металл из памятников типа Тилля, Яз I и Анау IVA изучен слабо и требует дополнительных исследований. Как видим, племена культур с лепной расписной керамикой поры эпохи поздней бронзы воспользовались традиционным юго-восточно -северным путем, проложенным в начале II тыс. до н.э. земледельцами времени позднего Намазга V и раннего Намазга VI.

Политические, экономические и культурные процессы, протекавшие в Средней Азии в последующих периодах, приводят к сложению новых систем взаимосвязей - торговле и рыночным отношениям, сыгравшим важную роль в становлении великого Шелкового пути. В средневековье его магистрали расширяются, соединив экономическими нитями новые районы Средней Азии (Burjakov, Baipakov, Tashbaeva, Yakubov, 1999). Если внимательно проследить за направлением трасс, то можно убедиться в повторяемости некоторых путей и их функционировании на протяжении длительного периода - с эпохи раннего металла по средневековье. Мы не будем комментировать эту преемственность, поскольку такой анализ может сделать читатель, сравнив приведенные в работе карты древних дорог и трасс Великого шелкового пути в Средней Азии (рис. 4).

Сделанная в предлагаемой статье попытка реконструкции схемы древних дорог в Узбекистане, Таджикистане и Туркменистане носит предварительный характер и не является исчерпывающей (за рамками работы остались, например, вопросы горных и водных путей). Новые материалы, безусловно, внесут коррективы в высказанные здесь версии и гипотезы по данной проблеме.

Сноски:

1. Указанные в картах (рис. 1-3) направления передвижения племен являются приоритетными и исходят из направлений и хронологии распространения чернового металла, форм и самих изделий на рассматриваемой территории. Правда, укажем, что для Туркмении были задействованы преимущественно данные археологических обследований памятников, нежели результаты изучения химического состава металла.
2. Возможно, миграции групп иранских племен в Южный Туркменистан в III-II тыс. до н.э. привели к переменам в характере сырьевой базы здешней металлообработки.
3. Вышеназванные в работе «мосты» через Амударью могли существовать в античном периоде и, возможно, в раннежелезном веке (Ртвеладзе, 1977. С. 188; Пилипко, 1985. С. 100, 101; Сагдуллаев, 1990. Рис. 2. С.8-10). Указать более или менее точные места и количество переправ, функционировавших на рассматриваемом участке реки в эпоху бронзы, сегодня невозможно, так как вопрос об освоении земледельческими племенами прибрежных оазисов р. Амударьи в данный период остается открытым. Поэтом наше предположение об амударьинских переправах, выбранных переселенцами в это время, может быть принято только в качестве рабочей гипотезы.
4. По мнению других исследователей (Кузьмина, 1972. С. 134, 135; Алёкшин, 1980. С. 28-30), истоки нового комплекса, появившегося на юге Средней Азии в эпоху Намазга VI, надо искать не в Иране среди земледельческих культур, а на севере Средней Азии в зоне распространения степного населения. Этот процесс мог быть связан с миграциями племён, зафиксированными в евроазиатских степях в конце III—начале II тыс. до н. э.
5. Точная локализация этого центра нам не известна. Пока можно лишь сказать о том, что он представлял собой одно из звеньев блока тех металлоносных культур Афганистана и Ирана, в которых оловянные бронзы были типичными сплавами и весьма широко использовались в практике. Одним

из потенциальных источников добычи олова в эпоху бронзы, как считают некоторые исследователи (Moorey, 1985. P.128; Stech, Pigott, 1986. P. 44-47; Muhly and ath., 1991. P.117; Pigott, 1999. P.117; Reiter, 1999. P. 166), был Афганистан, рудная база которого богата оловом (Геология и полезные ископаемые…, 1980).

6. Вместе с тем, как показывает анализ металла, бешкентская культура генетически была связана с заманбабинской, носители которой мигрировали во второй четверти II тыс. до н.э. из низовьев р. Заравшан в Юго-западный Таджикистан (Рузанов, 2007).

7. Данное направление передвижения населения подтверждает керамика. Так, в Сазагане II, Саразме, Джаркутане и Кангурттуте обнаружены расписные лепные сосуды, подобные чустско-бургулюкским (Исаков, 1980. С.474; Аскаров, 1976. С.18; Джуракулов, Аванесова, 1984. С. 34; Виноградова, Кузьмина, 1986. С.144).

Использованная литература:

Аванесова Н.А. Результаты исследований могильника эпохи бронзы Джаркутан 4BI // Тр. СамГУ. Самарканд, 1991а.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (По металлическим изделиям). Ташкент, 1991б.

Аванесова Н.А. Тугайное горно-металлургическое поселение эпохи бронзы Заравшана // «История и перспективы развития горнорудной промышленности Средней Азии» – к 60 –летию Таджикско-Памирской экспедиции: Тез. докл. Межд. науч. конф. Худжанд, 1994.

Аванесова Н.А. Проявление степных традиций в сапаллинской культуре // В сборнике материалов Международной конференции «Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии». Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. Самарканд-Ташкент, 2010.

Алёкшин В.А. К проблеме генетической связи южнотуркменистанских комплексов эпохи бронзы // КСИА. Вып.161. М., 1980.

Аманбаева Б.Э., Рогожинский А.У., Мэрфи Д.М. Могильник Шагым – новый памятник эпохи бронзы Восточной Ферганы //АИ в 2005 г. Ташкент, 2006.

Аскаров А. А. Сапаллитепа. Ташкент, 1973.

Аскаров А.А. Расписная керамика Джаркутана // БД. Л., 1976.

Аскаров А.А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

Аскаров А.А., Абдуллаев Б.Н. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.

Аскаров А.А., Ширинов Т.Ш. Ранняя городская культура эпохи бронзы юга Средней Азии. Самарканд, 1993.

Аскаров А.А., Буряков Ю.Ф. Некоторые итоги и перспективы развития археологии в Узбекистане // СА. № 2. М., 1978.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Комплексные археолого-географические исследования во Внутренних Кызылкумах // ИМКУ. Вып.8. Ташкент, 1969.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. М., 1975.

Виноградов А.В., Кузьмина Е.Е. Литейные формы из Лявлякана // СА. №2. М., 1970.

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи // Тр. ХАЭЭ. Т. XV. М., 1986.

Виноградова Н.М. Юго-Западный Таджикистана в эпоху поздней бронзы. М., 2004.

Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы //«Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока». М., 1986.

Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. Могильник Кумсай в Южном Таджикистане // МАИКЦ. Вып.17. М., 1990.

Воронец М.Э. Браслеты бронзовой эпохи Музея истории АН Уз ССР // Тр. ИИА АН Уз ССР. Т.1. Ташкент,1948.

Геология и полезные ископаемые Афганистана: Часть 2. //Под ред. Ю.В. Володина; М., 1980.

Григорьев С.А. Производство металла в Средней Азии в эпоху бронзы // В сборнике «Новое в археологии Южного Урала». Челябинск,1996.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.

Дебайн-Франкфор К. Саки в провинции Синьцзян до периода Хань: Критерии идентификации // В сб.: «Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций». Алма-Ата, 1989.

Дегтярева А.Д. Металлообрабатывающее производство Казахстана и Киргизии в эпоху поздней бронзы (XII-IX вв. до н.э.): Автореф…. канд. ист. наук. МГУ, М., 1985.

Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Новые исследования по Сазаганскому поселению // ИМКУ. Вып.19. Ташкент, 1984.

Дуке Х.И. Туябугузские поселения бургулюкской культуры. Ташкент, 1982.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы //МИА. № 118. М.-Л., 1962.

Заднепровский Ю.А. Чустская культура в Ферганской долине // В книге «Средняя Азия в эпоху камня и бронзы». М., 1966.

Заднепровский Ю.А. К истории оазисного расселения в первобытной Средней Азии // КСИА. Вып. 167. М., 1981.

Заднепровский Ю.А. Древние бронзы Синьцзяня (КНР) // Древности. М., 1992.

Исаков А.И. Раскопки на поселении Саразм // АО. В 1979. М., 1980.

Исаков А.И. Саразм (К вопросу становления раннеземледельческой культуры Зеравшанской долины (раскопки 1977-1983 гг.). Душанбе, 1991.

Исаков А.И., Потемкина Т.М. Могильник племен эпохи бронзы в Таджикистане // СА. №1. М., 1989.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (II-начало I тыс. до н.э.) // Тр. ХАЭЭ. Т.X. М., 1977.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4 -9. М., 1966.

Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии // ВДИ. №1. М., 1972.

Литвинский Б.А., Окладников А.П., Ранов В.А. Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962.

Литвинский Б.А.Археологические работы в Таджикистане в 1962-1970 гг. (Некоторые итоги и проблемы) // АРТ. Вып.10. Душанбе, 1973.

Мандельштам А.М. Погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. Вып. 108. М., 1966.

Мандельштам А.М. Новые погребения срубной культуры в Южной Туркмении // КСИА. Вып. 112. М., 1967.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. №145. Л., 1968.

Масимов И.С. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба // СА. № 1. М., 1979.

Масимов И.С. Келлели – новый оазис эпохи бронзы низовий Мургаба // В сб. «Новые исследования по археологии Туркменистана». Ашхабад, 1980.

Массон М.Е. Археологические исследовния в Узбекистане // «Наука в Узбекистане за XV лет (1924-1933)». Ташкент, 1939.

Массон В.М. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии //СА. № 4. М., 1957.

Пилипко В.Н. Поселения Северо-Западной Бактрии. Ашхабад, 1985.

Пьянкова Л.Т. Древние скотоводы Южного Таджикистана. (По материалам могильника эпохи бронзы «Тигровая Балка»). Душанбе, 1989.

Ртвеладзе Э.В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // ВДИ. №4. М., 1977.

Ртвеладзе Э.В. Бронзовый кинжал из Южного Узбекистана // СА. №1. М., 1981.

Рузанов В.Д. История древней металлургии и горного дела Узбекистана в эпоху бронзы и раннего железа / Автореф.… канд. ист. наук. МГУ. М., 1982.

Рузанов В.Д. К вопросу о происхождении Чимбайлыкского клада // ИМКУ. Вып.22. Ташкент, 1988.

Рузанов В.Д. Химический состав металла могильника Чакка // ИМКУ. Вып.24. Ташкент, 1990.

Рузанов В.Д. Некоторые итоги изучения металла заманбабинской культуры // ИМКУ. Вып.36. Самарканд, 2007.

Рузанов В.Д. О путях миграций андроновских племен в Средней Азии //«Приаралье на перекрестке культур». Международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося исследователя Центральной Азии С.П. Толстова и 2 полевой семинар археологии древнего Ташкамырского оазиса. Нукус, 2007.

Рузанов В.Д. Миграции племён в Узбекистане в эпоху энеолита и бронзы. (Часть I) // Археология Узбекистана. Вып. 1. Самарканд, 2011а.

Рузанов В.Д. Миграции племён в Узбекистане в эпоху энеолита и бронзы. (Часть 2). // Археология

Узбекистана. Вып. 2. Самарканд, 2011б.
Сагдуллаев А.С. Усадьбы древней Бактрии. Ташкент, 1987.
Сагдуллаев А.С. К эволюции древнейших путей на юге Средней Азии // Сб. материалов: «На среднеазиатских трассах Великого шёлкового пути». Ташкент, 1990.
Сариниди В.И. Древние связи Южного Туркменистана и Северного Ирана // СА. № 4. М., 1970.
Сариниди В.И. Афганистан в эпоху бронзы и раннего железа /: Афтореф.... докт. ист. наук. М., 1975.
Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.
Сариниди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990.
Сорокин С.С. Хакский клад // СГЭ. Вып.19. М.-Л., 1960.
Терехова Н.Н. Обработка металлов в древней Маргиане //В книге В.И. Сариниди «Древности страны Маргуш». Ашхабад, 1990.
Толстов С.П. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма //ВДИ.№ 1. М., 1946.
Хлопин И.Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. Санкт-Петербург, 1997.
Buryakov Y.F., Baipakov K.M., Tashbaeva Kh., Yakubov Y. The cites and routes of the Great silk road (on Central Asia documents). Tashkent, 1999.
Moorey P.R. Materials and Manufacture in Ancient Mesopotamia: The evidence of Archaejljgy and Art. – Oxford: Ynternat Series 237, 1985.
Muhly J.D., Begemann F., Öztunali Ö., Pernicka E., Schmitt-Strecker S. and Wagner G.A. The Bronze Metallurgy of Anatolia and the Question of Local Tin Sources ||International Symposium on Archaeometry. “Archaeometry ’90”.2-6 April 1990. Heidelberg, Germany. Basel-Boston-Berlin, 1991.
Pigott V.C. A heartland of metallurgy Neolithic|Chalcolithic metallurgical origins on the Iranian Plateau || The Beginnings of Metallurgy. Proceedings of the International Conference “The Beginnings of Metallurgy”. Bochum. 1995. Btiheft 9. Bochum, 1999.
Reiter K. Metals and metallurgy in the Old Babylonian period || The Beginnings of Metallurgy. Proceedings of the International Conference “The Beginnings of Metallurgy”, Bochum. 1995. Btiheft 9, Bochum, 1999.
Stech T. and Pigott V.C. The metals trade in Southwest Asia in the third millennium B.C. - Iraq 48, 1986.

К ПРОБЛЕМЕ КОНЕВОДСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ

© 2012. Н.А. Аванесова, Н.А. Ташпулатова
Самаркандский государственный университет

Дискуссия места и времени доместикации лошади, использования последней в упряжке занимает важное место в археологии Евразии как часть индоевропейской проблемы. Разрешение этого вопроса позволит правильно реконструировать глобальный историко-культурный процесс древности. Как полагают многие исследователи (единого мнения пока не сложилось), приручение лошади произошло в IV тыс. до н.э. в евразийских степях, где для этого были соответствующие предпосылки: 1 - наличие дикого предка; 2 - благоприятные экологические условия; 3 - возросшая потребность населения в пище; 4 - знакомство конкретных сообществ с навыками скотоводства; 5 - наличие культа коня.

Перечисленные факторы присутствуют в материалах крупнейшего историко-культурного региона среднеазиатского междуречья – бассейна реки Зеравшан, что допускает возможность местной доместикации популяций диких лошадей. При этом наша исходная позиция основывается на том, что процесс доместикации лошади носил конвергентный характер на значительной территории. Разрешение этой проблемы возможно только при комплексном анализе ряда источников – палеозоологических, археологических, изобразительных. Однако такие данные не всегда представлены в совокупности и не все они безупречны. Кроме того, сложность датировки петроглифов не позволяет привлечь эти изображения в качестве источников.

Истоки доместикации логично искать там, где есть благоприятная природно-климатическая и ландшафтная среда для естественного обитания дикой лошади. В этом смысле долина Зеравшана по своим физико-географическим характеристикам представляла идеальные условия. Рельеф территории включает сочетание лессовых равнин и предгорий. В эпоху плейстоцена и голоцена обширные пастбищные ресурсы прибрежной зоны и предгорья богатые растительностью оставались стабильной кормовой базой для стадных животных во все времена года. И как мы увидим ниже, исходные объекты для одомашнивания диких видов лошадей в регионе были.

Чрезвычайно удачным и полезным представляется привлечение палеозоологических материалов. Наиболее значительные сборы древних остатков ископаемой лошади (в пределах верхнего плейстоцена) отмечены в мустьерских памятниках Кутурбулак и Зирабулак (Equus caballus foss Linnaeus), где почти половину остеологического материала составляют кости лошади. В фауне Тешик-Таша также имеются единичные кости (Equus caballus Linnaeus) лошади (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980. С.19; Абрамова, 1984. С.148).

Исключительную значимость для обсуждаемой темы имеют палеофаунистические остатки Самаркандской позднепалеолитической стоянки, где лошадь была главной охотничьей добычей – 52,3% (Лев, 1972. С. 29). Археозоологические мате-

риалы плейстоценовой лошади изучались Н.К. Верещагиным, В.И. Громовой и Б.Х. Батыровым. Первый полагал, что лошадь довольно близка к лошади Пржевальского (Лев, 1965. С. 26-27), вторая выделяет ее как новый вид – Equus valerani V (Громова, 1949. С. 273), последний считает, что по размеру зубов и конечностей лошади сходны с тарпанами и с лошадью Пржевальского – Equus cf. Przewalskii Poljakov. Б.Х. Батыров также отмечает, что по некоторым признакам зубов самаркандская особь приближена к современным лошадям кабаллоидного типа – Equus caballus Linnaeus (Верещагин, Батыров, 1967. С. 104-115; Батыров, 1968. С. 60-63; Джуракулов и др., 1980. С. 54-57). Наличие остатков позднепалеолитической лошади (Equus przewalskii) зафиксировано также в Пенджикентском карьере (Батыров, 1969). В настоящее время широко признана гипотеза о том, что предком всех существующих пород лошадей был тарпан.

Возможность местной доместикации популяций диких эквидов иллюстрируют и неолитические материалы края. В свете сказанного интересны палеофаунистические комплексы Сазаганской неолитической культуры, где на стоянке Сазаган I обнаружены скопления костей диких лошадей, а на стоянке Сазаган II в переотложенном культурном слое эпохи бронзы – остатки домашней лошади (Джуракулов, Холматов, 1991. С. 104-105; Батыров, 1985. С.41)[1]. Кости дикой лошади представлены также на неолитической стоянке Замичатош (Батыров, Гречкина, 1996. С. 7). Кости лошади (определение Н.К. Верещагина) обнаружены и в тузканских неолитических стоянках в низовьях Зарафшана (Гулямов и др., 1966. С. 64, 87). Данные о наличие дикой лошади в плейстоцене и голоцене демонстрируют глубокие местные корни и с большой долей вероятности допускают, что рассматриваемая территория могла быть местом выращивания лошадей, которыми позднее она была знаменита как «Златоконная Бактрия» и «небесные кони Ферганы» (Витт, 1937. С. 20-28). Сказанное согласуется с версией В.И. Цалкина о том, что одомашнивание животных могло произойти везде, где имелись исходные дикие виды (Цалкин, 1970. С. 266). О.В. Витт также полагал, что центральные районы среднеазиатской цивилизации (долины Зарафшана, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи) могли быть первичными центрами одомашнивания и конеразведения (Витт, 1937. С. 28). Этот экскурс был сделан с целью показать возможность местной доместикации популяций диких лошадей.

Рассматривая проблему одомашнивания, следует отметить, что Ш. Бёкёни выделил два этапа доместикации лошади: на первом – в эпоху энеолита, она употреблялась как пищевой продукт, на втором – в эпоху бронзы, животное стали использовать в транспортных целях (Bökönyi, 1994). Однако у нас нет пока свидетельств о наличии кабаллоидной лошади в энеолитических памятниках Средней Азии[2], хотя процесс одомашнивания лошади был длительным. Попытка У. Дюрста представить материалы нижних слоев Анау как сведения о появлении домашней лошади в Туркмении в энеолитический период были оспорены М. Хильцгеймером, Б. Лудголем и Н.М. Ермоловой. Как оказалось, в Анау были найдены кости куланов – одного из представителей семейства лошадиных (Ермолова, 1970. С.212). Вероятно, коневодство должно было развиться раньше того времени, чем появляются первые свидетельства запрягивания лошади в транспортные средства. Некоторые косвенные археологические данные о разведении лошади в эпоху бронзы в исследуемом регионе отражены в памятниках синташтинско-сапаллинского типа - Зардчахалифа и Сазаганское староречье (Бобомуллоев, 1999. С. 311; Аванесова, 2010. С. 345). В частности, обнаружены роговые щитковые псалии – главный конструктивный элемент конской узды, доказывающий использование колесницы и упряжной системы управления, что предполагает разведение особой породы коней.

Коллекция находок представлена тремя парами (2 пары из Зарчахалифа; одна – Сазаганского староречья) однотипных псалий, имеющих различную степень сохранности (рис. 3). Они изучались нами de visu. Псалии представляют дисковидный щиток с четырьмя монолитными шипами, имеют центральное и одно дополнительное отверстия. Центральное отверстие оформлено выступающим утолщением, образующим втулку. По наружной окружности диска проходит желобок, образуя рельефные пояса. Псалии изготовлены из спила основного ствола оленьего рога[3]. Согласно результатам трасологического анализа рассматриваемые изделия (Сазаганское староречье), изготовлены с помощью комплекса технических приемов – это сверление, раскалывание, сострогивание, стесывание, распиловка, шлифование на абразивах[4]. Зарафшанские псалии изготовлены, скорее всего, по стандартам волго-уральских традиций, о чем свидетельствует высокая степень сходства с псалиями потаповско-синташтинских культурных типов (Васильев, Кузнецов, Семенов, 1999. Рис. 28-48; 33-1; Генинг и др., 1992. Рис. 57-8). Подобное сходство изделий (происходящих из отдаленных друг от друга регионов) может наблюдаться лишь в родственных культурах, свидетельствуя о существовании трансевразийских путей. Наибольшая близость обнаруживается с псалием Джаркутана – самый южный из известных подобных находок (Аванесова, 2005).

Показательно конструктивное сходство среднеазиатских псалиев, выраженное внутренней стандартизацией. Степень морфологического соответствия очень высока. Все они (известно 7 экземпляров) роговые, относятся к числу щитковых, дисковидной формы с монолитными шипами, с двумя или тремя разновеликими отверстиями, декоративным оформлением центрального отверстия и торцов щитка, общими пропорциями до 8см. Вышесказанное подтверждает наличие устойчивых традиций изготовления псалиев. Среднеазиатские изделия конского снаряжения демонстрируют явные отличия (но на уровне отдельных признаков, а не типов), что позволяет выделить региональный вариант и помимо прочего синхронизировать их во времени. Среднеазиатские псалии в эволюционном плане относятся к одному из древнейших архаичных щитковых псалиев Евразии. Не решая задачу обоснования более ранней датировки щитковых псалиев, отметим, что сазаганские псалии констатируют факт хронологического приоритета (полтавкинская и сапаллинская керамика) по отношению к памятникам синташтинского и потаповского круга[5]. Открытие нового региона щитковых псалий вновь ставит вопрос относительно места появления и роли конной колесницы в Древнем Востоке, но эта тема специального исследования.

К числу редких находок этого времени относятся художественные изделия прикладного искусства из перечисленных выше погребений Зеравшанской долины. Они представляют собой бронзовые длинные стержни с утолщением на одном конце и декоративным навершием копытных животных на другом. Назначение указанных предметов не поддается однозначному толкованию. Приручение лошади, вероятно, изменило и идеологические представления, в пользу чего свидетельствует образ лошади в пластике из погребения Зарчахалифа. По С.И. Ожегову, "и булавка, и шпилька служили для скалывания, а с красивой головкой – для украшения". В литературе их обычно называют булавками, заколками (при заостренном рабочем конце), шпильками косметическими стержнями, туалетными палочками (при каплевидном утолщении на конце), вотивными жезлами (при анималистических фигурных навершиях), и наконец – считают маркерами социального статуса. Определить функциональную принадлежность довольно трудно, так как в публикациях зачастую нет информации о контексте выявления. Исключение составляют бесспорные

Рис. 1. Зарчахалифа. Шпилька с навершием лошади.

случаи наличия небольших, туалетных булавок внутри косметических флаконов (Сарианиди, 1977. С. 7-9, табл.11; Сарианиди, 2002. С. 108-109; Сарианиди, Дубова, 2008. С. 303). Утилитарное назначение не исключает, разумеется, ритуально–магического использования шпилек–булавок. Назначение этих изделий мы условно определяем как шпильки.

Интересующее нас изделие происходит из Зарчахалифа, относится к категории важных артефактов из-за исключительной информативности в культурно-

исторической плане. Оно не лишено художественного вкуса и профессионального мастерства, в комплексах Бактрийско-Маргианской цивилизации встречается довольно часто. Предметом рассмотрения является навершие в виде статуэтки лошади. Уникальность данного изделия, единственного в своем роде на территории БМАК, придает исследованию особую актуальность (рис. I, 1–6). Остановимся на экстерьерных признаках лошади. Моделировка головы – средней величины, отличается широким лбом и прямым профилем (с развитой нижней челюстью и носовой частью). Уши небольшие, широко расставлены, овальные, прижаты к виску, выступают рельефным полукругом над затылком («мышиные»). Глаза даны выпуклостями миндалевидных очертаний, асимметричные (творческая неудача мастера–литейщика). Пасть сомкнутая, обозначена прямой линией. Морда вытянутая вперед с моделированной нижней губой, ноздри не проработаны. На голове две расходящиеся в стороны пряди густой длинной челки, ниспадающей до храпа. Пышная грива также разделена, свисает по обе стороны шеи отдельными рельефными прядями и заканчивается у холки. Шея короткая, толстая, широкая. Корпус плотный, спина сравнительно короткая, чуть выгнута с хорошо выраженной поясницей, грудь широкая, брюхо провислое. Круп округлый с низко приставленным длинным, опущенным хвостом, разделенным на расходящиеся пряди в виде ряда «елочки» (заплетенным в косу)[6]. Мускулатура тела подчеркнута слаборасчлененными плоскостями. Конечности недлинные, хорошо обмускулены. Постановка передних ног – отвесная, параллельная, задних отличается саблистостью. Копыта не проработаны. Фигурка установлена на подпрямоугольной шляпке шпильки, которая символизирует земную твердь (“почва” под ногами показана насечками).

Техника изготовления: шпилька с навершием отлита в сложной закрытой разъемной форме с последующей обработкой резцом (челка, грива, хвост, пасть и торцовая часть подставки). После отлива шпилька не подвергалась дополнительной обработке, о чем свидетельствуют технологические дефекты (усадочные раковины на шее, характерные натеки с неровными закраинами от металла на месте разъема формы, которые не сняты). Признаки каких-либо следов использования отсутствуют. Надо полагать, что предназначалась она для захоронения. Размеры: общая длина 17,2 см, диаметр стержня 0,5 см, утолщенной части 0,7 см, подставка 1,8х0,8 см; скульптура лошади – высота в холке 1,9 см, длина 3,2 см.

По экстерьеру лошадь из Зардчахалифа может быть охарактеризована как среднерослая, широкотелая, с сильными стройными ногами и обильной оброслостью, что характерно для обитателей степной и предгорной полосы. По заключению палеозоолога Самаркандского университета Б.Х. Батырова, изображение навершия обнаруживает образное сходство с монголизированными "узбекскими лошадьми карабаирского типа"[7] Зеравшанской долины (Рогалевич, 1937. С. 149-179). Он же обратил внимание на наличие такого изобразительного элемента как косые, поперечные полосы на бедре и передних конечностях фигурки, передающие мышастую масть лошади, выраженную «зеброидность» (Калинин, Яковлев, 1941. С. 60). Древний художник-мастер сумел передать не только изящество и красоту, но и породу лошади. Естественная выразительность скульптуры, напряженность мускулов корпуса и конечностей создает ощущение, что конь в движении. По ряду иконографических особенностей (широколобная голова, толстая широкая шея, челка и густая грива, разделенная на пряди) фигурка лошади находит ближайшие аналогии с бронзовым навершием посоха в форме протомы лошади из некрополя Гонур Депе (рис. 2-4) (Сарианиди, 2002. С. 237-240).

Если обратиться к бактрийским находкам, давшим образцы прикладного искусства с изображением лошади эпохи бронзы, необходимо отметить церемониальный топор в виде головы коня с пышным хвостом, навершие посоха или скипетра (рис. 2-5), цилиндрическую печать (Amiet P., 1986. Fig. 167; Сарианиди, 1982. Рис. 2-3; Сарианиди, 1986. С. 43, рис. 8-10). Образ лошади, по свидетельству И.С. Масимова, отражен в глиптике (20 экз. из 1802 изделий БМАК) рубежа II-I тыс. до н.э. (Масимов, 2001. С. 21-22). Ряд можно продолжать, если обратиться к скульптурным изображениям коней модели колесницы из Амударьинского клада (Зеймаль, 1979. Рис.7). Наибольшее сходство с рассматриваемым навершием проявляют экстерьер и манера гравировки для передачи гривы и хвоста. Столь же показательны изображения коней на бактрийской серебряной чаше (Витт, 1937. Рис.8-9; Тревер, 1940. Табл. 25-26).Такая отдаленная по времени параллель вполне оправдана географически. Сходство можно объяснить общим бактрийским наследием[8]. Следует также заметить, что в источниках БМАК изображены лошади двух пород. Одна близка к описанной нами, а другая (Amiet P., 1986. P. 165. Fig. 187) по стилю представляет лошадь сейменского типа – стоячая короткая грива с нависающей челкой, небольшие торчащие ушки (Пяткин, Маклашевич, 1990. С. 149). Ближайшим соответствием могут служить, на наш взгляд, фигуры коней, стоящие на золотой андроновской серьге из могильника Мыншункур Восточного Семиречья (Акишев, 1983. Фиг. 49; Акишев, 1992. С. 233).

Культурная принадлежность описываемой шпильки из Зардчахалифа рассматривалась в ряде работ. Так, она была отнесена к традициям сейменской (Трифанов, 1997. С. 96; Кузьмина, 2000. С.17) и андроновской бронзы (Савинов, 2007. С. 101). Нам представляется, что в нашем случае морфологические особенности изображенной лошади (более грацильна, очень натуралистично выполнена) контрастируют с изображением лошадей на рукоятке ножа Сейменского могильника (Бадер, 1970. С 112-117; Бадер, 1971. С. 100, рис. 44). Изображения на первый взгляд (в самых общих чертах) похожи. Но вместе с тем, они индивидуальны по многим деталям (трактовка гривы, челки, хвоста, глаз и т.д.). Есть существенные различия в способе моделировки объема, иконографии, технике исполнения и стиле. Общими являются: собственно образ лошади, выполненный в манере реалистической трактовки объемного художественного литья; плоская основа декоративных наверший, которая служит им линией земли. Полагаю, что обсуждаемые изделия следует рассматривать как разные проявления единой изобразительной традиции.

Образы лошадей в пластике свидетельствуют о сложении культа коня в БМАК. Не вдаваясь в семантический анализ (из-за ограниченности объема статьи), отметим, что культ коня связан с космогоническим мировоззрением и в первую очередь с астрально-солярным культом. В связи с этим существенным представляется следующее. Если шляпку нашей шпильки с насечками по торцовой части рассмотреть отдельно (без лошади), то она приобретает смысловое значение: это солярный знак в виде диска с лучами хорошо известный с эпохи палеолита как символ солнца.

Несмотря на скромное количество представленной информации, на наш взгляд, в долине Зеравшана есть неоспоримые свидетельства возможной доместикации лошади и независимого развития центра коневодства.

Исследования последних лет весьма существенно изменили наши представления о времени появления домашней лошади в Средней Азии, в том числе и результаты изучения доисторической Маргианы, где достоверные остеологические остатки одомашненной лошади в Гонур Депе являлись значительным элементом структуры погребального обряда (Сарианиди, Дубова, 2008. С. 149-152; Сатаев, 2008. С. 138-

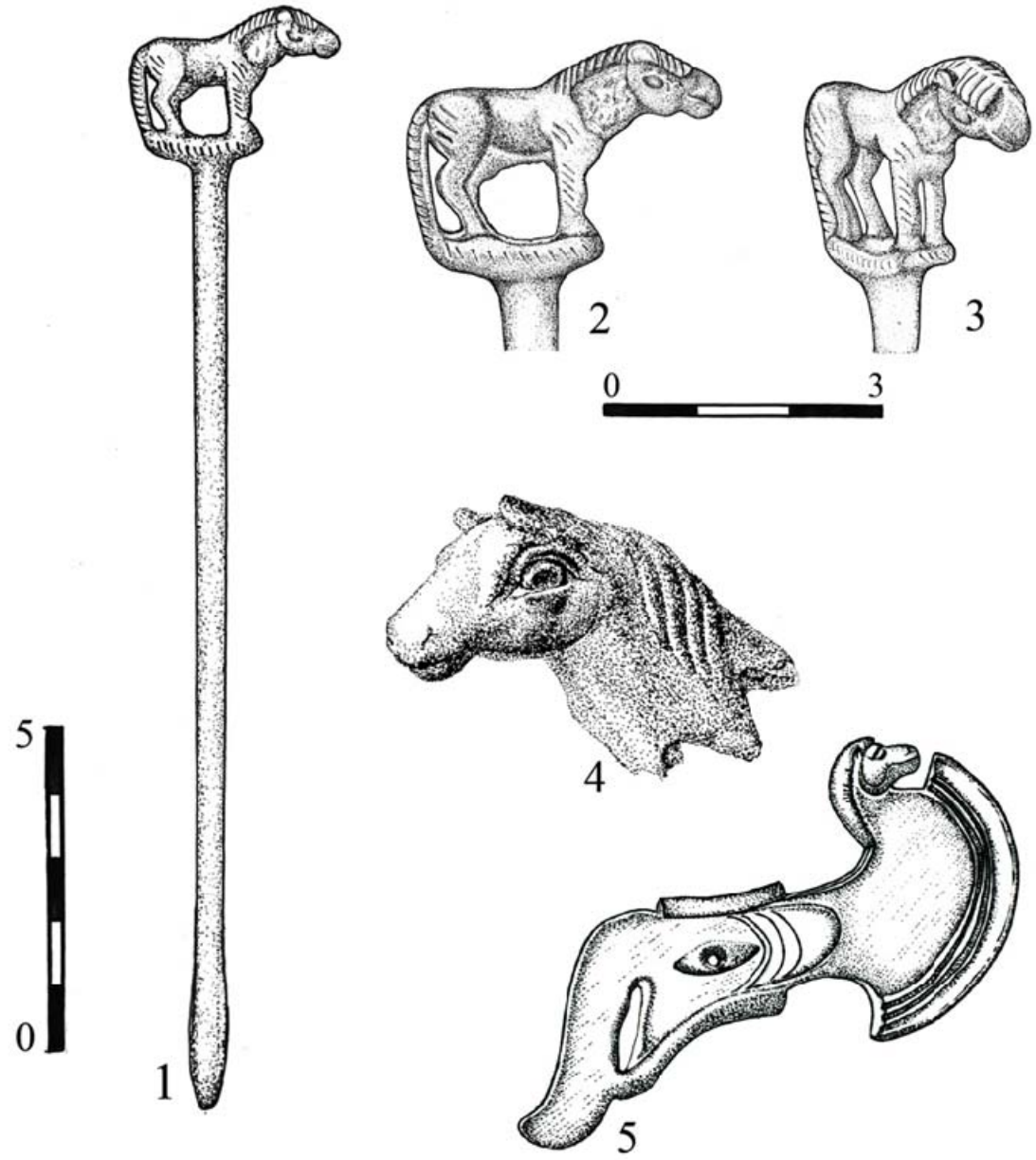

Рис. 2. Зарчахалифа. 1-3 - Шпилька с навершием лошади; 4 - Гонур Депе. Навершие посоха-жезла (по В.И. Сарианиди, 2002г.); 5 - Северный Афганистан (Бактрия). Церемониальный топор (прорисовка по фотографии Amiet P., 1986).

142; Сатаев, 2008. С. 143-160). Последний был привнесенным элементом культуры БМАК, имеющим истоки в степном мире и ближневосточной среде. В количественном плане маргушские источники не столь значительны – найдены остатки шести особей домашних лошадей (Сарианиди, 2010. С. 105). По одному костному остатку, предположительно лошади, обнаружено на поселениях Келлели и Таип (Ермолова, 1986. С. 116-117). Видимо, лошадь являлась дорогим и редким животным, была продуктом дарообмена[9]. Предметы, символизирующие изображения лошади в мелкой пластике (навершия жезлов, каменные фигурки), свидетельствуют о знакомстве населения БМАК с лошадью, мало что меняя в наших представлениях о коневодст-

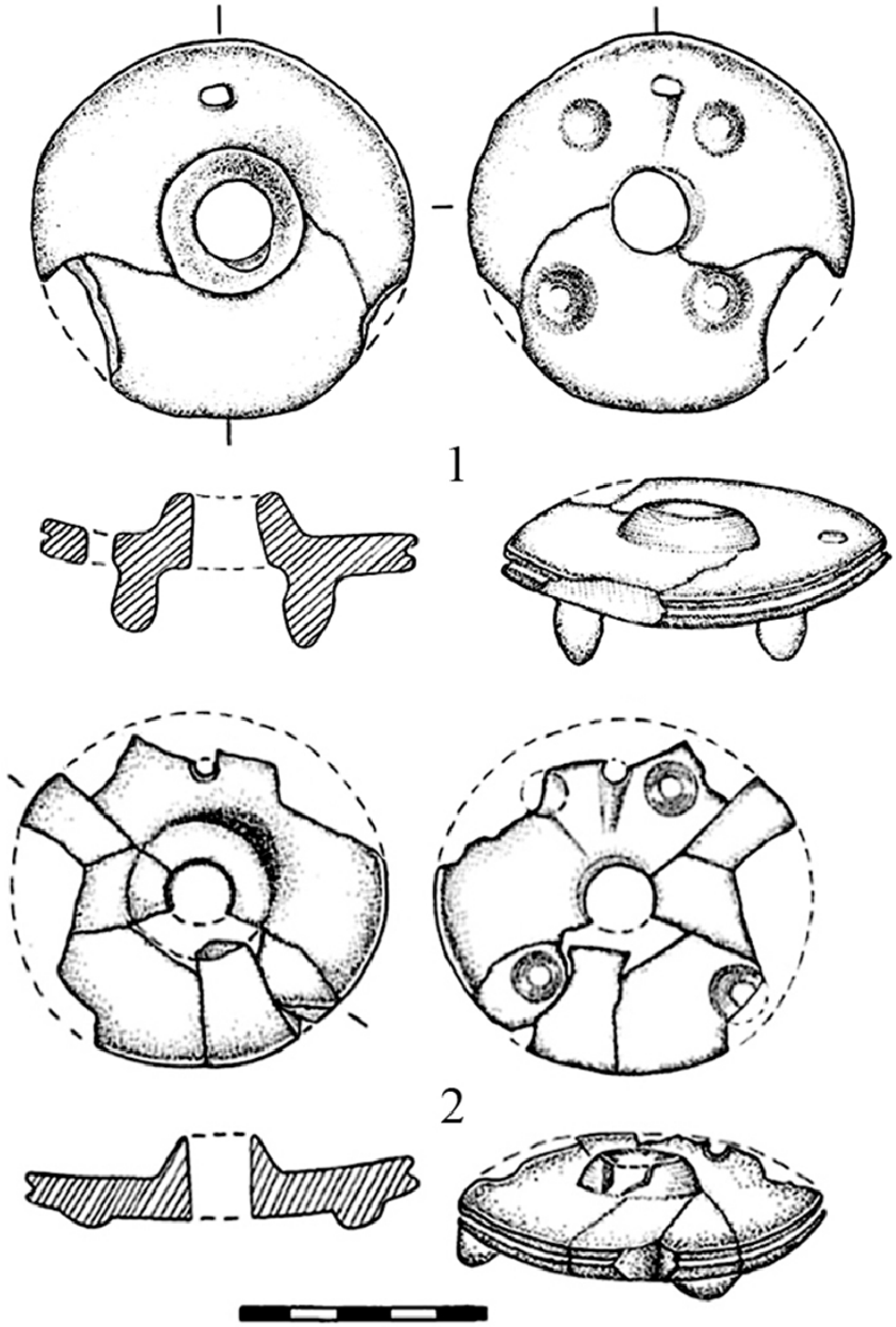

Рис. 3. Сазаганское староречье. Псалии.

ве страны Маргуш как хозяйственной деятельности гонурцев. В погребальных комплексах нет предметов конской упряжи, что скорее свидетельствует о культе коня, а не коневодстве. Однако, согласно данным этнографов, ритуальным становится основное в экономике животное. Надо полагать, вопрос об использовании лошади в Маргиане остается открытым.

В свете последнего замечания существенно важным представляется остеометрический анализ фауны Джаркутана, свидетельствующий о том, что лошадь (Eguus caballus) в начале II тыс. прочно вошла в жизнь обитателей сапаллинской культуры (Батыров, 1983; Батыров, 1990). Джаркутанцы занимались разведением лошадей не для пищи. Это подтверждают возрастные особенности останков взрослых особей, где преобладают лошади 5-10 лет, более пригодные для хозяйственных, социальных и военных нужд (Батыров, 1990. С. 232-233). Показательно, несмотря на широкие систематические раскопки, отсутствие захоронений лошади в погребальной практике сапаллинской культуры. Распространение коневодства (что подтверждает поголовье лошади в общем составе стада джаркутанцев, занимающее одно из первых мест, уступая лишь крупному рогатому скоту, а также роговой щитковый псалий Джаркутана – показатель колесничества), в пределах раннеурбанистической Бактрии мы связываем со степной зоной Южного Урала и Казахстана[10]. Ее носители были современниками петровского населения, о чем говорят отдельные культурные элементы синташтинского-петровского мира в Джаркутанских комплексах (Аванесова, 2005. С. 7-25; Аванесова, 2010. С. 107-133).

В заключение отметим: остеологические находки предковых форм лошади дают возможность полагать, что Зарафшанская долина могла входить в ареал доместикации лошади, что допускает местное одомашнивание. На рубеже III-II тыс. до н.э. лошадь, без сомнения, была известна населению БМАК, однако она была не первым тягловым животным ни в раннебактрийской, ни в раннемаргианской цивилизациях, где отсутствие лошади компенсировалось волами и быками. Как транспортное средство двух– и четырехколесные колесницы появились задолго до зарождения коневодства в Средней Азии. Особую роль в этом процессе сыграли природно-экологические условия. Свидетельства разведения коней появляются не раньше начала II тыс. до н.э. С середины этого периода лошадь получает широкое распространение среди населения Средней Азии, чему способствовало развитие в хозяйстве пастушеского скотоводства. Изменение климата привело к понижению агроэкономического потенциала (не было гарантированных урожаев) и постепенно сопровождалось складыванием нового образа жизни – основной акцент переместился на развитие скотоводства.

Примечание:

1. Определенным аргументом в пользу наличия домашней лошади служит коллекция эпохи бронзы из этой стоянки, где керамика и металлический инвентарь находят близкие соответствия в федоровских памятниках андроновской общности (Джуракулов, Аванесов, 1984. С. 32-39).
2. Обнаружение таких местонахождений ожидается. Так, в сакральном комплексе Жуков (ямно-афанасьевские древности Зеравшанской долины) найдены фрагменты нижней челюсти без зубов и позвонки, предположительно отнесенные Б.Х. Батировым к виду Equus caballus.
3. Определение произведено палеозоологом Самаркандского университета Б.Х. Батыровым.
4. Трасологическое исследование псалиев Г.Ф. Коробковой дало яркие следы сработанности.
5. Исследования последних десятилетий выявили достаточно сложную картину взаимодействия традиций разных культур, сложившихся в рассматриваемом регионе на рубеже III-II тыс. до н.э. Здесь наблюдаются контаминация и взаимодействие пастушеского населения с миром высокоразвитой земледельческой цивилизации. Отражением последних являются материалы погребений Сиаб, Зардчахалифа, Джам, Сазагансая и отдельные находки (Бобомуллоев С. 1999; Аванесова Н.А., 2002; Аванесова Н.А., 2010), свидетельствующие о формировании Зарафшанского варианта Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК). Своеобразие памятников Зарафшанской провинции БМАК (занимающей северные окраины земледельческих оазисов) проявляется в поликультурности основных показателей, а именно: в наличии артефактов, близких как протобактрийским стандартам (керамика ранних этапов сапаллинской культуры и др.), так и доандроновским степным древностям (дисковидные псалии, металлические изделия и

др.), в которых преобладающим компонентом, являются первые.

6. Моделировка хвоста вызывает близкие ассоциации с хищниками семейства кошачьих. По Б.Х. Батырову, наблюдается сходство с гепардом, который обитает в Средней Азии только в Туркменистане.
7. Карабаиры—чрезвычайно ценная порода, образовалась от скрещивания древних исконных пород Средней Азии с породами, ввезенными туда монголами. Витт В.О. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. – М., 1937. С. 32.
8. В.О. Витт, рассматривая лошадь Древнего Востока, отмечал: «Древняя Бактрия была широко известна окружающим народам как центр цветущего коневодства. Ряд названий и собственных имен, сохраненных в различных документах, свидетельствует о том, что лошадь была эндемичным животным Бактрии. Так, крепость Бактрии (Балх) называлась Zariaspa - "золотистоконная"» Витт В.О. 1937. С. 20-21.
9. Огромную роль конь играет в системе подношения у народов Центральной Азии и сейчас.
10. Известно, что лошадь была широко распространена у андроновских племен, где она в составе стада, как и в Джаркутане, занимает третье место после крупного и мелкого рогатого скота (Цалкин, 1972. С. 79). Важно отметить, что Сапаллитепа (где кости лошади отсутствуют) и Джаркутан, бесспорно, оставлены родственными сообществами.

Использованная литература:

Абрамова З.А. Ранний палеолит Азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984.

Аванесова Н.А. Новые материалы эпохи бронзы Зарафшанской долины // Археологические исследования в Узбекистане – 2001 г. – Ташкент, 2002.

Аванесова Н.А. О культурной атрибуции колесного транспорта доисторической Бактрии (по материалам Сапаллинской культуры) // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. – Ташкент, 2005.

Аванесова А.Н. Зеравшанская культурная провинция Бактрийско–Маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80–летию В.И. Сарианиди. Труды Маргианской археологической экспедиции. – СПб, 2010.

Аванесова А.Н. Проявление степных традиций в Сапаллинской культуре // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной конференции. Самарканд – Ташкент, 2010.

Акишев К.А. Древнее золото Казахстана. – Алмата, 1983.

Акишев К.А. Происхождение "звериного" стиля в изобразительном искусстве саков // Маргулановские чтения 1990 (сборник материалов конференции), часть I. – М., 1992.

Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М., 1970. С. 112-117; Бадер О.Н. Бронзовый нож из Сеймы с лошадьми на навершии // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 127. – М., 1971.

Батыров А.Р. Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 18 – Ташкент, 1983.

Батыров А.Р., Гречкина Т.Ю. Неолит среднего течения реки Зарафшан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 27. Самарканд, 1996.

Батыров Б.Х. К истории териофауны долины Зарафшана в антропогене // Матер. респуб. научно–техн. конф. молодых ученых и аспирантов.– Самарканд, 1968.

Батыров Б.Х. Материалы по истории териофауны Южного Узбекистана в верхнем антропогене :Автореф. дис… канд. биол. наук. – Самарканд, 1969.

Батыров Б.Х. Костные остатки млекопитающих на стоянке Сазаган II // Вопросы археологии, древней истории и этнографии. Сборник научных трудов. Самарканд, 1985.

Батыров А.Х. Фаунистические остатки млекопитающих поселения Джаркутан // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 24. – Ташкент, 1990.

Бобомуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // Stratum plus, №2 – Санкт-Петербург-Кишинев-Одесса, 1999.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. – Самара. 1994

Верещагин Н.К., Батыров Б. Фрагменты истории териофауны Средней Азии// Бюллетень общества испытателей природы, т. 72, №44 – М., 1967.

Витт В.О. Лошадь Древнего Востока // Конские породы Средней Азии. – М., 1937.

Генинг В.Ф., Зданович В.Ф., Генинг В.В. Синташта. – Челябинск, 1992.

Громова В.И. История лошадей в Старом Свете // Труды Палеонтологического института АН СССР. Т. XVII, ч. 1. – М., 1949.

Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскаров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Заравшана. – Ташкент, 1966.

Джуракулов М.Д., Холюшкин Ю.П., Холюшкина В.А., Батыров Б.Х. Самаркандская стоянка и ее место в позднем палеолите Средней Азии // Палеолит Средней и Восточной Азии. История и культура Востока Азии. – Новосибирск, 1980.

Джуракулов М.Д., Аванесова Н.А. Новые исследования по Сазаганскому поселению // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 19. –Ташкент, 1984.

Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана (Сазаганская культура). – Ташкент, 1991.

Ермолова Н.М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении // Каракумские древности. Вып. III, Ашхабад, 1970.

Ермолова Н.М. Материалы к изучению скотоводства и охота в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы // Древние цивилизации Востока (Материалы II Советско-американского симпозиума). Ташкент, 1986.

Зеймаль Е.В. Амударьинский клад. Каталог выставки. – Л., 1979.

Калинин В.И., Яковлев А.А. Коневодство. – М., 1941.

Кузьмина Е.Е. Первая волна миграции индоарийцев // Вестник древней истории №4.–М., 2000.

Лев Д.Н. Самаркандская палеолитическая стоянка. Предварительное сообщение // История материальной культуры Узбекистана. Вып. 6 –Ташкент, 1965.

Лев Д.Н. Итоги работы археологического отряда Самаркандского госуниверситета имени А. Навои в 1966 году // Труды СамГУ, новая серия. Вып. 218. Материалы по истории и археологии Узбекистана. Самарканд, 1972.

Масимов И.С. Конь и всадник в глиптике Бактрии и Маргианы // Матер. междунар. науч. конф. "Роль ахалтекинского коня в формировании мирового коннозаводства". – Ашхабад, 2001.

Пяткин Б.Н., Маклашевич Е.А. Сейменско-турбинская изобразительная традиция: пластика и петроглифы // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. – М., 1990.

Рогалевич М.И. Карабаирская лошадь // Конские породы Средней Азии. – М., 1937.

Савинов Д.Г. Сейменская изобразительная традиция в петроглифах Южной Сибири и Казахстана // Проблемы археологии; Урал и Западная Сибирь (к 70- летию Т.М. Потемкиной). – Курган, 2007.

Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана – М., 1977.

Сариниди В.И. Новый центр древневосточного искусства // Археология Старого и Нового света. – М., 1982.

Сариниди В.И. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э. // СА, №2. М., 1986.

Сариниди В.И. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад, 2002.

Сариниди В.И. Дубова Н.А. Роль эквид и других животных в жизни земледельческого населения юга Туркменистана (на примере памятника конца III тыс. до н.э. Гонур Депе) // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул, 2008.

Сариниди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). – М., 2010.

Сатаев Р.М. Животные из раскопок городища Гонур Депе // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. – М., 2008.

Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент, 1980.

Тревер К.В. Памятники греко-бактрийского искусства. – М.–Л., 1940.

Трифанов В.А. К абсолютной хронологии евро–азиатских культурных контактов в эпоху бронзы // Радиоуглерод и хронология. Вып. 2. – С–Пб., 1997.

Цалкин В.И. Древние домашние животные Восточной Европы // МИА, № 161.– М., 1970.

Цалкин В.И. Фауна из раскопок андроновских памятников в Приуралье // Основные проблемы териологии. М., 1972.

Amiet P. L'age des echanges inter – iraniens 3500–1700 avant J.-C. – Paris, 1986.

Bökönyi. The role of the horse in the exploitation of the steppes // The Archaeology of the steppes, Napoli, 1994.

НОВАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НЕКОТОРЫХ БУЛЛ ИЗ КАФИРКАЛЫ

© 2012. А.Э. Бердимурадов, Г. Бабаяров, А. Кубатин
Институт археологии, Институт востоковедения Академии наук Республики Узбекистан

До недавнего времени буллы, относящиеся к согдийской среде, тем более с согдийскими надписями, составляли незначительное число. Однако данная ситуация во многом изменилась, благодаря находкам на городище Кафиркала. В 2005 году на городище Кафиркала, расположенном на левом берегу канала Даргом в 12 км к юго-востоку от Афрасиаба (городище древнего Самарканда), в результате раскопок, проводившихся узбекско-итальянской экспедицией под руководством А. Бердимурадова с узбекистанкой стороны и М. Този с итальянской стороны, было найдено около 500 булл, относящихся к эпохе раннего средневековья. Основная масса булл анэпиграфные, часть же их содержит согдийские надписи, которые представляют большой интерес для исследователей. Предварительная информация о буллах была опубликована С. Кацоли и К. Черети в 2005 году.

Следует отметить, что в этой публикации, хотя и были даны попытки прочтения и интерпретации надписей, занявших место на некоторых буллах, но они, на наш взгляд, не совсем корректны и требуют пересмотра. Итак, остановимся на некоторых буллах, для которых мы приводим новые чтения и интерпретацию.

Булла №313. Среди булл с надписями, особый интерес представляет булла с изображением стоящего персонажа (рис. I, 1). Первоначально эта булла была отнесена одним из авторов к буллам античного стиля и ей была дана следующая характеристика: «С образами античной мифологии можно связать изображение на крупной по размерам булле с обнаженной женской фигурой. Оттиск, как и само изображение крупных размеров, по длинной оси 42 мм. По центру во фронтальной позе показана женская фигура удлиненных пропорций, ее левая рука поднята до плеч и согнута в локте. От кисти вниз проходит тонкая рельефная линия, передающая, по всей очевидности, спадающий с плеч шарф. В правой, опущенной руке – рог изобилия – атрибут, позволяющий определить функциональные особенности изображенного персонажа. В эллинистическом искусстве этот атрибут, как известно, характерен для богини Тихе-Фортуны. Функция этого божества связана с понятиями «удачи», «изобилия», «плодородия» (Бердимурадов, 2010. С. 159).

Однако ясность в интерпретацию этой буллы позволила внести надпись, занявшая место на ней. Следует отметить, что хотя сегодня и имеются попытки прочтения надписей на буллах Кафиркалы итальянским исследователем К. Черети, надпись на данной булле, несмотря на сравнительно хорошее состояние, осталась непрочитанной. Как пишет исследователь, надпись на данной булле плохо сохранена и ее трудно прочесть, или же она вообще является псевдонадписью (Cazzoli, Cereti, 2005, p. 148, 152. Fig. 20). При том, что среди остального количества кафиркалинских булл, она самая удобочи-

таемая. Надо сказать, что как показывает материал, чтение надписей на буллах, которые приводит К. Черети, также не совсем удачны и требуют корректировки.

Надпись на этой булле, выполненная согдийским полукурсивным письмом расположена против часовой стрелки и начинается в точке 11 часов. Надпись читается нами предварительно как *rt(n/w/y) δy(w)c kwγw(n)(y)* – «Рад (зороастрийский жрец) демонический Кугунē» или *rt(n) δy(w)c kwγw(n)(y)* – «демоническая драгоценность Кугунē» (Berdimuradov, Babayarov, 2011).

Комментарий:

rt(n/w/y) – Pam или *Pad* «Зороастрийский жрец (мобед)» или *rtn* «драгоценность» (от др.инд. *ratna*) (Gharib, 1995, p. 343, No. 8521, No. 8526);

δy(w)c – «демонический», «демоноподобный» (Gharib, 1995, p. 150-151);

kwγw(n)(y) – Кугунē - имя демона, сына Ахримана (Gharib, 1995, p. 199, No. 5014; Grenet, 2009, p. 287).

Особого внимания заслуживает наличие в надписи на булле слова *kwγw(n)(y)*, которое, на наш взгляд, является орфографическим вариантом имени одного из авестийских демонов *Кугуне*, которое зафиксировано в согдийских манихейских документах из Турфана в форме *kwγwn'k / qwγwnyy* (*kuγūnē*). В данных документах этот демон упоминается, как *kwγwn'k ZK 'tδrmnw z't'k* – «*Кугуне сын Ахримана*» (Grenet, 2009, p. 287). О демонической сущности существа, изображенного на булле, свидетельствует и тот факт, что оно держит в руке змея, который, как известно, являлся главным воплощением «Нижнего мира» у всех индоевропейских народов, с которым связан мифологический мотив его противоборства с верховным божеством (Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 527-528).

Таким образом, данная булла в иконографическом отношении, хотя и продолжает античные традиции, однако, надпись на ней позволяет отнести ее к эпохе раннего средневековья, а семантика изображения и имя демона—к согдийской среде.

Булла №47. Изображение правителя в фас, окруженное согдийской курсивной надписью, которая начинается в точке 4 часов и имеет направление против часовой стрелки. Прежнее чтение было предложено К. Черети в форме *(r)ywδβ'rk (rēwδβārak)* – "Gift of (the god) Rēw" («Подарок (божества) Рēва») (Cazzoli, Cereti, 2005, p. 156-157. Fig. 27). Мы предлагаем следующее чтение, как *ZN* (?) *kw(y) cw'β/ys MLK'* (?) – "Господин Чавйус царь" (рис. I, 2) (Berdimuradov, Babayarov, Kubatin, 2011).

Относительно имени правителя, выявленного на булле, следует отметить, что оно имеет параллель с именем правителя, нашедшим отражение в документе из Чильхуджры и прочтенного О.И. Смирновой как *(γwβ) cw'ws* – "Кавус (?)", а В.А. Лившицем как *xwβw cwyws* – «Государь Чавйус», которое было отождествлено им с правителем Уструшаны, упомянутым в арабских источниках под именем Кавус (Лившиц, 2003. С. 78-81; Лившиц, 2008. С. 286-287). Относительно чтения В.А. Лившица следует отметить, что его можно уточнить. Так, если исходить из палеографии, то упомянутое выше слово с документа Чильхуджры можно прочесть также как *xwβw kw'β/ys* или *cw'β/ys* – «Государь Кавйис» или "Чавйис" (Лившиц, 2003. С. 79, рис. 1). Чтение данного слова с буквой *k* (каф), на наш взгляд, более приемлемо, так как, *w* (вав) соединяется с первой буквой снизу, что характерно для *k* (каф), а не для *c* (цадди).

На наш взгляд, данную буллу можно связать с уструшанской средой, что подтверждается и ее иконографией, которая имеет параллели с доисламскими монетами Уструшаны.

Булла №48а. На данной булле представлено изображение вепря (кабан) с оскаленной пастью, идущим вправо. Под мордой вепря согдийская надпись из трех букв, читаемая нами, как *prn* – «фарн, благодать» (рис. I, 3). Слово *prn* – «фарн, благодать» в

иранской мифологии очень часто связывалось с божеством войны и победы Веретрагной. В «Авесте» данное божество представлено в нескольких ипостасях, как конь, верблюд, вепрь, горный баран и др. (Авеста, 1990. С. 96-98; Авесто, 2001. С. 58). Исходя из этого, сюжет на данной булле можно связать с Веретрагной. Схожее употребление слова *prn* совместно с животным Веретрагны мы можем наблюдать и на доисламских печатях из Ташкентского оазиса с изображением верблюда.

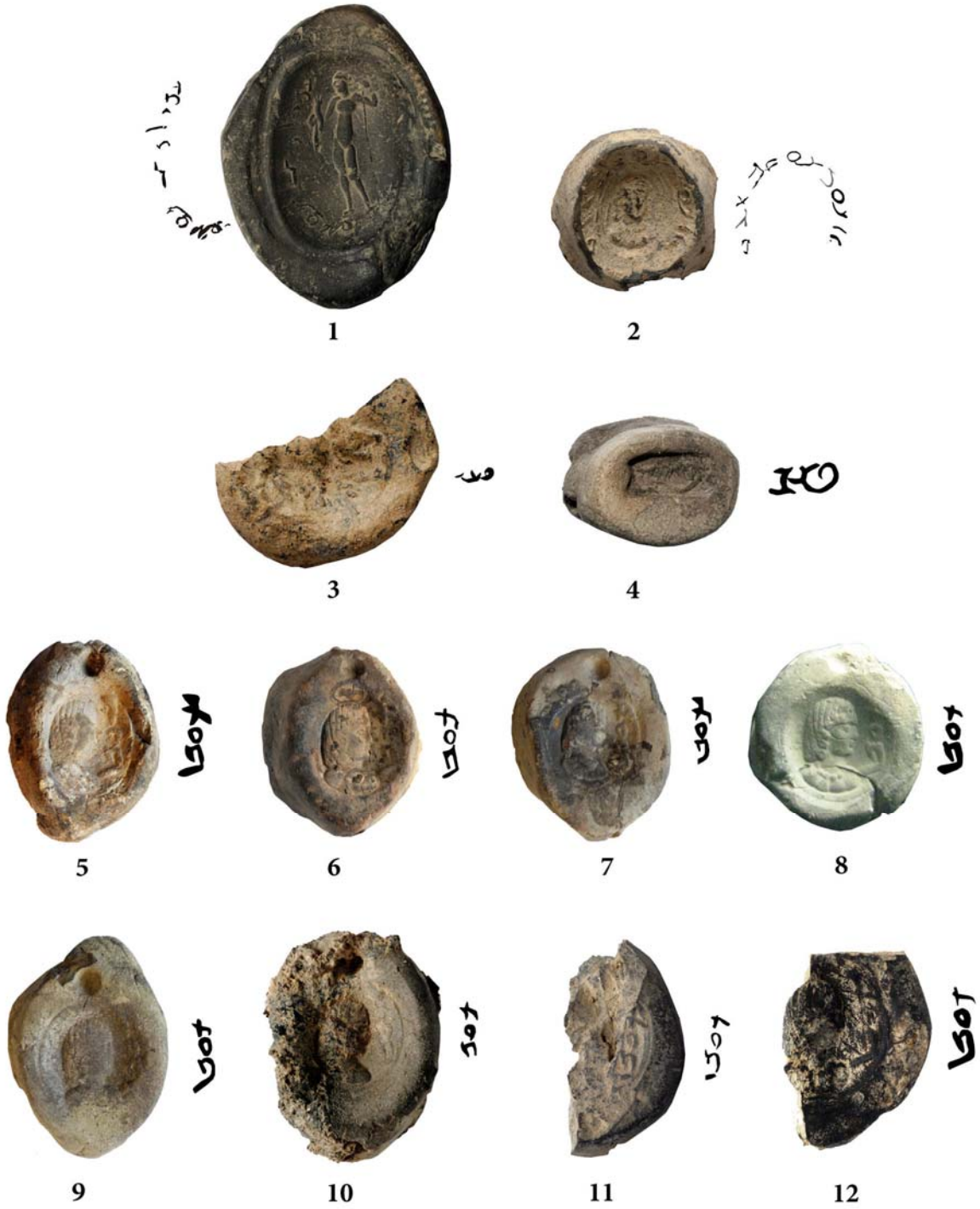

Рис. I.

Рис. II.

Рис. III

Булла № 204. Булла представляет собой отпечаток печати, которая состоит только из надписи (рис. I, 4). К. Черети определил данную надпись как среднеперсидскую (пехлеви), которую он предлагал читать как *d'*, *g'* или *y'* (Cazzoli, Cereti, 2005, p. 159, 162. Fig. 37), но внимательное изучение буллы показывает, что надпись выполнена согдийским курсивным письмом и состоит из трех букв. Данную надпись мы читаем как *pcy* и можно трактовать как существительное со значением «выгода, полезность, польза» (Gharib, 1995, p. 270. No. 6728) или в качестве формы повелительного наклонения/ основы настоящего времени от глагола *pcy'y / pc'y / pcy* "(*to*) be right, (*to*) fit" - «быть правым» (Gharib, 1995, p. 270. No. 6730).

Буллы №115a, 353a, 006b, 099a, 292a, 245a, 046a имеют изображение правителя в профиль вправо[1]. Справа от лица имеется согдийская легенда полукурсивом из трех букв, читаемая нами как *kwy* – "герой, господин, царь" (рис. I, 5-12). Данное слово в форме *k'w* нашло отражение на серебряных монетах Бухары эпохи раннего средневековья (*pwx'r xwβ k'w*) (Смирнова, 1970. С. 57; Исхаков, 2008. С. 104). Как видно, из изображения, мы имеем дело с тремя оттисками одной печати.

Булла №245a представляет собой обломок, на котором сохранилась согдийская полукурсивная надпись из трех букв, читаемая нами как *kwy* – "герой, господин". Данную буллу также можно предположительно отнести к последним, так как в палеографическом отношении для них характерно особое написание начальной буквы *k* «каф», а также наличие характерного росчерка у конечного *y* «йод»а, напоминающего арабский «алеф».

Следует отметить, что надписи на буллах № 245a, 353a были прочтены итальянским исследователем К. Черети как *zrwβ(δ)* – (*')zrw* - "old age" () или *(')zrw'* - Zurwān/Brahma (Cazzoli, Cereti, 2005, p. 156-157. Fig. 26). Однако палеографические особенности надписи не дают возможности подобного чтения. Во-первых, как видно из надписи, она явно состоит из трех букв. Во-вторых, первая буква это «*каф*», с характерным длинным росчерком снизу, в отличие от него буква «*реш*» имеет более короткий росчерк. Специфическое написание буквы «*каф*», характерное для многих полукурсивных согдийских надписей, скорее всего, стало причиной того, что она была воспринята ими в качестве двух букв – «*зайн*» и «*реш*». В-третьих, восстанавливаемая исследователями в качестве буквы «*ламед*» четвертая буква является конечным росчерком буквы «*йод*», так как здесь нет характерного конечного росчерка, имеющегося у буквы *ламед*, и, как известно, эта буква также выделяется среди строки по отношению к другим буквам своей высотой, чего мы не видим (Исхаков, 2008. С. 101, 115. Табл. XV).

Булла №294, хотя и сохранилась не так хорошо, но на ней можно рассмотреть изображение парного портрета правителя и правительницы в фас (рис. II, 1). Особенно хорошо сохранилось изображение правителя с округлым лицом, миндалевидными глазами и длинными волосами, распущенными до плеч и тонкими усами, которые изображен слева. От изображения правительницы, расположенного справа, относительно хорошо сохранились следы трехрогого головного убора. Подобное изображение парного портрета правителя слева и правительницы в трехрогом головном уборе справа заняло место на собственных монетах Западно-Тюркского каганата из Ташкентского оазиса (Чач), древнетюркских монетах Согда. Схожее изображение имеется и на древнетюркских монетах Тохаристана (т.н. «монеты Чаганиана») (Ртвеладзе, 2006. С. 96), которые чеканены с согдийской легендой *prn βγy* – «Благодатный правитель» или *tγw'r'k γwβ* - «Тохарский .... правитель» (т.е. «Правитель … Тохаристана») (Бабаяров, Кубатин, 2009. С. 80-83). По-нашему мнению, парное изображение, как на монетах, так и на булле отражают кагана, являющегося верховным правителем Тюркского каганата и его супругу

[1]Одна из этих булл хранится на выставке в музее «История Узбекистана» (рис. I, 8).

-хатун. Как известно из древнетюркских надписей и китайских хроник, согласно традициям государственности Тюркского каганата, супруга верховного правителя имела титул *хатун* и активно участвовала в управлении государством, занимая во дворце, последующее после кагана, место. Изображение хатун в трехрогом головном уборе непосредственно связано с идеологией той эпохи. Подобные изображения также встречаются на найденных в ряде территорий Центральной Азии (в основном, из Семиречья, Алтая и Монголии) каменных изваяниях и других предметах. Распространение таких и подобных ему предметов в ряде территорий Центральной Азии именно в эпоху Тюркского каганата, указывает на связь этой традиции с идеологической жизнью каганата. Изображение правительницы в трехрогом головном уборе можно связать с богиней Умай, которая в представлениях древних тюрок являлась покровительницей детей, бойцов, беременных и плодородия. Надо отметить, что также в древнетюркских надписях на каменных стелах, являвшихся ярким образцом официальной историографии каганата, хатун сравнивается с Умай (Малов, 1951. С. 38, 68).

Таким образом, данную буллу можно отнести к древнетюркским, которая происходит из Чача или Согда.

Булла №122а, 074а. Данные буллы, хотя сохранились относительно не так хорошо, но их состояние позволяет выявить изображение сидящего на коне всадника идущего вправо, с ниспадающими за плечи длинными волосами (рис. II, 1-2).

Схожее изображение заняло место на трех типах монет Западно-Тюркского каганата из Ташкентского оазиса: 1) изображение сидящего на коне всадника, идущего вправо. Всадник изображен с ниспадающими за плечи длинными волосами. Левая рука поднята в характерном жесте адорации, правой рукой он поддерживает поводья. За спиной правителя изображен полумесяц, более крупный по размер ем на других монетах. Изображение выполнено реалистично. На реверсе в форме ( ) и легенда в две строки под ней … *x'γ'n* – «каган» (рис. III, 3); 2) изображение повторяет предыдущий тип, но в отличие от него, левой рукой держит поводья, а правая рука немного приспущена и держит какой-то предмет, возможно плеть (рис. III, 4). На некоторых вариантах правитель изображен с ниспадающими за плечи длинными волосами, а на других в конусообразным головном уборе. Для первого варианта характерно, что за спиной всадника имеется изображение копья, а для второго—лука. Отсутствует изображение полумесяца. Изображен ю сравнению с вышеупомянутым вариантом более стилизованное. На реверсе в форме и легенда вокруг нее: *pny cpγw x'γ'n* – «Деньга Джабгу-кагана» (рис. III, 4). 3) На аверсе изображение всадн , практически схожее с бражением на предыдущем типе, на реверсе тамга в форме (на самом деле в форме), в окружении зеркальной легенды: *βγy prn x'γ'n* – «Божественный благодатный каган» (рис. III, 5).

Вместе с тем близкое иконографическое сходство с буллой и монетами Западно-Тюркского каганата присуще изображениям всадников на бляшках, относящихся к VII –VIII вв. и найденных также, в основном, на территории Ташкентского оазиса. Таким образом, данную буллу также можно отнести к древнетюркским, а ее происхождение связать с Чачем.

Рассмотреные выше буллы показывают, что они, по своей основной части, происходят не только с территории Согда и Тохаристана, но также из таких владений как Уструшана и Чач. К тому же некоторые из них, исходя из сюжета, можно связать с древнетюркской средой. Заслуживает также внимания и тот факт, что в некоторых буллах нашла отражение идеология того времени. В частности, изображение божества со змеем в руке и имя одного из авестийских демонов сына Ахримана *Кугуне*, занявшего место в надписи рядом с ним, изображение парного портрета с мужским и женским персонажа-

ми, где женский персонаж изображен в трехглавом головном уборе, который связывается с древнетюркской богиней Умай, является ярким свидетельством отражения древнесогдийской и древнетюркской идеологии.

Использованная литература:

Авеста. Избранные гимны / Пер. с авест. и коммент. проф. И.М. Стеблин-Каменского. Пред. проф. В.А. Лившица. – Душанбе: Адиб, 1990.

Авесто. Яшт китоби. / М. Исҳоқов таржимаси. – Тошкент, 2001.

Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв.). Ташенгт, 2007.

Бабаяр Г., Кубатин А. К вопросу монетного чекана Западно-Тюркского Каганата (на основе нумизматических материалов Ташкентского оазиса) // Тюркология, №6. Туркестан-Казахстан, 2005.

Бабаяров Г., Кубатин А. Роль согдийского языка в Западно-Тюркском каганате // Endangered languages and History. Foundation for Endangered Languages in collaboration with the Academy of sciences of Tajikistan. Proceedings of the Thirteenth FEL Conference 24-26 September 2009, Horog, Tajikistan. Editors: H. Nazarov, N. Ostler. Хорог, 2009.

Бердимурадов А.Э., Менги Энрико, Самибаев М.К. Раскопки на Кафир-кале // Археологические исследования в Узбекистане - 2002 г. Ташкент, 2003.

Бердимурадов А.Э., Матбабаев Б.Х., Мантеллини С., Ронделли Б. Археологические раскопки на городище Кафыр-кала // Археологические исследования - 2004-2005 гг. – Ташкент, 2006.

Бердимурадов А. Буллы Кафиркалы—как источник изучения культуры раннесредневекового Согда // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. Материалы Международной конференции. Самарканд, 7-8 сентября 2009 г. Самарканд-Ташкент, 2010.

Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Часть 2. Тбилиси, 1984.

Лившиц В.А. Согдийские документы из замка Чильхуджра // Scripta Grigoriana: Сборник в честь семидесятилетия академика Г.М. Бонград-Левина. М., 2003.

Лившиц В.А. Согдийская эпиграфика Средней Азии и Семиречья. С-Пб., 2008.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.

Пугаченкова Г.А. Мервские геммы-инталии // Труды ЮТАКЭ, XII. Ашхабад, 1963.

Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII вв. н.э.). Ташкент, 2006.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М., 1981.

Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент, 2006.

Babayarov G., Berdimuradov A. The Zoroastrian pantheons in the bullas of Kafir-kala http: // www. groups. yahoo. com/group // Sogdian-L (November, 2011).

Berdimuradov A., Babayarov G., Kubatin A. On the certain readings of seals of Kafir-kala // http: //www. groups. yahoo. com/group/Sogdian-L (November, 2011).

Curiel R., Gyselen R. Monnaies Byzatino-Sasanides à la croix sur degrees // StIr, Tom 13, 1984.

Curiel R., Gyselen R. Une type monétaire Byzantino–Sasanide d'Époque Islamique // StIr, Tom 14, 1985.

Gignoux P., Gyselen R. Bulles et sceaux Sassanides de diverses collections. Paris, 1987.

Gignoux P., Gyselen R. Sceaux Sasanides de diverses collections privées. Leuven, 1982.

Gharib B. Sogdian Dictionary. Sogdian – Persian – English. Tehran, 1995.

Grenet F. Démons iraniens et divinité grecques dans le manichéisme. À propos de quelques passages de textes sogdiens de Turfan // Pensée grecque et sagesse orientale. Hommage à Michel Tardieu. ed. M.-A. Amir-Moezzi, J.-D. Dubois, C. Jullien, F. Jullien. - Turnhout, 2009.

Mantellini S., Berdimuradov A. Archaeological explorations in the Sogdian fortress of Kafir Kala // Ancient Civilizations rom Scythia to Siberia. An Internatioanl Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 11, 1-2.

Gazzoli S., Cereti Carlo G. Sealings from Kafir Kala: Preliminary report // Ancient Civilizations rom Scythia to Siberia. An Internatioanl Journal of Comparative Studies in History and Archaeology. Vol. 11, 1-2.

Livshits Vladimir A. Sogdian Gems and Seals from the Collection of the Oriental Department of the State Hermitage // IRANICA: Herausgegeben von Maria Macuch. Band 17. Exegisti monumenta. Festschrift in Honour of N. Sims-Williams. Edited by W. Sundermann, A. Hintze and F. de Blois. Wiesbaden: Harrassovitz Verlag, 2009.

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ЧИРЧИҚ ВА ОҲАНГАРОН ВОДИЙСИ ҚАДИМГИ ЁЗМА МАНБАЛАРДА

© 2011. О.У. Иномов
Низомий номидаги ТДПУ

Бугунги кунда Тошкент воҳаси номи остида тилга олинган бу ҳудудлар қадимги ва ўрта аср ёзма манбаларида Чирчиқ ва Оҳангарон ҳавзаларида таркиб топган Чоч ва Илоқ тарихий-маданий ўлкалари сифатида маълум. Унинг атрофини ғарбий Тян-Шан этаклари, Чотқол, Қурама, Қорамозор, Баракгинтов тоғ тизмалари ўраб олган бўлиб, улардан айниқса Қурама ва Қорамозор тоғ тизмалари ранг-баранг ва турли-туман табиий маъдан конларига бойдир. Воҳанинг ўраб олган ана шу тоғлар бағрида феруза тош конларининг кўплиги геологик ва археологик тадқиқотларда ўз аксини топган (Беруний, 1963. С. 159; Наследов, 1935. С. 226; Массон, 1953. С. 75-82; Буряков, 1966. С. 10-11; 1974. С. 43, 44, 54, 56, 87, 112; Пругер, 1971. С. 118-126.) Воҳа ферузасининг донғи бутун Шарқ дунёсида қадимдан маълум бўлиб, қимматбаҳо тошларга бой бу ўлка, қадимдан турли ёзма манбаларда "Чоч", яъни "тош", "феруза тош мамлакати", деб бежиз тилга олинмаган.

Воҳада одамлар жуда қадимдан яшаб келадилар. Воҳанинг аждодлар томонидан илк бор ўзлаштирилиши қадимги тош даврига бориб тақалади (Кўлбулоқ, Қизилолмасой, Ғиштсой, Жарсой, Обираҳмат, Оқтош, Палтоу, Хўжакент, Бўзсув ва бошқалар).

Бу ўлкалар Сирдарёнинг ўрта ҳавзасини ташкил этиб, унинг таркибига қадимда ва ўрта асрларда ҳозирги Жанубий Қозоғистон ҳудудлари ҳам кирган ва ягона тарихий-маданий вилоятни ташкил этган.

Ушбу тарихий-маданий ўлка аҳолиси ҳақидаги дастлабки ёзма маълумотлар Эрон Аҳомоний подшоларининг тошларга ёзилган битикларида (Беҳистун, Персополь, Нақши Рустам) учрайди. Бу манбаларда мил. авв. 1 минг йилликнинг ўрталарида Туронзаминда, жумладан Сирдарё (Яксарт) ортида яшаган кўчманчилар тилга олиниб, уларни «саклар» деб атайдилар. Қадимги ёзма манбаларда сак номи остида тилга олинган маҳаллий кўчманчи қабилалар жойлашиш ҳудудларига кўра, уч гуруҳга бўлинган (тиграхауда саклари, Яксарт орти саклари, хаумаварга саклари). Улардан тиграхауда ва Яксарт орти саклари Сирдарёнинг ўрта ва қуйи ҳавзалари даштларида кенг тарқалган бўлиб, уларнинг моддий маданияти археологик адабиётларда яхши қайд қилинган (Литвинский, 1972. С. 150, 156; Вайнберг, 1999. С. 227, 228, 301).

Юнон тарихчиси Геродот "Саклар скифларнинг ўзгинасидир" дейди. Шунингдек, "форслар барча скифларни саклар" деб атайдилар (Геродот, 1972. С. 333) деб ёзади. Тарихий тилшунослик фанининг билимдонлари сак атамаси "қудратли, кучли, чаққон, чапдаст маъносини беради, саклар ҳақиқатда ҳар нарсага қодир мард кишилардир" деб таъриф берадилар (Bailey, 1958. P. 133). Геродот ва унинг изидан борган антик давр муаллифлари хаумаварга саклари амюргий сакла-

рининг ўзгинаси эканлигини таъкидлайдилар (Геродот, 1972. С. 64). Страбон Яксартни (Сирдарёни) сакларни суғдийлардан ажратиб турувчи дарё сифатида тилга олади (Страбон, 1964. С. 478). Птолемей эса саклар билан суғдийлар ўртасидаги чегарани янада аниқроқ белгилаб, «саклар билан суғдийлар ўртасидаги чегара Яксартнинг бурилиш жойидан то унинг юқори оқимига қадар давом этади» – деб ёзади (Ptolemy, 1932). Страбон эллинлардан Бақтрияни тортиб олган варварлар айнан Яксарт бўйларидан борган саклар эди. Улар орасида кўзга кўринганлари осийлар, пасианлар, тоҳарлар ва сакаравалар бўлган, деб ёзади (Страбон, 1964. С. 483).

Птолемей хабаридаги Яксартни "бурилиш" жойи ибораси Сирдарёнинг Фарғона водийсидан Уструшонага, ундан Чочга томон бурилиш нуқтасини кўзда тутган кўринади. Чунки, Сирдарёнинг юқори оқимларининг аҳолиси Фарғона водийси доирасида Чуст маданиятига қадар саклар кенг тарқалган ҳудудлар эди. Аммо, Қорадарёнинг юқори оқимларидаги деҳқончиликка қулай шароитлар унинг тармоқлари бўйлаб қадимги деҳқончилик жамоа хўжаликларини (Чуст маданияти жамоаларини) таркиб топишига олиб келган. Шунинг учун ҳам қадимги Фарғона саклари билан чуст маданияти жамоаларининг антропологик типи бир хилдир. Демак, Чуст маданияти жамоалари водийга қаердандир келиб ўрнашмаган, аксинча, уларнинг келиб чиқиш тарихий илдизлари сакларга бориб тақалади.

Ҳинд эпоси "Махабхарата"да "Ашвамедха"га қурбонлик қилувчи ёввойи қабилалар орасида саклар, тохарлар ва қанқлар бўлиб, улар пешоналарини ҳайвон шоҳлари билан безаб, ашвамедхага қўллари тўла совға келтирувчи одамлар эди, деб ёзилган (Древние авторы о Средней Азии, 1940. С. 134). Қанқлар Сирдарё ўрта ҳавзасида яшовчи қадимги қабилалар бўлиб, Махабхаратада уларни тилга олиниши муҳим аҳамият касб этади. Чунки, улар археологик изланишлар натижаларига кўра, Тошкент воҳасида, антик даврда таркиб топган Қовунчи маданияти қабилалари эди.

Македониялик Искандарнинг ҳарбий юришлари ҳақида ёзган тарихчиларнинг ҳабар беришича, Яксарт ўтроқ деҳқон жамоалари билан кўчманчи саклар ўртасидаги чегара чизиғи ҳисобланган. Яксартнинг ўнг томонида жанговор саклар яшашса, унинг чап томонида эса савдо ва хунармандчиликда моҳир Чоч суғдийлари яшар эдилар. Улар этномаданий ривожланишда ҳам бир-бирларидан фарқ қилиб, Яксартнинг сўл қирғоқ районларида суғдийлар бир неча шаҳарлар қургани ҳақида антик муаллифлари ҳабар беради. Масалан, Александрия Эсхата эдину шаҳар пункти. У дастлаб, мил. аввалги IV аср охирги чорагида Искандар ҳарбий қурувчилари томонидан кўчманчи сакларга қарши ҳарбий истеҳком сифатида қурилган. Сирдарё чап ҳавзасида қад кўтарган Қанқа шаҳар ҳаробасининг кўҳандиз қисмини қазиш жараёнида эллинистик режа асосида қурилган ҳарбий истеҳком қолдиқлари топилган. Кейинчалик, бу қалъа майдони кенгаяди ва мил. авв. III-II асрларга келиб, у йирик шаҳарга айланади (Буряков, 1983. С. 101-113).

Кўчманчи чорвадорлар билан ўтроқ аҳоли ўртасидаги янада чуқурроқ алоқалар ҳақида Авесто текстларида учратиш мумкин. Авестода саклар тур қабилалари сифатида тилга олиниб, улар ўтроқ эроний жамоаларининг ашаддий рақиби қилиб кўрсатилган. Чунки мил. авв. II–минг йилликнинг иккинчи ярмида Евроосиё даштларидан жанубий ўлкаларга оммавий равишда кириб келган чорвадор тур қабилалари Авестода орийлар сифатида талқин этилиб, улар жанубий ўлкаларнинг эронзабон деҳқон жамоалари экин майдонларини пайҳон қилиб, маъдан конларини тортиб олиб, кўп жойларда уларнинг қишлоқларини вайрон қилганлар. Шунинг учун Авестонинг қадимги қатламларида уларни "келгинди", "ашаддий рақиблар"

сифатида таърифласалар, улар устидан орийлар ўз сиёсий-ҳарбий ҳукмронлигини ўрнатгач, энди улар Авестода "аслзода", хўжайин" сифатида тилга олина бошланади.

Авестонинг "Яшт"ида данай турлари ҳақида гап боради. Авестошунос В.И. Абаев мана шу данай (Данай Сирдарёнинг қадимги номларидан бири) турлари яксарт саклари бўлиши керак, деган ғояни олга суради (Абаев, 1956. С. 44-45). Кўпчиллик олимларга маъқул бўлган бу ғоя изидан борган Б.А. Литвинский эса Зардушт билан боғлиқ эпизодларни таҳлил этиб, турларнинг баъзи бир уруғ жамоалари маҳаллий деҳқон жамоаларининг таъсирида бўладилар (Литвинский, 1972. С. 150-156), яъни анъанавий турмуш тарзини ташлаб, зироатчилик қилишга ўтадилар, деган тўғри хулосага келади. Агар биз Авесто матнлари ва унинг қисмларини турли даврларда шаклланганлигини эътироф этадиган бўлсак, Авесто Яштининг илоҳ Анахитага бағишланган жойида Қанғхани, нафақат, Турон сардорларининг дастлабки резиденцияси сифатида тилга олинади, балки муқаддас Қанғхани Турон қабилаларининг қайсидир бир гуруҳини сиёсий ва диний маркази сифатида эслаб ўтилади (Гимн Ардви-суре (Яшт 5 "Ардвисур яшт), Авеста, 1993. С. 36). Демак, Яксарт саклари (турлари) ҳақидаги дастлабки ёзма ҳабарлар илдизи Авестога кўра, сўнгги бронза даврига бориб тақалади.

Авестонинг илк қатламларида учраган Қанғхани локализацияси масаласида С.П. Толстов уни қадимги Хоразм ҳудудлари билан боғлашга уриниб кўрди (Толстов, 1948. С. 145). Аммо, сўнгги йилларда олиб борилган археологик тадқиқотлар муаммо ечимини Чоч ўлкаси фойдасига ҳал этмоқда (Кляшторный, 1951. С. 54-63; 1964. С. 155-179; Буряков, 1982. С. 107-108; Шониёзов, 1990. 5-24 б.; Филанович, 2010. С. 17-24). Бу ҳақда илк бор В.В. Бартольд Авесто Канғхасини Сирдарёнинг ўрта ҳавзасига жойлаштириб (Бартольд, 1971. С. 231) тўғри иш қилган эди. Аслини олганда, Сирдарёнинг ўрта оқимида яшовчи қабилалар ҳақида маълумот берувчи энг қадимги манба "Авесто" ҳисобланади. Унинг Гат ва Яштларида "тур" ёки "данай саклари" деб аталувчи этнонимлар учрайди. Қадимий тиллар бўйича таниқли шарқшунос олим В.И. Абаев "Авесто"да тилга олинган турларни сакларнинг ўзгинасидир, дейди. "Данай турлари"ни эса Сирдарё бўйларида яшовчи саклар туркумига киритади (Абаев, 1956. 44-45 б.).

Авестода қанқа, қанға, қандиз топонимлари ҳам учратилади (Беруний, 1963. С. 274). Аслида, Авестодаги бу топонимлар мил. авв. III-II асрларга тегишли бўлиб, айнан шу асрларда Сирдарёнинг ўрта ҳавзасида Қанқа шаҳри пайдо бўлади (Буряков, 1982. С. 106). Сирдарёнинг ўрта ҳавзасида, унинг шимолидаги туманларда яшовчи саклар антик даврининг тарихчи ва географлари асарларида ўз аксини топган. Масалан, улар ҳақида юнон тарихчи ва географлари Полибий (мил. авв. 204-122 йиллар), Страбон (мил. авв. 64-24 йиллар), Квинт Курций Руф (милодий 1 аср), Плутарх (милодий 45-127 йиллар), Арриан (милодий 95-175 йиллар), Римлик Плиний (милодий 23-79 йиллар) ва бошқалар ҳам ёзганлар. Улардан Плиний саклар ҳақида қуйидагиларни ёзади: "форслар уларни (скифларни-О.И.) ўзларига яқин яшовчи қабиланинг номи билан саклар деб атайдилар (Древние авторы..., 1940. С. 126). Птолемей маълумотларига кўра, Яксарт ўрта оқимларида яшовчи қабила "Катта Яксарт" ёки "Қандар" деб ҳам аталган (Древние авторы..., 1940. С. 125-130).

Қадимги Чоч, яъни ҳозирги Тошкент воҳаси ва Жанубий Қозоғистон даштларида яшаган аҳоли ва унинг давлати қадимги Хитой ёзма манбаларида Кангуй (Кангюй)

деб тилга олинади. Солномаларда қанғуй атамаси ҳақидаги дастлабки маълумот Хитой тарихчиси Сима Цяннинг (мил. авв. 145-86 йилларда яшаган) хотираларида учрайди (Бичурин, 1950. С. 150-151). Сима Цян ўзининг "Тарихий хотиралар" асарида қанғуйларнинг жойлашиш ўрни, урф-одатлари, ҳарбий қудрати, уларга қўшни яшовчи халқлар ҳақида қисқача маълумот беради. Қанғуйлар ҳақида батафсилроқ маълумотлар қадимги Хитой тарихчиси Бан Гунинг "Биринчи Хан сулоласи тарихи" асарида баён этилган. Бу асарда қанғуй (қанғар) ларнинг жойлашган ерлари ва ҳарбий кучларидан ташқари, уларнинг сони, яъни қанча оиладан иборат эканлиги, марказий шаҳри, чорва бойлиги, уларга тобе 5 та ҳокимлик мулкининг номлари (Сусе, Фуму, Юни, Ги, Юеган) ҳамда уларга қўшни халқлар ва давлатлар билан муносабатлари қисқа бўлса ҳам батафсил қилиб берилган (Бичурин, 1950. С. 184-188).

Қанғуй вилоятларига тегишли баъзи бир маълумотларни Хитойнинг VII аср тарихчиси Ли Ян Шоу асаридан (Бейши) олиш мумкин. Бейшида милодий 386-581 йиллар ичида Хитойда юз берган тарихий воқеалар баён этилган. Бу асарда Қанғуйга тобе ҳокимликлар номи бошқачароқ берилган, яъни Тошкент воҳаси-Чжеси, Ши, Самарқанд-Кан, Бухоро-Ань, Китоб-Шы, Кушония-Хэ тарзида тилга олинган. Улар ҳудудларида яшовчи халқларнинг хўжалиги ва маданияти ҳақида қимматли маълумотлар мавжуд (Бичурин, 1950. С. 264, 271-275). Қанғуй халқи ва Қанғуй вилоятлари ҳақидаги маълумотлар Суй сулоласининг (581-618 йиллар) тарихи (Суйшуда), (Бичурин, 1950. С. 280-287) ҳамда Тан сулоласининг (618-907 йиллар) тарихи Тханьшуда (Бичурин, 1950. С. 310-316) ҳам учрайди. Бироқ, бу икки сулола тарихчилари Қанғуй ҳақидаги маълумотларни Бейшидан сўзма-сўз кўчириб олиш билан чегараланган. Бироқ, бу асарларда фақат Қанғуйга тобе вилоятлар ва уларнинг марказий шаҳарларининг кейинги даврлардаги номлари маълум қилинади. Шунингдек, бу маълумотлар Қанғуйга қарашли қадимги вилоятларнинг қаерда жойлашганликларини аниқлаш борасида аҳамиятлидир. Масалан, Тханьшуда Ги ёки Ансининг кейинги номи Бухо ёки Бухэ деб берилган. Демак, уни Бухоро шаҳри билан локализациялаш мумкин. Яна, Ши (Тошкент ва Тошкент воҳаси) Чжеши тарзида, Хэ эса Гуйшуан эканлиги такидланади.

Абулқосим Фирдавсийнинг "Шоҳнома" асарида Қанқа (Қанға) Туроннинг марказий шаҳри сифатида бир неча бор тилга олинади (Фирдавсий, 1960. С. 153-179, 200-203). Ўрта асрларга оид баъзи манбаларда бизни қизиқтирган канки этносининг турлича талаффуз этилган номлари учрайди. Масалан, Кенгерес (Малов, 1951. С. 41), Қанғар (Багрянородный, 1934. С. 17), Хангакиши (Ал-Идриси, 1939. С. 222), Қанғли (Тарихи гузида Нусратнома, 1967. С. 79), Қанғалу (Щербак, 1959. С. 53-95) ва бошқалар.

Милодий V-VI асрларга оид манбаларда Кавказортида "кангарах", "кангар" этнонимлари, "Қанғар ери" топоними учрайди (Кляшторный, 1964. С. 175-176). Албатта, бу номлар қанғар халқи билан боғлик номлардир. Қанғарларнинг бир уруғи хунлар таъқиби туфайли милодий III-IV асрларда Кавказортига кўчиб бориб, Севан кўлининг шимолида, Албания билан Иберия чегараларида қўним топганлар ва шу боис, у жойларда "Қанғар ери" топоними пайдо бўлишига олиб келган (Кляшторный, 1964. С. 175).

Араб географи Ибн Хордадбеҳ Сирдарёнинг номларидан бири сифатида "Қанғардарё"ни эслаб ўтади. Сирдарёнинг ўрта оқими ўрта асрларда (VIII-IX асрларда), ундан ҳам анча олдин қанғар этноними билан аталган. Этнонимлар

ўзидан дарё ва вилоят номларини қолдирган. Ҳатто, этносларнинг кичик гуруҳлари ҳам жойларда ўз номларини қолдириб, янги этнотопонимларнинг пайдо бўлишига сабабчи бўлганлар. Масалан, Ал-Идрисий (XII аср) Орол денгизи яқинида, унинг шимолий ва шимоли– шарқида жойлашган қабилалардан бирини Хангакиши, яъни Қанғ кишилари деб ўз асарида тилга олади.

Таниқли туркшунос С.Г. Кляшторний талқинига кўра, қадимги турклар тоҳар тилидан "ар" этноним суффиксини қабул қилиб, унинг маъносини ўз тилларида "киши" сифатида берганлар. Демак, илк ўрта асрларда мавжуд бўлган қанғ-ар-ас (қанғ-ар-аш) этноси кейинги асрларда ҳам ўз номини сақлаб қолган.

Демак, бу сўзларнинг туб маъноси "қанғ кишилари", яъни Қанғ дарёси ёқаларида, соҳилларида, ҳавзаларида яшовчи халқ маъносини англатган. VII аср Хитой манбаларида "қан-хэ-ли" этноними учрайди. Мазкур этнонимни хитойча транскрипцияси "қанғарлик" деб ўқилади. Хитой ёзма манбаларида келтирилган бу ном қанғли этносининг энг қадимий вариантларидан бири бўлган дейишга асослар бор (Зуев, 1960. С. 127).

Қанғ сўзининг келиб чиқиши бўйича, унинг асоси туркий ёки эроний эканлиги ҳақида турлича қарашлар мавжуд. Масалан, Е. Пуллейблэнк Хитой ёзма манбаларида учрайдиган "қанға" топоними тоҳар тилидаги "тош" сўзидан олинган, "қанға" тили ҳам тоҳар тилининг бир тури бўлган" - деб ёзади. Б.А. Литвинский эса Пуллейбланк фикрини келтириб, қанғ этноними эрон-хотан тилидаги "қанда" сўзидан олинган. "Қанда"сўзи эса "чарм кийимли кишилар" маъносини англатади, деган хулосага келади (Литвинский, 1967. С. 35). Роулинсон "қанғ" сўзини паҳлавийча ҳисоблаб, у "осмон" сўзини англатади, дейди (Reinaud, 1848. P. 21). В.Томашек ҳам "қанғ" сўзини Роулинсон изидан бориб, қадимги эронча, деб ҳисоблайди. Аммо у "қанғ" сўзини кўчманчилар ўз тилларига ўзлаштириб олишиб, кейинчалик у уйғурларнинг "қанғ", "қанғаш", "қанғра" сўзига айланиб кетган, деб тушунтирмоқчи бўлади (Thomaschek, 1877. P. 125-136). Роулинсон ва Томашеклар ҳамда Б.А. Литвинский "қанғ" сўзини қадимги эроний сўз сифатида талқин этишади.

Француз шарқшуноси Э. Шаванн эса хитойча Ши, Ши-го атамаси луғавий жиҳатдан қадимги туркча "тош", "тош мамлакати" маъносини англатишига эътибор бериб (Chavannes, 1903. P. 140-141), бу сўз қадимги хитой ёзма манбаларида учрайдиган иероглиф "Ши" "тош" маъносини беришини ёзади (Aalto, 1977. P. 194). Хитой манбаларида Тошкент воҳасига нисбатан қўлланилган "Ши" атамасини туркийча "тош"сўзи билан боғлаш мантиқан тўғри эканлигини Европалик хитойшунослар А. Аальто, К.Е. Босворт, К. Пужоль, М. Компареттилар ҳам қўллаб-қувватлаб чиқадилар.

Демак, бир қатор лингвистика тадқиқотчиларининг Э. Шаванн (Chavannes, 1903. P. 140), А. Аальто (Aalto, 1977. P. 193-198), К.Е. Босворт (Bosworth, 1990. P. 604-605), К. Пужал (Poujol C. Tashkent) фикрича, мил. авв. III асрда марказий ҳудуди Тошкент воҳаси бўлган "Қанғ давлати" иборасидаги "қанғ" сўзини асосида "тош" сўзи ётиши ўз даврида исботланган (Бобоёров, 2010. 14 б.). Фин тадқиқотчиси Пентти Аальто Чоч сўзини Енисей туркларининг "тош" маъносини англатувчи Чоч сўзидан олинган, дейди.

Кейинги йилларда "Чоч" сўзининг "тош" маъносини англатиши ҳақидаги Енисей версияси В.П. Яйленко ва Ш. Камолиддин ишларида мухтасар илмий асосда ўз аксини топди ва ривожлантирилди. Дарҳақиқат, агар биз Жанубий Сибир-Енисей-

Жанубий-Шарқий Урал орти районларида кенг тарқалган бронза даврининг Андронова маданияти қабилаларининг жанубга миграциясини, шунингдек, Андронова маданияти қабилалари, аввалги қарашларга зидли ўлароқ, туркий тилли уруғ-жамоалари эканликларини ҳисобга оладиган бўлсак, у ҳолда нафақат Сирдарёнинг ўрта оқими районларида, балки Ўрта Осиёнинг деярли барча вилоятларида милоддан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи ярмида туркий этноснинг мавжудлигига шубҳа қолмайди (Аскаров, 2005. С. 81-91).

Афсуски, яқингача Қанғ давлатининг асоси ва марказий ўзаги бўлган Тошкент воҳаси маҳаллий тилда "Чоч" деб аталгани ҳақида аниқ маълумотлар борлигига ишонилмай келинди. Аслида "қанғ" атамаси қадимги туркча "чоч" сўзининг хитойча таржимаси бўлиб, собиқ совет даври тарихшунослигида "чоч" атамасининг келиб чиқиш илдизларини қадимги эроний тиллар гуруҳи билан боғлаш анъанага айланган эди.

Маркази Чоч воҳаси бўлган мазкур давлат тез орада шимолий-шарқда Еттисувгача, ғарбда қадимги Хоразмгача, жанубда эса Зарафшон водийсигача бўлган ҳудудларни ўз ичига олган йирик давлатга айланди. Таъкидлаш жоизки, ўз даврида Македониялик Искандар ҳам, унинг издошлари Салавкийлар ва Юнон-Бақтрия давлати ҳам Сирдарёни кечиб ўтиб, Чоч ҳудудига кириб боришга журъат қила олмаганлар. Милоддан аввалги III асрдан то милодий III асргача кучли бир давлат сифатида Қанғ давлати минтақа халқлари ҳаётида алоҳида ўрин тутди. Қанғ давлати ўзбек халқининг этник шаклланишида муҳим бир босқич сифатида ҳам алоҳида аҳамият касб этди.

Қанғ давлати доирасида ўзига хос ёзув маданияти бўлганлигидан далолат берувчи ашёлар ҳам борки, улар милодий III-IV асрларга тегишли тангаларда ўз аксини топган. Яқинда Арис дарёси яқинида Култоба ёдгорлигида милодий III–IV асрларга оид лойдан ясалган ёзувли лавҳа топилди. Унда суғдий ёзувда чочликларнинг кўчманчиларга қарши ҳарбий гарнизон сифатида шаҳар барпо қилганлиги ҳақида хабар берилади. Ушбу лавҳа шаҳар дарвозасининг пештоқига ёзилган бўлиб, унда "Чоч халқи", Чоч жамияти" каби тушунчалар учрайди (Sims-Williams, 2006. P. 95-111). Ҳудди шу асрларга тегишли кумуш идишлар сиртида ва мис тангаларда "чачан напч" (Чоч халқи, Чоч жамияти) сўзлари кўп учрайди. Демак, милодий эра бошларидан маълум бир ҳудуд доирасида яшовчи қабилаларда жипслашиш, уюшиш бўлганки, уларда ўзларини чочликлар деб аташ анъанаси шаклланган.

Чоч сўзи қадимги туркий тилли аждодларимиз тилида "феруза тоши" деган маънони англатган. Шунинг учун ҳам илк ўрта асрлар даври туркий ёзма ёдгорликларда "Чоч" қиммат баҳо феруза тоши маъносида учрайди (Бобоёров, 2010. 6 б.). Дарҳақиқат, археологик изланишлардан ҳам маълумки, Тошкент воҳаси атрофидаги тоғларда феруза конлари жуда кўп. Улар Унғурликон, Оқтупроқ, Тўғопа, Гулдуран, Қалмақир, Қизилтош, Ферузакон ва бошқалар бўлиб, бу конлар археологик ва геологик тадқиқотларда ўз аксини топган (Беруний, 1963. С. 159; Наследов, 1935. С. 226; Массон, 1953. С. 75-82; Буряков, 1966. С. 10-11; 1974. С. 43, 44, 54, 56, 87,112; Пругер,1971. С. 118-126). Геологик ва археологик тадқиқотлар натижаларига кўра, қадимда ва ўрта асрларда биргина Унгурликондан қазиб олинган феруза хомашёсининг миқдори 250 минг кубометрни ташкил этган (Буряков, 1974. С. 112). Бу рақамлар Чоч ферузасига бўлган талабни ўша даврлар Чоч давлати иқтисодиётида қанчалар аҳамиятли бўлганлигини тушуниб етишга

ёрдам беради. Чунки, Беруний берган хабарда ўша давр заргарининг сўзлари келтирилган: “Мен Илоқ ферузасини кўрдим, у 200 дирҳам келар эди, мен уни қимматини ўша вақтда 50 динорга баҳоладим, лекин ҳозир унинг баҳоси 200 динор, чунки Илоқ феруза кони заҳираси тугади ва энди у ишламайди” (Беруний, 1963. С. 159).

Бутун Шарқда ўзининг феруза конлари билан донғи кетган Чоч тоғлари Хитой ёзма манбаларида мил. авв. II асрдан маълум (Chavannes, 1903. P. 140). Ўша кезларда Чоч тоғлари доирасидаги воҳа ва унинг бош шаҳрини «Чоч», яъни Феруза, феруза тошларига бой мамлакат, деб аталган. Хитой ёзма манбалари иероглифларида эса Юни, сўнг Чжеши, ниҳоят V асрга келиб Ши, Ши-го яъни Тош, Тош мамлакати тариқасида тилга олинган.

Чоч воҳасида илк ўрта асрларга оид кўплаб танга пуллар топилган. Улар айнан Тошкент воҳаси шаҳарларида зарб этилган бўлиб, бугунги кунда уларнинг 50 га яқин типлари аниқланган (Бобоёров, 2010. 7 б.). Ушбу тангаларда суғдий ёзувда “Чоч ҳукмдори тегин (шаҳзода)”, “Чоч ҳукмдори тудун (ноиб)” каби унвонлар ёзилган (Бобоёров, 2010. 7 б.). Бу эса илк ўрта асрларда Чоч воҳаси ва унинг туман ва шаҳарларини туркий сулолалар бошқарганлигидан далолат беради. Айниқса, Чоч воҳасидан топилаётган бу нумизматик материаллар шу пайтгача “Турк хоқонлиги ўз танга-пул тизимига эга бўлмаган”, деган фикрларнинг асоссиз эканлигини яна бир бор тасдиқлайди (Бобоёров, 2010. 8 б.). Чоч тангаларининг катта бир қисмида “жабғу”, “жабғу-хоқон” ва “хоқон” унвонларининг учраши ва уларда ёнма-ён турган ҳукмдор-хоқон ва малика–хотун тасвирларининг акс этганлиги фикримизни тасдиқлайди (Бобоёров, 2010. 8 б.).

Бироқ, хорижлик олимларидан Й. Маркварт (Marquart, 1901. P. 154-155), К. Широтари, Б.А. Литвинский (Литвинский, 1960; 1968; 1972), Ўзбекистон олимларидан М.И. Филанович (Филанович, 1983. С. 33, 198), Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе, 1982. С. 31-39) лар ҳанузгача “Чоч” атамасини суғдийча ҳисоблаб, унинг тарихий илдизлари эроний тиллар оиласига тегишли деб ҳисоблайдилар. Уларга эргашган А.Р. Муҳаммаджонов (Муҳаммаджонов, 2002. 29, 54 б.) ва Ш. Камоллиддинлар (Камолиддин, 2007. С. 45-51) Чоч атамаси суғдий тилда тош ёки тоғ маъноларини англатади, деган янглиш тасаввурдалар.

Чоч атамасини эроний тил туркумига киритувчи тасаввурларга зидли ўлароқ, Ғарб тарихий-лингивистик адабиётида Чоч номининг прототуркча “тош” маъносини англатиши ҳақида атоқли немис туркологи В. Банг ҳам ёзган. Унинг фикрича «чоч» атамаси қадимги туркий «cas» дан “tas” бўлиб шаклланган. Унинг ривожланиш излари чуваш туркчасида кузатилади. Туркий тиллар оиласидаги чувашчада “чоч” (тош) дастлаб “чул (чол) бўлиб, ушбу сўз шаклий ўзгаришларга учраб, қуйидаги босқичларни босиб ўтган: t sul(чўл)-cas(чаш)-tas(таш), (Bang, 1977. P. 194). Ниҳоят бошқа туркий тиллардаги “tas” (тош) кўринишини олган.

Туркшунос Ғ. Бобоёровнинг ёзишича, ҳозирги туркий тиллардаги “таш” (тош) сўзининг қадимги прототуркчаси дастлаб “чалч” шаклида бўлган ва у ўз навбатида унинг Олтой тилларига хос “чулу”, “чул” сўзлари билан ўзаги бирдир. Кейинчалик эса “чалч” сўзи асосида “тош” маъносини билдирувчи “чал” ва “чач(чаш) шакллари вужудга келган. Сўнгра “чач(чаш) сўзидан “таш(тош) сўзи шаклланиб, бу шакл туркий тилларнинг аксариятида ўрин олган. Аммо, унинг чуваш туркчасида қадимги шакл ўзгармай қолган (Бобоёров, 2010. 12 б.).

Таъкидлаш жоизки, Енисей турклари-хакасларда ва Олтой туркларида тошнинг прототуркча “tas” варианти ҳозиргача сақланиб колган. Масалан, Байкал кўлинининг жанубий соҳилига яқин кўл ичида митти тош оролча бор. Бу митти оролчани Сибирнинг туркий халқлари “муқаддас тас” атаб, унга ҳозиргача сиғинадилар.

Академик Ю.Ф. Буряков ҳам ўзининг археологик тадқиқотларида Тошкент воҳасининг Чоч номини шаклланишида Қурама ва Қорамозор тоғларини қадимги феруза конлари катта рол ўйнаганини тўғри таъкидлайди.

Ушбу маълумот Н.Я. Бичурин таржималарида “марварид тош” шаклда учрасада, аслида, гап “феруза” тоши устида борар эди (Буряков, 2007. С. 8-9).

Шундай қилиб, баъзи бир тадқиқотчилар айтганидек, Тошкент (Чоч) нинг луғавий маъноси “Тош қалъа эмас, балки қиммат баҳо тош, яъни феруза тоши маъноси ётиши айтилган эди (Алимова, Филанович, 2007. 18, 101 б.). Шу ўринда Ю.Ф. Буряков фикрларининг диққатга сазовор томони шуки, воҳада феруза тоши қазиб олиниши натижасида, тоғ-кон хўжалигининг тараққиёти айнан Қовунчи маданияти (мил. авв. III-II—милодий IV-V асрлар) нинг ривожланиши даврига тўғри келади. Бу эса ўлка ва давлат номи сифатида қадимги туркча Чоч-Tas сўзини шаклланишига олиб келган, деб тахмин қилишга асос бўлган (Буряков, 2007. С. 63). Демак, мазкур маълумотлардан аён бўладики, Чоч қадимда ўзига қўшни вилоятлардан фарқли ўлароқ, қиммат баҳо тош-ферузаси билан машҳур бўлган ва шу асосда воҳа номи шаклланган (Бобоёров, 2010. 13 б.). Шунингдек, хитойликлар воҳа номини (милодий V асрдан бошлаб) ўз тилларига таржима қилиб, Чжеши ва Ши деб атаганларида, унинг маҳаллий номи “қиммат баҳо тош”, яъни феруза тоши маъносини беришини билишган.

Энди, Чочни хитойча «Тўнғич Хан сулоласи тарихи»да (мил. авв. 206-милодий 25 йиллар) Юйни ёки Юни деб аталишига келсак, хитойшунос Н.В. Кюнер қадимги хитой тилида Юй-нефрит, яшма, Ни эса шаҳар, қўрғон маъносини беради (Кюнер, 1961. С. 121). Таниқли элшунос К. Шониёзов Н.В. Кюнер изидан бориб, Юйни (Юни) – Тош шаҳар, «тош конли шаҳар ёки вилоят” деган хулосага келган (Шониёзов, 1990. 43-44 б.). Хитойшунос А. Хўжаев эса “Юни сўзининг қадимги ўқилиши асосида маҳаллий Қанғ атамаси ётади. Ушбу атаманинг, яъни Юни ни бош ҳарфи “Ю” қадимги хитойчада Кеанг (Keang), иккинчи қисми “Ни” эса “ниек» (niek) шаклида ўқилган бўлиб, уни Кеангниек тарзида тиклаш мумкин, дейди. Шундай қилиб, Юни-Кеангниек Қанғ номининг қадимги Хитой иероглифида берилишидир” (Ходжаев, 2009. С. 63-65). Демак, Қанғ (хитойча Кангюй) сўзининг асосида ҳам “тош” сўзи ётади. Маскур атама қадимги тохар тилидаги kank сўзидан ташкил топган бўлиб, унинг асосида ҳам тош маъносини билдиради (Aalto, 1977. P. 195).

Воҳанинг “Чоч” номи Сосонийлар ҳукмдори шоҳаншоҳ Шопур 1 (милодий 262 й.) ғалабаларига бағишланган “Каъбаи Зардушт” битикларида “Куҳ-и Чоч” (Чоч тоғлари), милодий III-IV аср Қанғ ҳукмдорлари зарб эттирган тангаларда, айнан шу асрлар кумуш идишларнинг сиртига ёзилган суғдий ёзувда “Чоч жамоаси”, “Чоч халқи” ибораларини учраши, илк ўрта асрлар топонимида ҳамда Панж ихшиди (подшоси) Деваштичнинг Чоч ҳукмдорига юборган А-14 рақамли хатида “Чоч” сўзини учраши, милодий VII аср ўрталарига тегишли Самарқанд ихшиди Вархуман саройи Афрасиёб деворий суратларида “Чоч элчиси сўз очди” иборасини учраши, Қанқадан топилган сопол парчасида қадимги туркий руний ёзувда “tas”(Чоч)

сўзини учраши ва ҳоказалар Тошкент воҳаси ва унинг бош шаҳрига нисбатан туркийча "Чоч" (тош) атамаси жуда қадимдан ишлатиб келинганлигидан гувоҳлик беради.

Хуллас, Чоч топониминиг этимологик жиҳатдан прототуркча "cas", "tas"(тош, қимматбаҳо тош, феруза тоши) маъносини англатиши Тошкент воҳасининг этник тарихи билан боғлик бир қатор масалаларни қайта қўриб чиқишни тақозо қилади. Хусусан, ушбу атама қадимги ёзма манбаларда милодий II-III асрлардан бошлаб воҳанинг бош номи сифатида учрай бошлаши, мазкур тарихий-маданий вилоятда айнан ўша даврларда прототурк элементларининг мавжуд бўлганлигидан дарак беради (Бобоёров, 2010. 19-20 б.). Бу табиий ҳол эди.

Демак, Чоч Енисей туркларининг тилида "tas", қадимги хитой иероглифларида эса Юни, Чжеши, Ши бўлиб, уларнинг барчаси тош, феруза тоши маъносини англатади. Милодий XI асрдан Беруний ва Маҳмуд Қошғарий асарларида Чоч-Тошкент, Тош шаҳри, яъни, Тошкент деб аталиб келинади.

Фойдаланилган адабиётлар:

Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // «Археологические открытия», часть XXIV, 1956, №1.

Ал-Идриси «Китаб-роджер». Перевод С.В. Волина. МИТТ. Том 1. М-Л., 1939.

Алимова Д.А., Филанович М.И. Тошкент тарихи. Тошкент, 2007.

Аскаров А.А. Арийская проблема: новые подходы и взгляды // История Узбекистана в археологических и письменных источниках. Ташкент, 2005.

Бартольд В.В. Иран, исторический обзор. Соч., том VII. М., 1971.

Беруний А.Р. Индия. Избранные произведения. Том II. Ташкент, 1963.

Беруний А.Р. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). Перевод А.М. Беленицкого. Л., 1963.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. В трёх томах. Том II. М.-Л., 1950.

Бобоёров Ғ. Чоч тарихидан лавҳалар. Тошкент, 2010.

Буряков Ю.Ф. Генезис и этапы развития городской культуры Ташкентского оазиса. Ташкент, 1982.

Буряков Ю.Ф. Горное дело и металлургия средневекового Илака. М., 1974.

Буряков Ю.Ф. Из прошлого Чаткало-Кураминского промышленного района. (К истории горного дела и металлургии средневекового Илака) // Автореф. дисс. канд.ист.наук. Ташкент, 1966.

Буряков Ю.Ф. Согд и Чач. Взаимодействие и взаимовлияние двух культур древнего Самарканда. "Самарқанд шаҳрининг 2750 йиллик юбилейига бағишланган халқаро илмий симпозиум материаллари". Тошкент-Самарқанд, 2007.

Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Геродот. История в девяти книгах, кн.VII. Л., 1972.

Гимн Ардви-суре (Яшт 5 "Ардвисур яшт»). Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата. Перевод И. Стеблин-Каменского. М., 1993.

Древние авторы о Средней Азии (VI до н.э. – III в. н.э.). Ташкент, 1940.

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств. Труды ИИАЭАН Каз. ССР, т. 8, 1960.

Камолиддин Ш.К. Этимологии название Чач (Шаш). Материалы научной конференции "Чач-Бинкет- Ташкент (историческое прошлое и современность)". Ташкент, 2007.

Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники, как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

Кляшторный С.Г. Кангюйская этнотопонимика в орхонских текстах. СЭ, №3. М., 1951.

Багрянородный К. Об управлении государством. «Известия Государственный академии Истории материальной культуры». М-Л., 1934.

Кюнер *Н.В.* Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

Литвинский Б.А. Джунский могильник и некоторые аспекты конгюйской проблемы. СА №2, 1967.

Литвинский Б.А. Древние кочевники. "Крыша мира". М., 1972.

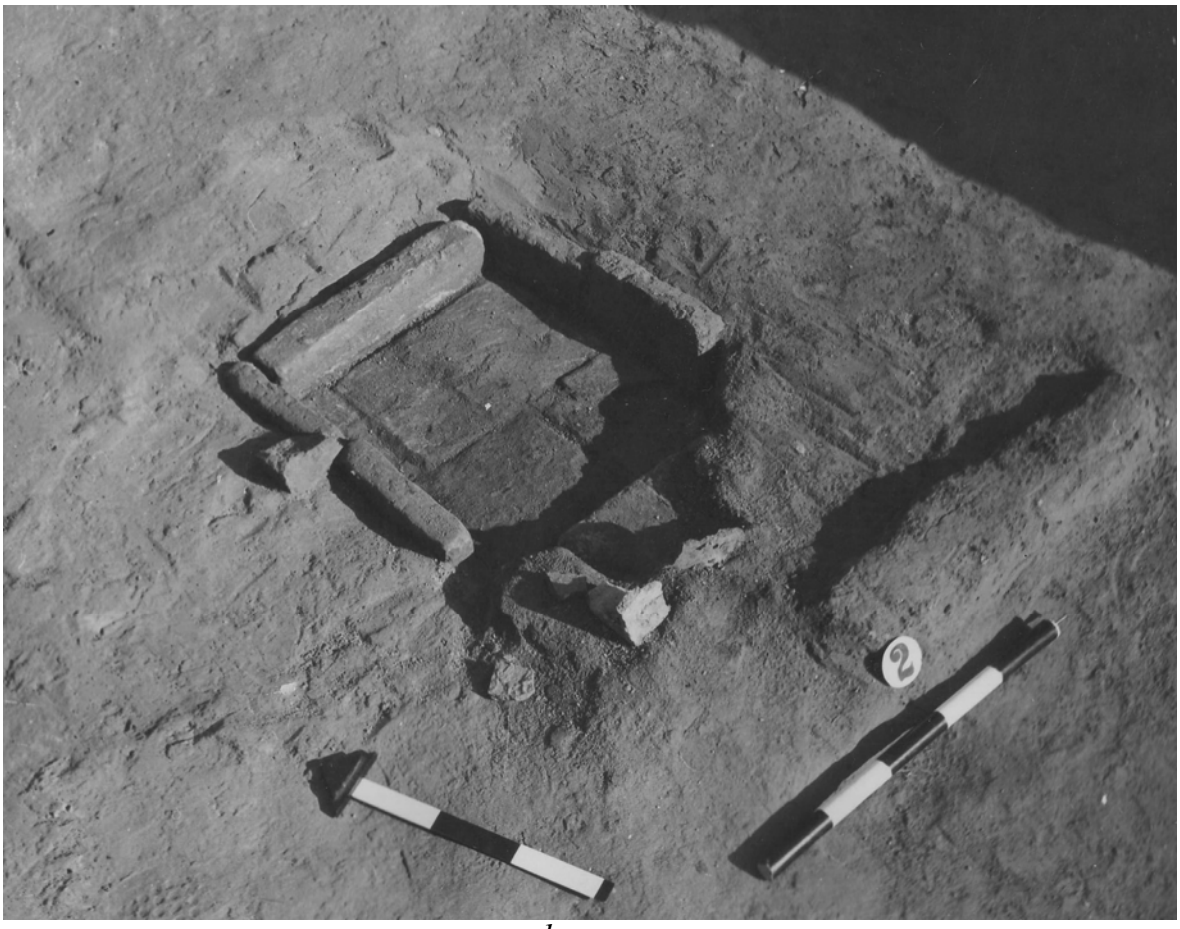
Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
Литвинский Б.А. Саки, которые за Согдом. Тр. АН Тадж. ССР, том СХХ, Душанбе, 1960.
Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М-Л., 1951.
Массон М.Е. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953.
Муҳаммаджонов А.Р. Қадимги Тошкент. Тошкент, 2002.
Наследов Б.Н. Карамазар. Л., 1935.
Пругер Е.Б. Бирюза Илака и Илакский рудник бирюзы. СА, 1971, № 1.
Ртвеладзе Э.В. Нумизматические материалы к истории раннесредневекового Чача // ОНУ, №8, 1982.
Ртвеладзе Э.В. История и нумизматика Чача (вторая половина III—середина VIII вв. н.э.). Ташкент, 2006.
Страбон. География в 17 книгах. Кн. XI. VIII. 8. М., 1964.
Тарих-и гузида Нусратнома. Ташкент, 1967.
Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948.
Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л., 1948.
Филанович М.И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент, 2010.
Филанович М.И. Ташкент: Зарождение и развитие города и городской культуры. Ташкент, 1983.
Фирдавсий “Шоҳнома”. И.В. Бону Лохутий таржимаси. Том II. М., 1960.
Ходжаев А. Сведения о Ташкенте в китайских источниках древнего периода. I. Сведения «Шицзи» (Исторические записки) // «Ozbekistan tarixi”. №3. Ташкент, 2009.
Шониёзов К.Ш. Қанғ давлати ва қанғлилар. Тошкент, 1990.
Щербак А.М. Огузнома. М., 1959.
Aalto P. The name of Tashkent. CAJ. Vol. XXI, Wiesbaden, 1977.
Bailey H.W. Languages of the Saka. «Handbuch der Orientalistik, Linguistik. Keiden, 1958.
Bang. W., Aalto P. The name of Tashkent. CAJ, Vol. XXI, Wiesbaden, 1977.
Bosworth C.E. Chach. “Encyclopaedia Iranika. Vol. IV, London, New York, 1990.
Chavannes. E. Documents sur les Tou-Kiue(turks) occidentaux. Сборник трудов Орхонской экспедиции, вып. 6. СПб., 1903.
Marquart J. Eranshahr nach der Geographic des Ps. Moses Xorenaci. Berlin, 1901.
Poujol C. Tashkent. “Enciclopedie de l'Islam. T. X.
Ptolemy. Geography of Claudius Ptolemej. New York. VI, 12, 1, 1932.
Reinaud M. Geographie d,Abul fed. t. I, Paris,1848, П. CCXXIII.
Sims-Williams N., Grenet F. The Sogdian inscriptions of Kultobe. “Shygys, 2006.
Thomaschek W. Centralasiatische Studien. Sogdiana, SBAM, (Bdnd. LXXXVII), Wien, 1877.

САМАРҚАНДНИНГ ЎРТА АСР БЕЗАКЛИ СОПОЛ ЎЧОҚЛАРИ ВА УЛАРНИНГ ТУРАР ЖОЙЛАРДАГИ ЎРНИ

© 2012. М.М. Саидов
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институти

Самарқанднинг қадимги ўрни Афросиёб ва унинг атрофидан IX –XII асрларга оид безакли сопол ўчоқлар ва уларнинг парчалари кўплаб топилган. Улар хақида илмий мақолалар ва ҳисоботларда етарлича маьлумотлар мавжуд. Айниқса, 1972 йилда нашр қилинган Г.А. Пугаченкова ва Л.И. Ремпелларнинг мақоласида бундай ўчоқларга ҳар томонлама изоҳ берилган. Кейинги йилларда ҳам бундай ўчоқлар кўплаб топилди. Жумладан, 1978-1979 йилларда Афросиёбнинг шимолий қисмида, иккинчи мудофаа деворининг ичида жойлашган №47 қазишмада А.А. Анарбаев раҳбарлигида олиб борилган тадқиқотлар жараёнида XI-XII асрларга оид турар жой қолдиқлари қазиб ўрганилади[1]. Ушбу турар жой икки комлексдан иборат бўлиб, 1-чиси хом ғиштдан қурилган қалин деворли; 2 чи қисми ярим синч услубда хом ва пишиқ ғиштлардан тагланган юпқа деворли. Биринчи комплексга пандуссимон йўлак орқали коридорга кирилган. Унинг икки томонида хар бирида 3 та хонадан иборат иккита блок жойлашган. Шулардан коридор вазифасини бажарган хона (4 хона)дан ташқари қолган олтита хонада ўчоқлар қайд қилинган. Хусусан, коридорнинг шимолий томонидаги 1 ва 3 хонада девор ичида жойлашган безакли ўчоқлар мавжуд бўлса, 2 хона марказида, яьни шимолий ғарбий эшик рўпарасида эса пишиқ ғиштдан қилинган ўчоқ жойлашган. Ўчоқ қути шаклида 0,50х0,65 см.да бўлиб, ён ва ост томони бир қатор пишиқ ғишт билан терилган (расм 1). Ўчоқ ичида кул ва куйган -кўмир қолдиқлари аниқланган бўлиб, бу нарса ўчоқ кейинчалик Ўрта Осиёда кенг тарқалган сандал вазифасини бажарган - деган тахминни илгари суриш имконини беради. Коридорнинг жанубида жойлашган 5, 6, 7 хоналарда ўчоқлар деворлар ёнида қурилган бўлиб, уларнинг фақат қолдиқлари ва контурлари сақланган, холос.

1- ва 3-хоналардан топилган ўчоқлар бошқаларига нисбатан яхши сақланган бўлиб, ўзига хос конструкцияга эга. Хусусан, улар хона деворлари ичида пол сатҳида арксимон “токча” (ниша) кўринишда жойлаштирилиб, мўриси девор ичидан ўтган. 1-хонада токчанинг баландлиги 0,70 м, эни эса 0,42 м бўлиб, девор ичига 0,20 м кирган (расм 2). Унинг ичига тақасимон кўринишдаги кўчма сопол ўчоқ жойлаштирилган. Ўчоқнинг олд қисмида атрофи хом ғишт билан ўраб олинган 6 смли чуқурликдаги майдонча мавжуд бўлиб, унинг ўлчами 34х37 см.ни ташкил этади. Унинг ва сопол таглик ичида кул ва куйган кўмир қолдиқлари сақланган. Бундай майдонча этнографик манбаларда «таштак» номи билан юритилиб, ўчоқ ичидаги кул тўпланган (Писарчик, 1982. С. 78). Кўчма сопол ўчоқнинг диаметри ва баландлиги 21 см.ни ташкил этиб, у пишиқ ғишт устига қўйилган. Юқорида қайд қилинганидек кўчма сопол ўчоқ тақасимон кўринишда

1-расм.

бўлиб, унинг олд томонидаги “пештоқ”ларини эни 9 см.ни, баландлиги 21 см.ни, уларнинг оралиғидаги масофа эса 15 см.ни ташкил этади. Сопол ўчоқнинг ички томони ва “пештоқ”ининг юзаси нақшлар билан безатилган. Хусусан, “пештоқ”ининг юзаси геометрик гирихлар мотивида, ички томони эса орнаментал характердаги нақшлар билан безатилган. Сопол ўчоқнинг орқа томонига эса ҳеч қандай безак берилмаган.

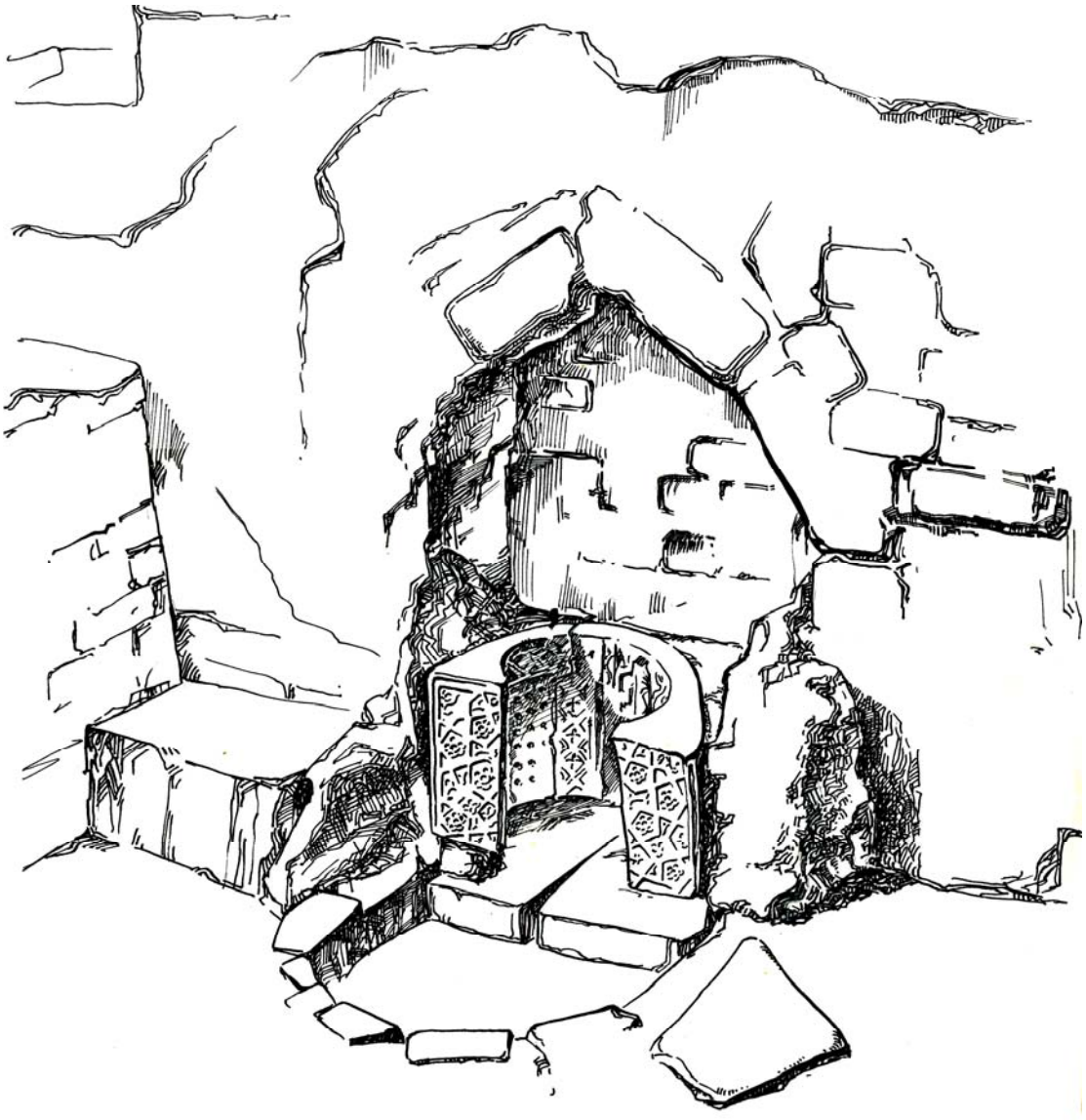
3-хонада эса токчанинг баландлиги мўригача 0,76 м, эни 0,40 м.ни ташкил этиб, девор ичига 0,40 м кирган (расм 3). Ушбу хонадаги ўчоқ хонанинг биринчи қурилиш даврига оид бўлиб, у хона деворлари бунёд этилаётган вақтда қурилган. Бу ҳолат ўчоқ жойлашувида ҳам ўз аксини топган. Ўчоқ олдида атрофи пишиқ ғишт билан ўраб олинган 10 см.ли чуқурликдаги майдонча (таштак) мавжуд бўлиб, унинг ўлчами 40х45 см.ни ташкил этади. Унинг ичига эса деярли айлана кўринишдаги оловдан кўйган плита жойлашган. Тақасимон кўринишдаги сопол ўчоқ пишиқ ғишт устига жойлаштирилган. Сопол ўчоқнинг тузилиши 1-хонадан топилган сопол ўчоққа ўхшаш, аммо ундан фарқли равишда яхши сақланмаган.

Ўрта Осиё ҳудудида девор ичига жойлаштирилган ўчоқлар камин ўчоқлар сифатида қадимги даврдан маьлум бўлсада, лекин бундай кўчма сопол ўчоқлар, асосан, IX-XIII аср бошларида нафақат Самарқандда балки, Мовароуннаҳрнинг барча шаҳарларида кенг тарқалганлиги қайд этилган.

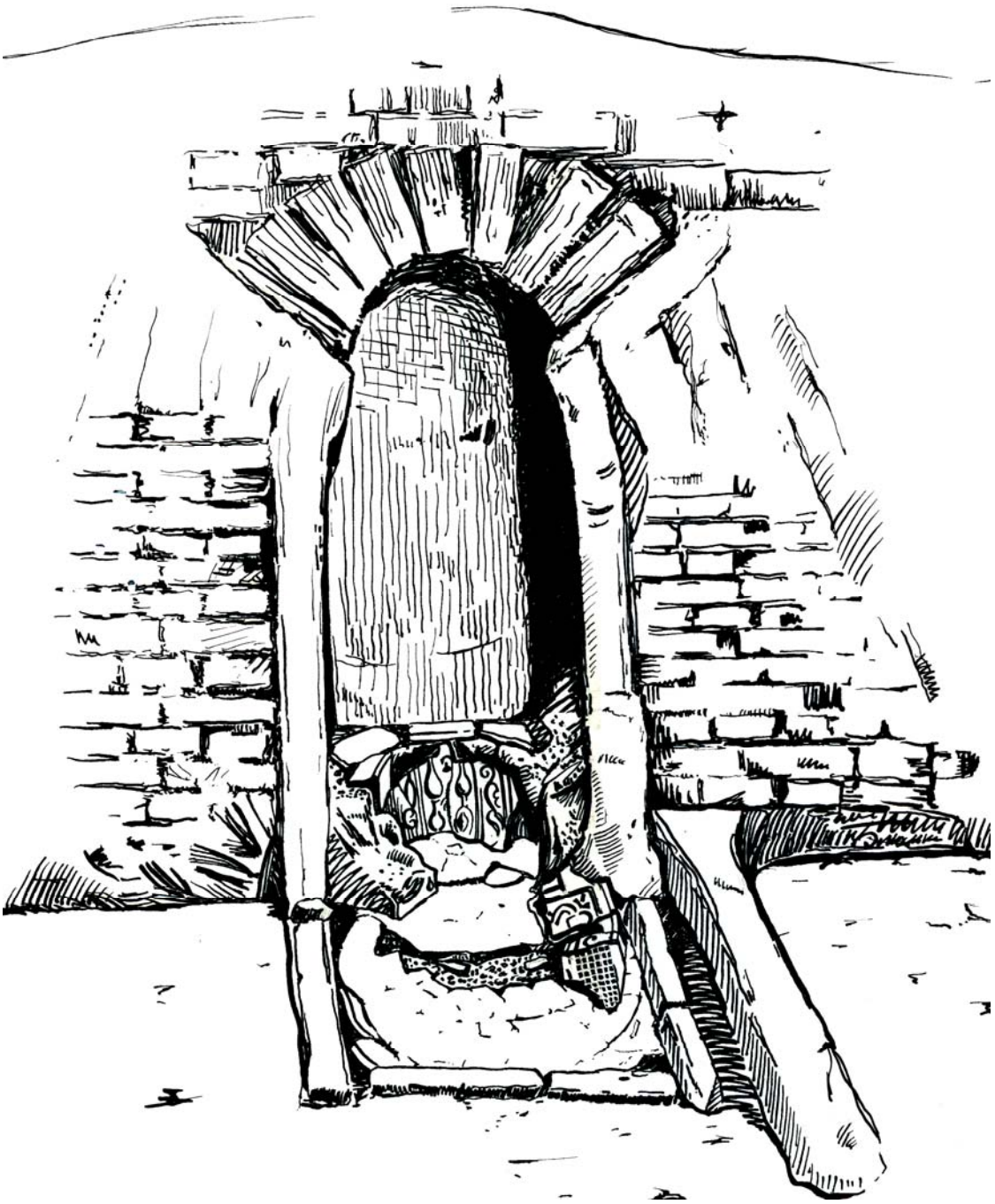
Кўчма сопол ўчоқлар борасидаги дастлабки батафсил маьлумотлар В.Л. Вяткин асарида учраб, у кўчма сопол ўчоқларнинг шакли ва безакларидаги архитектуравий

элементларни ҳисобга олган ҳолда уларни турар жойлар ва остодонларга яқинлигини қайд этади. Шу билан бирга, у, ўчоқларни олов культи билан боғлаб, унинг ичига чироғдон(светильниклар)да муқаддас олов ёқилган бўлиши мумкин деган тахминни илгари суради (Вяткин, 1926. С. 52-56). Г.В. Григорьев эса кўчма сопол ўчоқларни зардўштийлик билан боғлайди (Григорьев, 1937. С.136).

Сопол ўчоқларнинг ташқи тузилиши ва уларнинг безаги борасида тадқиқот олиб борган Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпеллар бундай сопол ўчоқлар, асосан, IX-XIII аср бошларида кенг тарқалган бўлиб, уларнинг ички ва ташқи безаклари маьлум бир асрларда ўзгариб турганлигини қайд этишади (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 206-234). Жумладан, уларнинг фикрича, сопол ўчоқларнинг "пештоқ"ининг юзасидаги геометрик гириҳлар мотивида безатилган нақшлар фақатгина XI-XII асрларда кенг тарқалган бўлиб (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 208), бу холат 1- ва 3-хоналар ичидан топилган материаллар асосида ҳам ўз тасдиғини топди. Шунингдек муаллифлар ўчоқлардаги архитектура элементлари - арка, колонна, гофр, карниз-

2-расм.

3-расм.

ларни таҳлил қилган ҳолда, уни араблар босқинидан сўнг ўрта аср архитектурасини эволюцияси билан боғлашсада, нақшинкор кўчма ўчоқларнинг асосий қисмини маиший мақсадларда фойдаланилган эмас, деган хулосага келишади. Уларнинг қайд этишича, ўчоқларнинг ичига чироқ ёқилган ёки ўзига хос ўтлар тутатилиб, бу нарса ритуал характерга эга бўлган. Шунингдек, бой нақшинкор кўчма сопол ўчоқлар турар жой ва оиланинг тўкин сочинлигини, оилавий қадриятларнинг мустаҳкамлиги ва хонадоннинг фаровонлиги рамзи ҳисобланган (Пугаченкова, Ремпель, 1972. С. 228-231).

Тадқиқотчилар ўз хулосаларини қўйидаги фикрлар билан асослашади. Яьни,

улар 1966 йилда Ш.С. Ташходжаев қазишмасида аниқланган IX асрга мансуб, 3 қисмдан иборат бой нақшинкор кўчма сопол ўчоқ асосида ўчоқлар хонани иситиш ёки овқат пишириш учун кичик ҳамда унинг ичидан кулни олиш ва қозон қўйиш учун анча ноқулай бўлган, деган фикрни билдиришади. Лекин, Ш.С. Ташходжаев қазишмасида аниқланган бундай ўзига хос ўчоқ деярли бошқа қайд этилмаган. Шунингдек, бошқа жойларда аниқланган кўчма сопол ўчоқларнинг диаметри 20 см.дан 30-35 см.гача, баландлиги эса 21-25 см.гача бўлиб, уларнинг тузилиши кичик хажмдаги қозонларни қўйиш учун анча қулай. Тақасимон кўринишдаги сопол ўчоқлар IX асрдан бошлаб кенг тарқалган бўлсада, уларнинг дастлабки прототиплари илк ўрта асрларда Панжикендда қайд этилган. Жумладан, Панжикент турар жойларини тадқиқ этган В.И. Распопова V-VI аср турар жойларида тепаси қирқилган пирамида шаклидаги лойдан ясалган кўчма ўчоқлар кўп учрашини қайд этади (Распопова, 1990. С.166). Бундан ташқари, Панжикентда ичига қозон қўйиш учун мўлжалланган ён деворларига эга арксимон кўринишдаги токча сифатидаги ўчоқлар ҳам кузатилган. Гардони Хисорда илк ўрта аср хўжалик ўчоқлари борасида тадқиқот олиб борган Ю. Якубов VII-VIII асрларда дугасимон кўринишга ўхшаш ўчоқлар мавжуд бўлиб, уларнинг хозирда тақасимон кўринишдаги шакли Юқори Зарафшонда оштон ёки дегдон сифатида номланишини айтиб ўтади (Якубов, 1982. С. 117). Шу билан бир қаторда А.С. Давидов, А.К. Писарчик этнографик маьлумотлар асосида оштон атамаси XIX аср охири XX аср бошларида Самарқанд, Зарафшон водийси, Исфара ва Фарғона водийсида кенг қўлланилганлигини қайд этади (Писарчик, 1982. С. 83; Давидов, 1973. С. 31-35). Ю. Якубов, А.С. Давыдов, А.К. Писарчиклар қайд этган ўчоқлар стационар характерда бўлиб, нисбатан катта (диаметри 50-60 см) ва лойдан бунёд этилган бўлсада, уларнинг ташқи кўриниши кўчма сопол ўчоқларга жуда яқин. Бундан ташқари, Қорабулоқ ёдгорлигидан топилган IX-XI асрларга оид оловга чидамли лойдан қилинган тақасимон кўринишдаги ўчоқ ҳам стационар характерда бўлиб (Брыкина, 1974. С. 40), кўриниши ва ҳажми билан Самарқандда, жумладан А. Анарбаев қазишмасида топилган кўчма сопол ўчоқларга ўхшаб кетади. Юқорида қайд қилинган ўчоқлар бевосита маиший характерга эга эканлиги муаллифлар томонидан таькидлаб ўтилади.

Бундан ташқари, тадқиқотчилар кўчма сопол ўчоқларда қоракуянинг кам бўлиши, ўчоқ деворларининг қаттиқ кўймаганлиги боис ҳам ундан маиший мақсадларда фойдаланилган эмас деган фикрга келишган эди. Ўчоқларнинг ичининг кучли кўймаганлиги ва қоракуянинг кам бўлишини ўчоқларда тўғридан тўғри олов ёқилмасдан унинг ичига пистакўмир[2] чўғи қўйилганлиги билан изоҳлаш мумкин. Хозирги вақтга қадар Самарқанд атрофларидаги қишлоқларида "манқал" номи билан қайд этилувчи пистакўмирдан қишда сандалга солиш учун фойдаланилиб келинади. Уни тайёрлашда ўтин чуқурда чала ёқилиб устидан тупроқ ё қум бостирилган ёки ўтин гулхан қилиб чала ёқилади. Ёз ойларида "манқал" қишда ишлатилиш учун ғамлаб қўйилган. Этнографик маьлумотларга кўра, Қашқадарё ва Сурхондарё воҳасида манқал тайёрлаш ва сотиш билан тоғлик тожиклар ҳамда қўнғирот ва қатағон тўқчи уруғлари шуғулланишган (Писарчик, 1982. С. 106). "Манқал"ни чўғ қилиш анча осон бўлиб уни хонани ичида ҳам амалга ошириш мумкин бўлган. Шуни ҳам қайд этиб кетиш керакки "манқал" атамаси форсчада араб тилидан кириб келган "манқулот" атамасидан олинган бўлиб

“кўчма”, “ҳаракатчан” деган маьноларни англатади (Персидко-русский словарь, 1983. С. 570).

Юқоридаги маьлумотларни умумлаштирадиган бўлсак, кўчма сопол ўчоқлар, аввалambор, маиший мақсадларда, яьни, қиш ойларида хонани иситиш, сув ҳамда овқатларни иситиш ёки пишириш мақсадларида ишлатилган бўлиши мумкин. Хусусан, 1- ва 3-хоналардаги ўчоқларнинг жойлашуви ҳам худди шундай фикрга келишга ундайди. Шуниндек, Г. Мирзалиев Ахсикетда топилган сопол кўчма ўчоқларни таҳлил қилар экан, уларнинг юза қисмида қирилган жойлар аниқланганлигини ва ва бу излар ошхона идишларининг (қозон, қумғон) кўчма сопол ўчоқ устига қуйилиши натижасида, юзага келганлигини қайд этиб, кўчма сопол ўчоқлар қозонлар учун тагдон(подставка) вазифасини бажарган бўлиши мумкин, деган фикрни билдиради (Мирзалиев, 1987. С. 91). Шу билан бирга, у, XI асрдан бошлаб, Ахсикетда конуссимон қоринли қозонлар ўрнини таги текис шарсимон қозонлар эгаллай бошлаганлигини ва бундай қозонлар нисбатан паст ўчоқлар учун қулай бўлганлигини таькидлайди (Мирзалиев, 1984. С. 43). Айни вақтда сопол ўчоқларнинг мўрили токча ичига жойлаштирилиши Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпеллар таькидлаганидек унинг ичига чироқ ёқиш ёки ўзига хос ўтлар тутатишни фойдасиз қилиб қўйган. Ёз ойларида кўчма сопол ўчоқлардан фойдаланилмаган. Чунки, бу ҳолат хонани исиб кетишига олиб келган. Шуни ҳам алоҳида қайд этиш лозимки, кўчма сопол ўчоқларнинг бўлаклари қазишмаларда жуда кўплаб учраши, уларнинг бадраблар, ўралар ва турли хил хоналардан топилиши уларнинг оддий хўжалик буюми эканлигидан далолат беради. Шундай экан, Г.А. Пугаченкова, Л.И. Ремпеллар қайд қилгандек, улар турар жой ва оиланинг тўкин сочинлигини, оилавий қадриятларнинг мустаҳкамлиги ва хонадоннинг фаровонлиги рамзи ҳисобланмаган. Чунки оила учун муқаддас бўлган буюмлар тўғри келган жойга ташланавермаган. Хулоса қилиб айтганда, кўчма сопол ўчоқлардаги безаклар қадимги ёки илк ўрта асрларда оташпарастлик, зардўштийлик, олов культида маьлум бир диний маьнога эга бўлган бўлсада, ислом динининг мавқеини кучайиши натижасида, улар асосан, хўжалик маиший буюмлари сифатида ишлатилиб, ўзида олов билан боғлиқ удумларни сақлаб қолган.

Изоҳлар:

[1] Муаллиф А.А. Анорбоевга 47-қазишма материалларидан фойдаланишга рухсат берганлиги учун ўз миннатдорчилигини билдиради.

[2] Пистакўмир-юқори углеродли қаттиқ ғовак материал. Пистакўмир ёнганда 7000-8000 ккал/кг иссиқлик пайдо бўлади (Ўзбекистон Миллий Энциклопедияси, 7 том).

Фойдаланилган адабиётлар:

Брыкина Г.А. Карабулак. М., 1974.

Вяткин В.Л. Афрасиаб—городище былого Самарканда. Ташкент, 1926.

Григорьев Г.В. Тус тепе // Искусство. 1973, №1.

Давидов А.С. Жилище // Материальная культура таджиков верхного Зерафшана. Душанбе, 1948.

Мирзалиев. Г. К изучению бытовой керамики средневековой Ферганы // ОНУ. 1984, №4.

Мирзалиев Г. Терракотовые очажки Эски Ахси // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.

Перидско- Русский словарь. Т. II. М., 1983.

Писарчик А.К. Традиционные способы отопления жилищ оседлого поселения Средней Азии в XIX-XX вв. // Жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 1982.

Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Самаркандские очажки // Из истории великого города. Ташкент, 1972.

Распопова В.И. Жилища Пенджикента (опыт историко-социальной интерпретации). Л., 1990.

Ўзбекистон Миллий Энциклопедияси. Т. 7. Тошкент, 2005.

REPORT ON CHEMICAL STUDY OF CARBONIZED TEXTILE HELD BY THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF ACADEMY OF SCIENCE OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

© 2012. Tomomi Murakami
Institute of Archaeology of Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

1. Introduction

The Republic of Uzbekistan is scattered with towns which flourished as the central towns of the Silk Road. As we are aware that Sogdiana flourished, by Sogdian cotton and clothes of figures on the wall paintings, Sogdiana also, thrived as the main production of textile. However, there are many unidentified features of the technique of the area and use. There are a small number of textiles unearthed from several different sites. The Jartepa textile was found at the Zoroastrian temple of Jartepa in 1987. I am reporting the results of a chemical study aimed at identifying the properties and its techniques of the Jartepa textile.

2. Outline of the site and material of the study

Jartepa is located in Urgut district (40 km southeast of Samarkand), Samarkand region. During the 4th~5th centuries it was built as a castle, and in the 7th century it was turned into the Zoroastrian temple and was used until the 8th century. The Jartepa textile was spread on the bed in the temple. Its size is 40×75 cm and unearthed in carbonized condition. The textile was preserved by fixing at the time of excavation (fig. 1). It is supposed that the shape of textile the result of a fire that occurred in the 8th century, it accidently carbonized in a condition of reduction. This kind of textile found in the Jartepa temple is valuable, because it is very difficult for textiles to remain in the area of Jartepa where heavy rainfall is.

3. Method of the investigation

A piece of fragment of the textile was observed using a stereo microscope and electron microscope to identify its actual situation and shape of fiber. Further, material properties were identified using a FT-IR spectrometer. Observation by electron microscope made after resin embedding and polishing. FTIR spectrometer was made to measurement of frequency domain 4000-700cm^{-1}, number of scans 256, resolution 8 cm.

4. Result and observation.

In spite of being extremely damaged because of carbonization, twists of the thread were identified in places. Considering the use of thick and heterogeneous strongly twisted thread, it was supposed that the textile was not silk. This textile's density was warp 6×weft 10 (the number in 3 cm) (fig. 2). The texture was plain. It is peculiar that there are more weft yarns than warp ones.

Textiles other than silk have naps , hence it is difficult to densely apply the warp to the machine. As a result, the weft tends to get denser than the warp. The use of color was unclear because the textile lost its color after carbonizing. Also, the pattern due to changes in weaving was not observed. Chipping was not confirmed, hence it is considered to be plain textile.

Next, as a result of observing the side and cross section, the outer surface of thread seemed to be dissolved probably because of chemical use during the preservation. And the shape of fiber could not have confirmed. However, it was identified that there were many fibers preserved that

Fig.1. Textile (the whole).

Fig.2. Textile (enlargement).

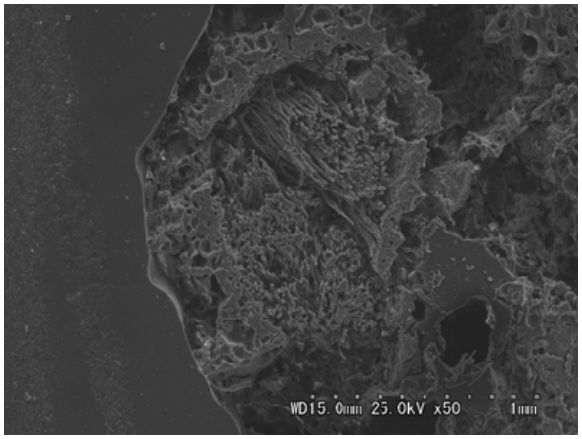

Fig.3. Cross section of thread (SEM fig).

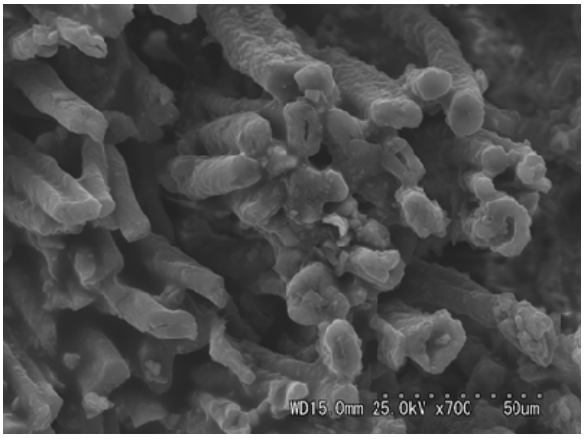

Fig.4. Cross section of Fiber (SEM fig).

their shapes inside of the thread (fig. 3).

On the cross section, oval and round, 5~15 μm diameter fibers were observed, and some of them had hollow portions and while others did not.

On the side, spiral twist and uneven fiber-like cuticle which is peculiar to animal fur were observed (fig. 4). Mostly, thick fiber with hollow portion mixed with good thin fiber in animal fur fiber. In particular, wools divided into hair (hard and thick hair that grows outside of body hair), wool (Thin and soft hair that grows inside body hair) and kemp (also called dead hair, the shortest and thickest, and rare). Today, development of breeds of sheep for wool is progressing, hairs have decreased and it has become possible to get homogeneous wool. This fiber's diameter is small, and thus it cannot be asserted that it is wool. However, if considering that the fiber shrank as a result of carbonization, it contains the characteristics of wool. In future survey, it will be necessary to conduct a carbonization experiment of fiber to determine the shrinkage.

On the other hand, FTIR spectrometer analysis showed no shape of fiber at all. As spectrum of fig. 5 (c), peak of 1200~1000 cm^{-1} nearby peak pattern in the material similar to plant fiber was obtained. In the re-analysis, it became clear that the material was entirely carbonized. The peak of the textile is similar to the plant peak, and it was probably the result of an influence of chemicals which were used to preserve the textile.

As described above, FT-IR analysis for completely carbonized fiber is invalid, and it is a decisive way of identifying fiber surface and cross-sectional by using a microscope. However, circumspection is required, considering the changes of the shape of the fiber.

The textile unearthed in Jartepa, is widely produced even in contemporary Uzbekistan, and it is primitive and the most common plain textile (fig. 6, 7).

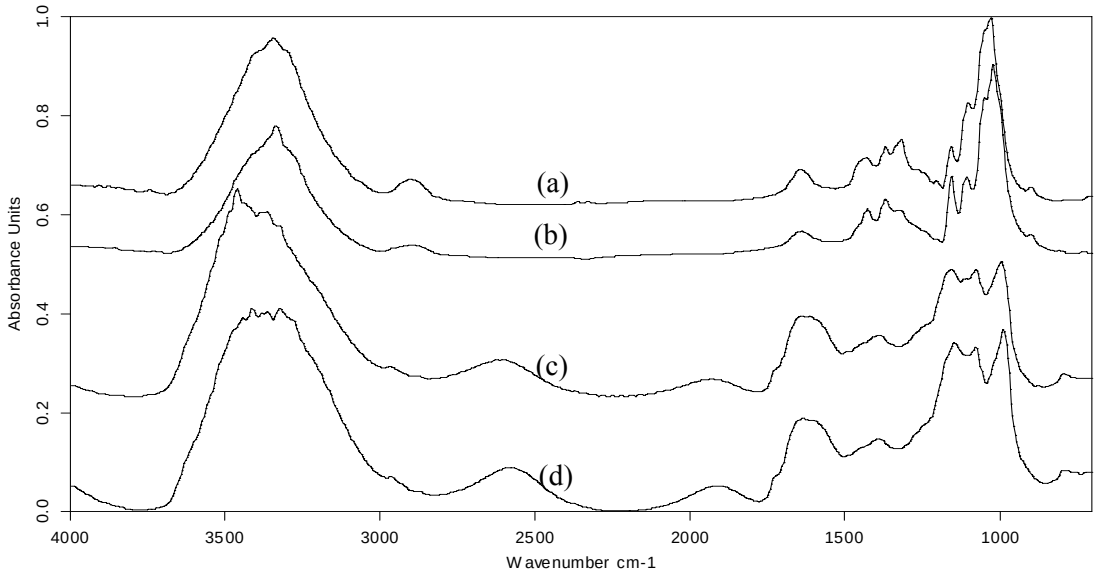

Fig. 5. IR spectrum. (a) Present-day cotton fiber; (b) Present day cotton fiber (Polarized light); (c) Material of Jartepa; (d) Material of Jartepa (Polarized light).

Fig.6. Traditional way of producing thread using a spindle.

Fig.7. Traditional way of producing textile using a weaving machine.

This textile doesn't have the scarcity value as damask or brocade has, however it is a durable textile which can be produced easily and with common material, and it is widely produced and used among the common people. It is valuable and gives us information that such ordinary textiles were used also, in the Zoroastrian temples of those times.

Such textiles which have no pattern nor color and carbonized or worn metal dust are not noticed at first glance, because of their plainness. However, they might give a lot of information. By conducting more investigations like this, I would like to clarify peculiarities of textiles of Jartepa and surrounding area.

References

Berdimuradof A.E., Samibayev M.K. The Temple of Jartepa- (The problems of cultural life of Sogdiana in the 4th-8th c. A.D.) The Academy of Sciences of The Republic of Uzbekistan,1999.

坂本和子「織物に見るシルクロードの交流　トゥルファン出土染織資料－錦綾を中心に」大阪大学博士学位論文　2009.

加藤九祚、Sh.Pidaev「ウズベキスタン考古学新発見」東方出版　2002.

МАТЕРИАЛЫ ПО ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ XIX ВЕКА ИЗ САМАРКАНДА И ЕЁ ОКРУГИ

© 2012. М.Н. Султанова
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Археологические исследования верхних горизонтов позднесредневековых городов Узбекистана продолжают, в последние годы, оставаться одним из важных направлений работ Института археологии. В большинстве случаев они осуществляются в старогородских зонах городов путем наблюдения при строительстве нижних конструкций жилых, общественных и производственных сооружений, выборкой и фиксацией материалов. К таковым, прежде всего, относятся отдельные фрагменты или комплексы керамики, лучше сохраняющиеся и, в большинстве случаев, ярче представляющие массовые находки в археологии. В свою очередь, это позволяет более конкретней характеризовать социально-экономическое положение и особенности быта населения региона на тех или иных этапах её истории.

Одной из таких находок последних лет является небольшой комплекс позднесредневековой глазурованной керамики из Самарканда. Основная ее часть, представляющая закрытый комплекс, была получена из мусорной ямы при перепланировочных работах на месте нынешнего супермаркета Сиабского рынка города. Яма располагалась по верхнему культурному горизонту, на глубине 0,9-1,2 м от уровня дневной поверхности и состояла из фрагментов поливной керамики, на основе параллелей по соседним регионам, достаточно чётко датируемой XIX веком. Исходя из форм и характера оформления она делилась на посуду столового и специального назначения. К столовой посуде относились образцы чаш и блюд, к изделиям специального назначения - фрагменты подсвечника и тувака (горшочка для люлек). В целом, характеризуя материалы комплекса необходимо отметить массивность стенок и утяжелённость форм изделий, тесто черепка имело преимущественно красновато - кирпичные и желтоватые оттенки. Щелочная глазурь на блюдах, преимущественно, покрывала внутреннюю часть посуды, лишь слегка выходя по закраине или небольшой полосой по венчику внешней поверхности изделий. На чашах она наносилась как по внутренней, так и, в большинстве случаев, по внешней поверхности стенок, вплоть до донца. Полива на многих образцах имеет цек, а на отдельных осыпается. Орнаментация выполнявшаяся росписью, штампом (басма) и в технике процарапывания исполнялась чёрными, тёмно–коричневыми, голубоватыми и, иногда, синими цветами. Белые ангобы ограничивались лишь местами покрытия глазурями. Последние имели белые или слегка голубоватые оттенки.

Чаши (коса) составляют одну из ведущих групп изделий. По форме они имели полусферические стенки со слегка отогнутой наружу закраиной и дисковидновогнутые донца. Орнаментация, на большинстве изделий, наносилась по внешней поверхности стенок, оставляя внутреннюю плоскость свободной.

На первой, археологически целой чаше, дисковидно-вогнутое донце несколько приподнято, стенки имеют полусферические очертания, со слегка отогнутой закраиной венчика (рис. 1). Малоприметной особенностью является проходящий по внутренней части закраины круговой вдавленный валик, в предшествующие столетия, при чуть больших размерах, предназначавшийся для установки крышки. Белый ангоб и белая, со слегка голубоватым оттенком глазурь с мелким цеком покрывают обе плоскости изделия. Орнаментация состоящая из круговых голубых и синей ленточных линий заключала зигзагообразный ломанный синий мотив по венчику внешней поверхности, являвшийся, практически, единственным украшением сосуда (д.в. - 16 см, д.д. - 6,4 см, высота - 9,3 см).

В целом, несмотря на отслаивающуюся местами поливу, покрытая с обеих сторон глазурью и орнаментацией по венчику внешней поверхности, образец представляет собой парадную форму чаш предназначенную для выставления на полках михманханы. Характерный мелкий цек, ставший уже с X-XII вв. – вплоть до позднего средневековья одним из важных технических приемов декора, для придания ей ореола древности и широкого известный по дальневосточному фарфору (Виноградова, 1962. Рис. 35; Кречетова, Вестфален, 1947. Табл. I:3, табл. XIX:2), перенесение орнаментации на внешнюю поверхность, оставляя внутреннюю чисто белой, гигиеничной, совершенно определённо свидетельствуют о подражании под образцы китайского фарфора (Мирзаахмедов, 1990. Рис. 52).

Фрагментарно сохранившаяся стенка второй чаши, как по форме, так и по характеру орнаментации близко напоминает первую (рис. 2). Тесто черепка имеет слегка желтоватый оттенок. Покрыта, с обеих поверхностей, голубоватой прозрачной поливой с цеком. Художественное оформление по венчику состоит из концентрических темно-коричневых и синих ленточных линий заключающих повторяющийся зигзагообразный ломанный мотив. По тулову стенок нанесен более коротко и размашисто зигзаг тёмно-коричневой краской, видимо, в условно-символической форме передающий стилизованный растительный мотив (д.в. около -16 см).

Сохранившиеся фрагментарно венчики ещё трёх чаш (рис. 3-5) также, как по форме так и по характеру оформления внешней поверхности, с разной степенью тщательности, передают те же стилизованные ломанные линии в концентрических ленточных обрамлениях. На них сохранились, под прозрачной бесцветной поливой с цеком, следы белого ангоба. Роспись выполнялась тёмно-коричневыми и голубоватыми красками лишь по внешней плоскости изделий, таким образом, сближая их в одну группу (диаметры их венчиков имеют соответственно 15 и 14 см).

Следующие три фрагмента венчиков чаш также идентичны по форме и композиции оформления, но с несколько иными мотивами орнаментации (рис. 6-8).

На рисунке 6 представлен образец с *г*-образным повторяющимся мотивом носящим название «занжир» - цепь, выполненных тёмно-зелёной краской (диаметр венчика около 14 см).

На рисунке 7 оформление венчика по внешней поверхности состоит из стилизованных колючих декоративных веточек и цветов выполненных тёмно-коричневой и тёмно-зелёной краской (д.в. - 14 см). На обеих фрагментах просматриваются следы белого ангоба и прозрачная белая глазурь с цеком без каких либо следов внутренней орнаментации.

Третий фрагмент чаши сохранился лучше и по форме, практически, идентичен с первой (рис. 8). Стенки имеют полусферические очертания, со слегка отогнутым

наружу венчиком и небольшим продавленным желобком по её внутренней закраине. Тонкий белый ангоб и белая, с голубоватым оттенком глазурь покрывали внутреннюю и внешнюю поверхности изделия. Подглазурная роспись выполненная темно-коричневой и голубой краской, по внешней поверхности изделия, состояла из мотива «лепестков лотоса» и голубой полосы по венчику (д.в.—14 см).

В целом, несмотря на легко отслаивающуюся глазурь, мелкий цек, скорее всего, имевший искусственный характер, оставление внутренней плоскости гигиенически чистой, с нанесением орнаментации по внешней поверхности чаши, сближает её по оформлению с образцами китайского фарфора (Кальтер, Повалой, 1997. Илл. 286) и исполнявшимися им в подражание местным типам поливной посуды (Мирзаахмедов, Матбабаев, Султанова, 2010. Рис. 7, 9, 11, 13).

Исходя из форм и характера оформления, можно отметить широкое распространение подобных чаш в Самарканде в исследуемую эпоху. При этом художественное оформление изделий выполнялось в основном росписью, процарапанная техника встречается редко. Учитывая единые формы, технику и цветовые гаммы используемые при изготовлении чаш можно предполагать об их производстве одним мастером и покупку изделий хозяином в виде сервиза, как часто мы наблюдаем это и в наши дни.

Следующие два фрагмента венчиков чаш хотя и едины по форме, но выделяются композицией расположения орнаментации или материалом исполнения (рис. 9, 10).

На первом фрагменте венчика с желтоватым тестом черепка, белым ангобом и прозрачной белой глазурью орнаментация выполнена по венчику внутренней поверхности чаши (рис. 9). При этом, характер и композиция оформления те же, состоя из двух рядов круговых темно-коричневых ленточных линий, заключающих мелкий синий зигзагообразный мотив. Добавлением является лишь нанесение по закраине третьей голубой цветовой полоск, в отличие от обычных двух цветов краски на предшествующих (д.в.- 14 см). В целом, несмотря на фрагментарность, наличие трёх цветовых гамм, аккуратность исполнения и яркость белизны фона, чаша вполне может свидетельствовать о парадном характере назначения.

Вторым нестандартным образцом является фрагмент стенки венчика чаши выполненный из белого твёрдого кашина покрытого по внутренней плоскости голубоватой глазурью под селадон (рис. 10). Чаша (коса) имела полусферическую форму и слегка отогнутую наружу закраину венчика. Монохромная орнаментация выполненная по светлому фону синими красками из повторяющихся меандров по венчику и сплошных растительных побегов и цветов по внешней поверхности, оставляла чисто голубой внутреннюю плоскость посуды (д.в.-12 см). Исходя из многочисленных параллелей кашиновые и керамические образцы подобных изделий широко бытовали в керамических комплексах Средней Азии с середины XIXвека и, учитывая их первоначальное место распространения, назывались риштано-ферганскими чинни (Мирзаахмедов, Ахраров, 1981. С. 123). Несколько позже они уже изготовлялись по всем регионам Средней Азии как приезжими ферганскими, так и местными мастерами (Головин, 1909. С. 26).

Исходя из названия – чинни (китайская), составу теста из белого кашина, покрытию голубоватой, плотно прилегавшей к черепку эмалевидной поливой и росписью синими (кобальт) красками, с распространенными на китайском фарфоре мотивами орнаментации, фрагмент, безусловно, представлял собой местные подражания под более дорогие, изысканные образцы поздних китайских селадонов пользовавшихся

особой популярностью у местного населения (Мирзаахмедов, 1990. С. 72-73). Таким образом, последний образец кашиновой чаши и, в меньшей степени, вышеописанные их керамические формы с белыми голубоватых оттенков поливами, мелким цеком, а также отсутствием орнаментации на их внутренней поверхности также свидетельствуют об определённом влиянии более передового, являвшегося законодателем мод китайского дизайна на местное, массовое керамическое производство. Нельзя исключать и того, что вышеописанные керамические чаши, в большинстве случаев, могли быть изготовлены одним мастером.

Еще одним, выделяющимся в общей, единообразной массе находок предметом в материалах комплекса является фрагмент дисковидно-вогнутого донца чаши. Последняя, была исполнена в форме, оставив при нажатии неровные следы четырех вмятин пальцев на дне. Она покрыта прозрачной голубоватой глазурью и орнаментацией из пересекающихся накрест по центру дна процарапанных линий, с расположением в резервах мотивов побегов, выполненных чёрной надглазурной краской (д.д. - 6 см).

Подобные образцы были отмечены среди обиходных типов чаш из верхних горизонтов Арка Бухары и датировались концом XVIII - серединой XIX вв. (Мирзаахмедов, 1990. Рис. 26:3, 4).

Два последних образца чаш происходят из округи Самарканда и не имеют отношения к представленному выше комплексу. Тем не менее, их формы и характер орнаментации свидетельствуют об особенностях изготовления посуды присущих разным мастерам, расширяя наши представления о керамическом ремесле в данную историческую эпоху (рис. 12, 13).

Первый фрагмент массивного дисковидно-вогнутого донца имеет красновато-кирпичной цвет теста и покрыт, по внешней поверхности, желтоватым ангобом. Кольцевое обрамление круга внутренней плоскости днища выполнены тёмно-голубой и коричневыми красками. Роспись в коричневой цветовой гамме нанесена по белому ангобу, под бесцветной прозрачной глазурью. Орнаментальная композиция делит дно чаши на две половины. На верхней части, в символико-условной форме, по центру, нанесен ствол дерева с распускающимися ветками кроны и располагающимися с его обеих сторон стилизованными изображениями птичек (рис. 12). В нижней половине композиции изображены пышные растительно-цветочные мотивы (д.д. - 8 см).

Интерес вызывает не только уходящая в глубокую древность символика древа жизни и двух священных птиц по её сторонам, но и само изображение живых существ, практически не встречающееся на керамике XIX века.

Всплеск подобных изображений зооморфного и орнитоморфного характера мы наблюдаем на медных денежных знаках на севере Мавераннахра и Южно-Казахстанским городам в XVII в., а также общими тенденциями в оформлении денежных знаков по соседним странам и, прежде всего, государства Сефевидов (Шпенева, 2010. С. 96). Тем не менее, даже в XIX веке, в предметах изобразительного искусства, подобные изображения орнитоморфного характера продолжают сохраняться, в стилизованной форме, на парадных медночеканных изделиях (Кальтер, Павалой, 1997. Илл. 640, 643), а на керамике они, видимо, исчезают ввиду усиления консервативных тенденций в религии.

Следующей находкой из округи Самарканда является массивная, археологически целая чаша, на дисковидно – вогнутом поддоне и полусферическими стенками (рис.

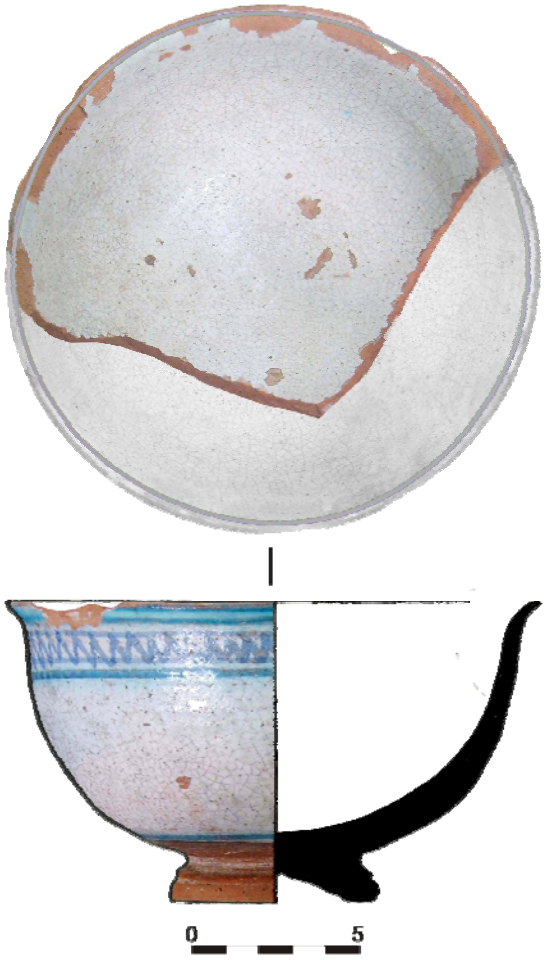

Рис. 1.

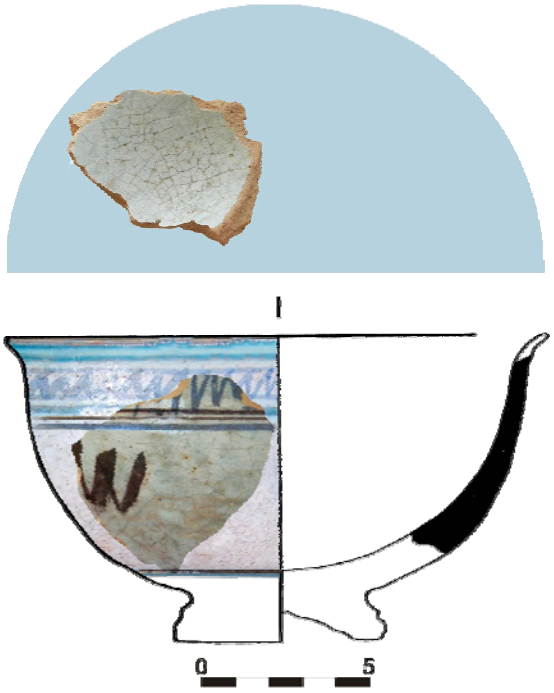

Рис. 2.

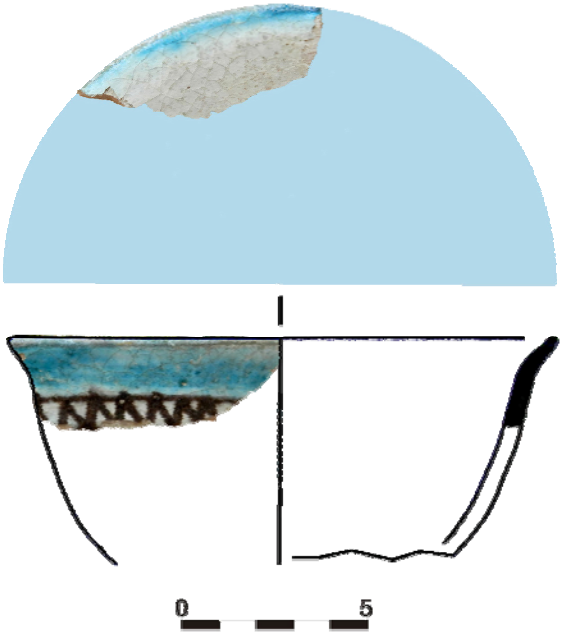

Рис. 3.

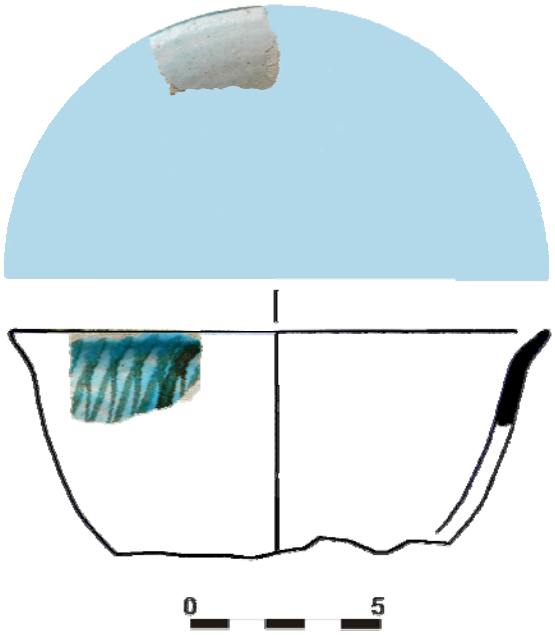
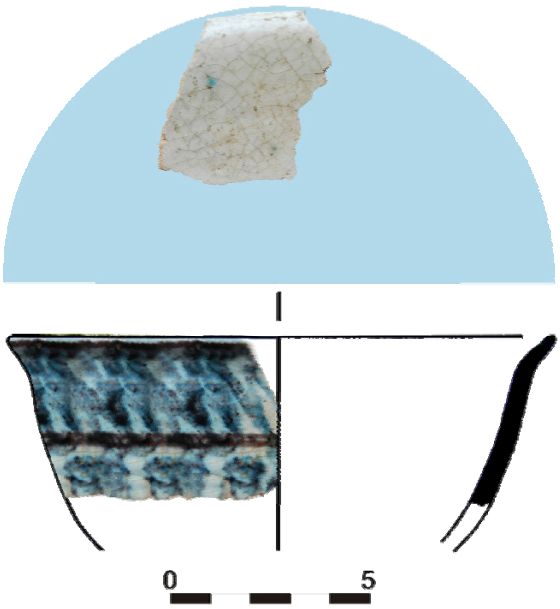
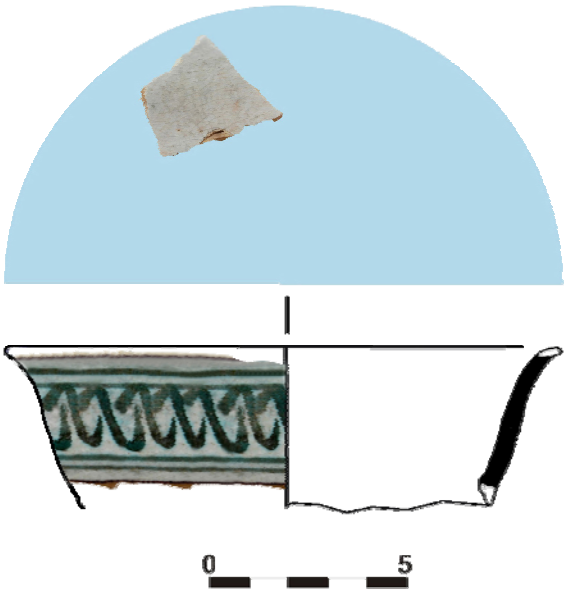

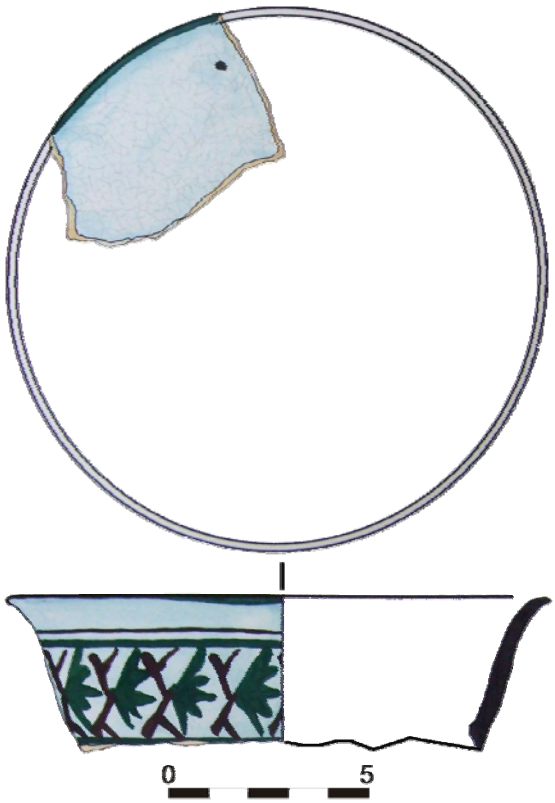
Рис. 4.

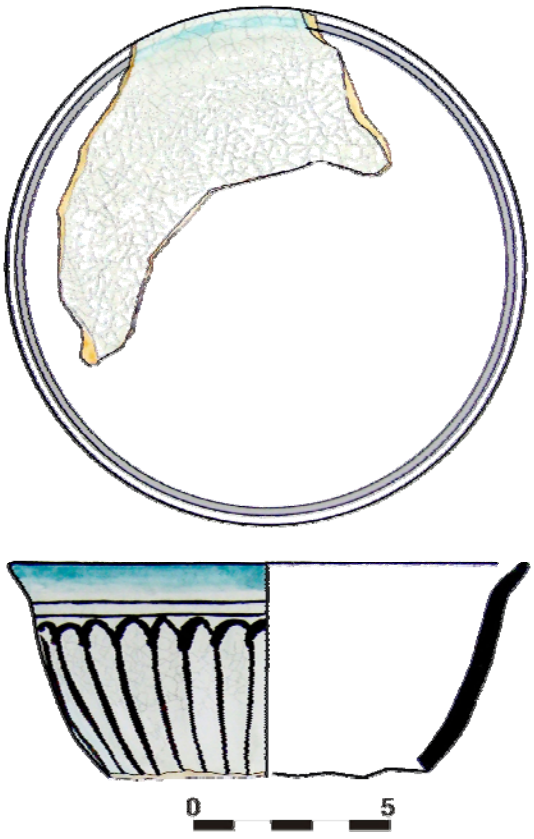
Puc. 5.

Puc. 6.

Puc. 7.

Puc. 8.

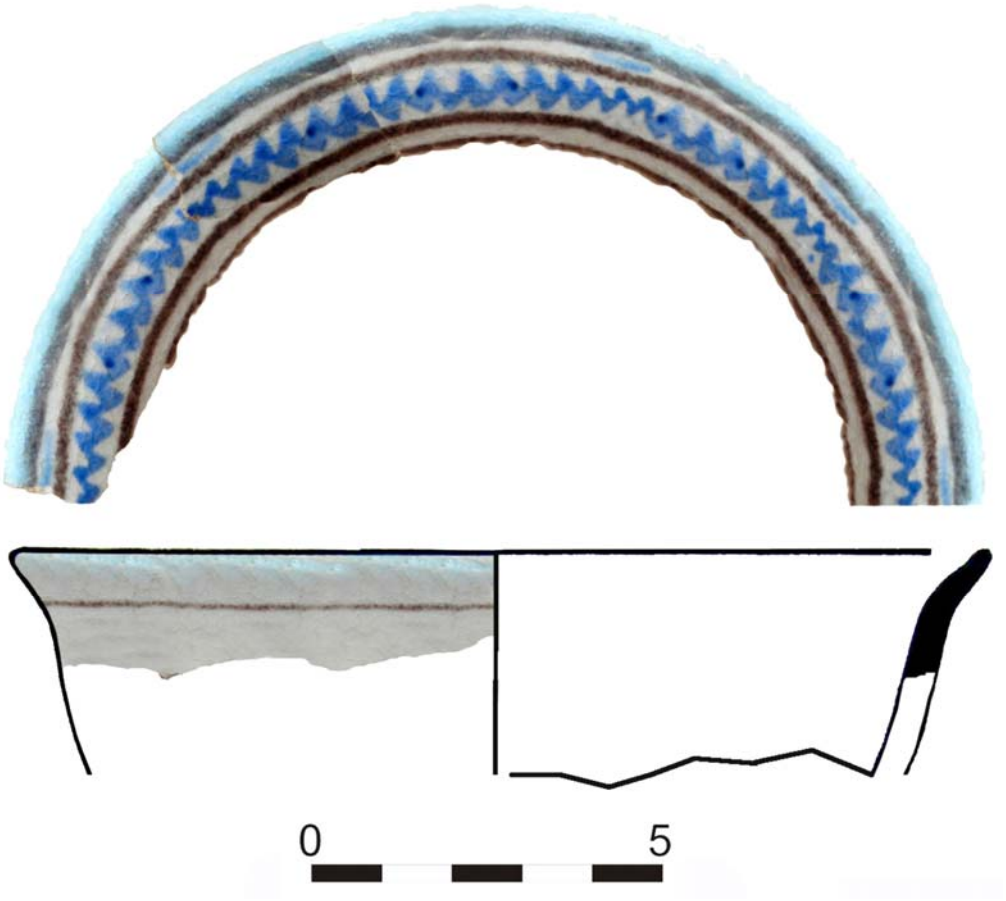

Рис. 9.

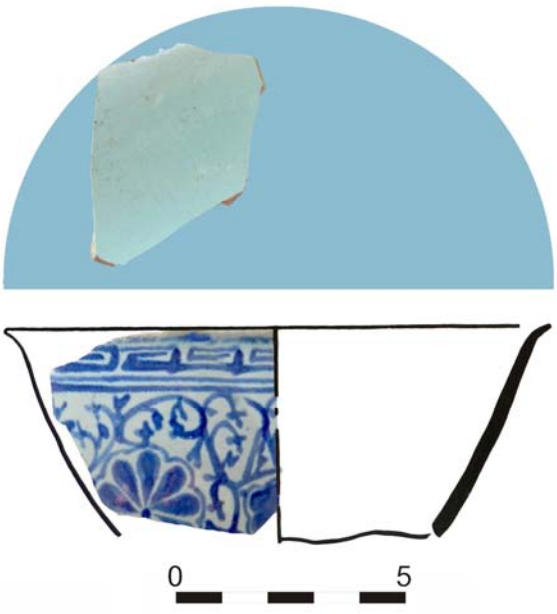

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

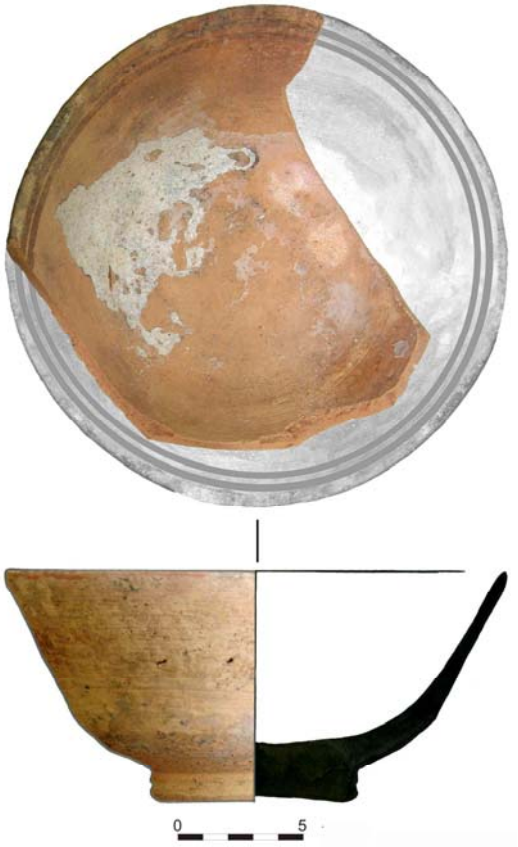

Рис. 13.

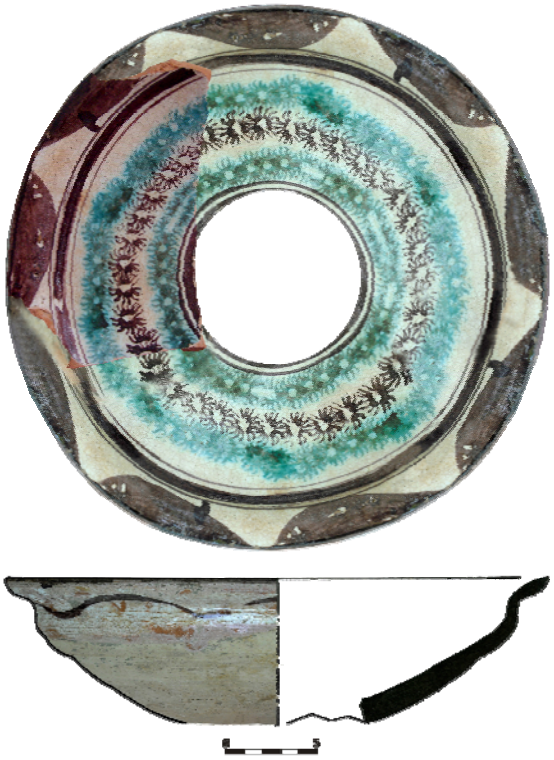

Рис. 14.

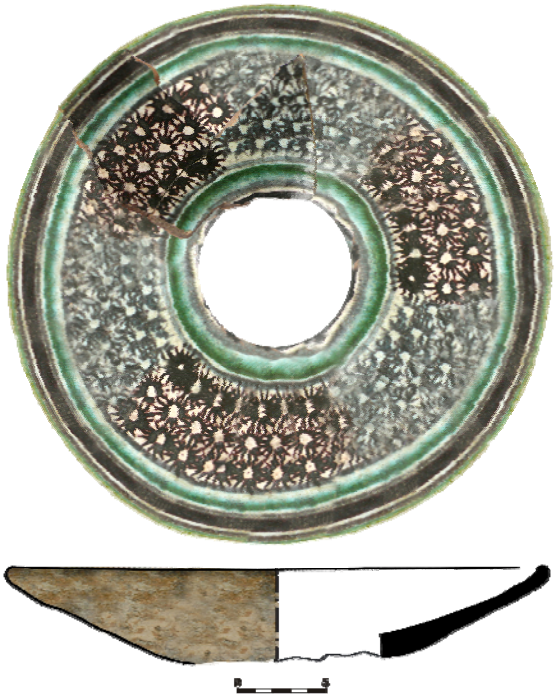

Рис. 15.

13). Орнаментация на внутренней плоскости состоит из двух концентрических полос по венчику и линии «коричневого рта» по закраине, выполненных тёмно-коричневой краской. Ангоб тонкий белый, глазурь тонкая светло-серая, легко отслаивающаяся. По внешней поверхности стенок никаких следов ангобного покрытия, глазури и орнаментации не отмечено (д.в. - 20 см, д.д. - 8,5 см, высота - 8,6 см). В целом, утяжелённость формы, грубоватость изготовления, полное отсутствие декора по внешней и минимальное оформление по внутренней плоскости чаши, указывают на стремление мастеров к максимальному удешевлению его производства, предназначение для широких слоев населения с низкой покупательной способностью и невзыскательным вкусом.

Блюда (табок) составляют вторую по количеству группу столовой глазурованной посуды комплекса. На сохранившихся образцах все они имеют характерные дисковидно-вогнутые донца. Толстые массивные стенки косо отходя от основания переходят в венчик со слегка загнутой внутрь закраиной или отогнутым наружу небольшим бортиком. Тесто черепка, на подавляющем большинстве изделий, красновато-кирпичного цвета. Белым ангобом и прозрачной, с голубоватыми или матовыми оттенками глазурью, покрывалась внутренняя и по венчику или закраине внешняя поверхность посуды. Композиция орнаментации, исходя из формы, делилась на три части: по кругу венчика, изогнутым стенкам и днищу изделия.

Роспись, состоявшая из простейших круговых, волнистых, зигзагообразных линий и штампованных мотивов «басма» широко исполнялась на внутренней плоскости изделий. По внешней, орнаментация из символической волнистой линии располагается лишь по венчику отдельных экземпляров блюд. Краски использовались преимущественно тёмно-коричневых и голубоватых оттенков.

На первом фрагменте стенки, донце не сохранилось (рис. 14). Орнаментация состоит из широких концентрических линий и волнистых овалов по венчику, а по стенкам из чередующихся круговых мотивов басма выполненных голубоватыми и тёмно-коричневыми красками. Диаметр венчика блюда – 30 см, сохранившаяся высота - 8,4 см.

Орнаментация второго блюда близко отстоит от первого (рис. 15). Оно также не имело днища и её декор состоял из нескольких рядов басмы по стенкам, заключенных в концентрические полосы темно-коричневого и голубоватого цветов, располагающихся по венчику и кругу донца (д.в.- 26 см, сохранившаяся высота - 4,5 см).

По венчику внешней поверхности ангоб, полива и волнистая орнаментация присутствуют лишь на первом из них (рис. 14).

Два следующих образца также сохранились фрагментарно (рис. 16, 17).

Но в отличие от первых, по их венчику, наряду с концентрическими полосами, в ленточной окантовке, нанесены зигзагообразные мотивы идентичные орнаментике ряда венчиков чаш. Их диаметры венчиков соответственно достигают 26 и 28 см, сохранившаяся высота 3,5 и 4 см. По внешней поверхности стенок орнаментация отсутствует, но белый ангоб и матовая полива с мелким цеком фиксируются по венчику первого фрагмента.

Следующие три фрагмента от блюд продолжают орнаментальные традиции предшествующих образцов (рис. 18-20). На первом фрагменте, донце имеет дисковидно-вогнутую форму и частично сохранившиеся косо отходящие стенки (рис. 18). Из традиционной трёхчастной композиции орнаментации, по донцу располагаются чередующиеся круговые полосы, а по стенкам стилизованные растительные

побеги со штампованными мотивами басма в резервах, выполнявшиеся чёрными и голубоватыми красками (д.д.-11 см).

На рис. 19 представлено массивное, небрежно исполненное дисковидно-вогнутое донце из желтоватого цвета глины. Орнаментация, нанесенная по белому ангобу, под прозрачной светлой глазурью с мелким цеком, состояла из круговых концентрических полос и штампованного мотива басма, выполненных голубой и коричневой красками (д.д. - 11 см).

Третий фрагмент дисковидно-вогнутого донца блюда был орнаментирован вихревой лепестковой розеткой по центру и окружающих его концентрических линий и ленточных полос с повторяющимися мотивами басма и спиралей (рис. 20). Исполнены они тёмно-коричневой и голубого цвета краской. Последняя, для исключения расплывов, оконтуривалась процарапанными линиями (д.д. - 10 см). Глазурь бесцветная, прозрачная, с мелким цеком. Новшеством в технике исполнения является использование процарапанных линий.

К этой же категории оформления блюд можно отнести два фрагмента с косо отходящими стенками, без днищ, характеризующихся орнаментацией из концентрических ленточных полос, заключавших по ряду повторяющегося штампованного мотива басма (рис. 21-22).

На первом образце (рис. 21) штампованный мотив басма заключенный в концентрические круговые линии проходит по венчику и нижней части стенок, оставляя среднюю свободным белым фоном (д.в. - 27 см, сохранившаяся высота - 5 см). Орнаментация нанесена по тонкому белому ангобу и покрыта бесцветной прозрачной щелочной поливой с мелким цеком. Особенностью техники является монохромная роспись из разных оттенков синеватого цвета.

На втором фрагменте сохранилась лишь часть стенки (рис. 22) с орнаментацией, состоявшей из концентрических круговых ленточных линий, выполненных чёрной надглазурной краской и заключенных в них повторяющихся мотивов басма голубого цвета. Ангоб белый, глазурь бесцветная, прозрачная с мелким цеком не очень хорошего качества (диаметр венчика около 28,8 см сохранившаяся высота -5,6 см). Новшеством является нанесение линий в надглазурной технике.

Тесто черепка на обоих фрагментах красновато-кирпичного цвета, по внешней поверхности оформление полностью отсутствует.

Следующие два фрагмента венчиков по характеру орнаментации отличаются от предыдущих (рис. 23-24). Хотя на первом, общая цветовая гамма и сохраняется (рис. 23), тем не менее, внутри концентрических ленточных линий вместо главного штампованного орнамента на блюдах- «басма» нанесены волнистые стилизованные мотивы. По венчику, это волнистая процарапанная линия обведенная голубой краской, напоминает побег вьюна с тёмно-коричневыми стилизованными трилистниками в резервах. По нижней части венчика, по белому ангобу основы нанесена полоса чёрного цвета. По последней, в технике «кырма», то есть снятием черной краски до белого ангоба, нанесена вторая волнистая линия. По венчику внешней поверхности также проходит полоса с подглазурной волнистой орнаментацией коричневой краской (д.в. - 26 см). Новшеством при изготовлении блюда является техника «кырма», а также широкое использование волнистых линий и, в том числе, с имитацией вьюна.

В отличие от предшествующих образцов, второй фрагмент венчика был покрыт зелёной свинцовой поливой (рис. 24). Тесто черепка имело красновато-кирпичный

цвет, ангоб белый, зелёная глазурь покрывает блюдо и по венчику внешней поверхности. Фрагмент по форме представлял косо отогнутый наружу бортик с гранённым ребром перелома при переходе к стенкам тулова. Орнаментация по бортику состояла из простейших спиралевидных линий, имитировавших, принимая во внимания зелёную поливу, стилизованный растительный декор (д.в.—26 см).

Необходимо отметить, что керамика с зелёно-желтой свинцовой поливой и простейшей процарапанной орнаментацией имитирующей стилизованные растительные мотивы широко использовалась при орнаментации по соседним регионам, но уже ближе к концу XIX века (Мирзаахмедов, 2006. Рис. 17-21).

Для дополнения материалов комплекса, представим ещё одно небольшое блюдо из округи Самарканда (рис. 25). Оно имело дисковидно-вогнутое донце, отходящие косо стенки и слегка отогнутую наружу закраину. Тесто черепка красноватое, ангоб белый, полива коричневого цвета. Композиция орнаментации состоит из круговых ленточных полос делящих блюдо на три части со стилизованной лепестковой розеткой в центре и чередующихся пучков спиралей по венчику выполненных в процарапанной технике.

Орнаментация по внешней поверхности отсутствует (д.д.—4 см, д.в.—24 см, высота—6,2 см). Оригинальным является цветовая гамма поливы свидетельствующая об одновременном бытовании широкого спектра цветов окраски посуды. В нашем комплексе есть лишь небольшой фрагмент стенки с идентичной цветовой гаммой и радиальными процарапанными линиями по белому ангобу подтверждающими отмеченные выше тенденции.

Все вышеперечисленные материалы комплекса, учитывая простоту исполнения, массивность, однотипность орнаментации и цветовой гаммы наносившиеся по внутренней поверхности посуды, указывают на обиходный характер их исполнения, предназначенный для ограниченных возможностей широких слоёв населения.

Исключением, в этом плане, является единственный фрагмент венчика блюда парадного характера с полусферическими стенками переходящими в отогнутый наружу бортик (рис. 26). Тесто черепка красноватого цвета, светло-голубоватой и тёмно-голубоватой прозрачной поливой покрыты обе поверхности изделия. По белому ангобу, в ленточном обрамлении венчика, чёрными контурными и расплывающимися синеватыми линиями нанесены повторяющиеся четырёхлепестковые мотивы. По стенкам блюда, в той же технике, в широкой размашистой форме выполнен цветочно-растительный букет (д.в.—30 см). Покрытие поливой обеих сторон посуды, использование при оформлении контурной чёрной краски для исключения расплывов синеватой и общая нежность цветовой гаммы, указывают на парадный характер его исполнения. Хотя в нашем комплексе он встречен в единственном экземпляре, среди материалов соседней столичной Бухары подобная посуда, с характерной техникой и цветовой гаммой, представлена несколькими сборами, преимущественно из Арка города (Мирзаахмедов, 1990. Рис. 30-33) и датируется в пределах конца XVIII—середины XIX в.

В комплексе наряду с посудой столового характера встречены два предмета специального назначения (рис. 27-28). Это фрагменты подсвечника (шамдон) и тувак (горшочек, являвшийся принадлежностью детских люлек).

Подсвечник изготовлен в форме небольшой тарелочки на дисковидно-вогнутом поддоне и вертикально поднимающегося от центра дна цилиндрического стержня. По внутренней поверхности он покрыт прозрачной матового цвета поливой с мел-

ким цеком, а стенки тарелочки орнаментированы вихревой лепестковой розеткой синеватого цвета (д.д.—8,1 см, диаметр тарелочки—15,2 см, сохранившаяся высота - 7 см). Идентичные, археологически целые формы подсвечников отмечены по материалом Арка Бухары и датируются XIX в. (Мирзаахмедов, 1990. Рис. 47:1,2).

Следующим предметом специального назначения является фрагмент венчика тувака -детского горшочка для люлек, имевших цилиндрическую форму тулова и отогнутый наружу венчик. На сохранившемся фрагменте прозрачной матового оттенка глазурью с цеком покрыта внутренняя и внешняя поверхность изделия. Тесто черепка красновато-кирпичного цвета, ангоб отсутствует. Орнаментация по бортику состоит из простейших пересекающихся дуг чёрного цвета заполненных голубой краской. Внешняя поверхность стенок небрежно оформлена неровным зигзагообразным мотивом тёмно-коричневой краской (д.в.—17 см). Последние, по материалам Бухары, выполнялись мелким зубчатым мотивом по венчику или косыми штампованными насечками по боковым стенкам (Мирзаахмедов, 1990. Рис. 47:4; 59:5).

К особой категории находок из комплекса необходимо отнести два фрагмента стенок привозных тарелочек из фаянса и фарфора (рис. 29, 30). Первый фрагмент донца и стенки выполнен из фаянса (рис. 29), покрыт по внешней поверхности белой, а по внутренней голубоватой глазурью (д.д.—10 см). Второй фрагмент венчика и стенки тарелочки выполнен из фарфора (рис. 30). Покрыт по внешней поверхности белой, а по внутренней из разводов голубой и белой глазури (д.в.—15 см).

Исходя из форм, характера оформления, фаянсового или фарфорового состава теста, представленные фрагменты тарелочек часто встречаются среди материалов Бухары второй пол. XIX в. При этом, среди материалов конца XVIII – началаXIX вв. из предметов импорта выделяется китайский фарфор (Мирзаахмедов, 1990. Рис. 51), начиная же со второй половины XIX века нарастающим количеством характеризуется фарфоро-фаянсовая посуда русских заводов.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что впервые по материалам Самарканда получен комплекс керамики состоящий из столовой посуды и изделий специального назначения характеризующих формы и особенности декора одного из ведущих центров гончарства Узбекистана при переходе от позднего средневековья к Новому времени. Наличие в комплексе фрагментов тарелочек из фаянса и фарфора русских заводов, фрагмента венчика риштаноидной чаши с хорошо известной цветовой гаммой под селадоны и орнаментальными мотивами, а также форм и декора этнографически близких нам по времени чаш (коса), блюд (табок), подсвечника (шамдон) и тувака безусловно датирует комплекс третьей четвертью XIX в. Вместе с тем, практически полное отсутствие в комплексе чаш и блюд со свинцовой, растекающейся поливой в зелёно-жёлтой гамме и простейшей стилизованной процарапанной орнаментацией, отсутствие форм ляган - указывает на то, что он не может быть отнесён к концу XIX началу XX веков. Особенно выразительно в комплексе представлены наиболее употребительные в быту формы чаш и блюд.

Чаши являясь посудой индивидуального назначения, предназначенной для жидких видов пищи- с приподнятой ножкой, объемным полусферическим туловом и изящно отогнутой наружу закраиной венчика наиболее близки современным формам коса. Полное перенесение орнаментации на внешнюю плоскость чаш, при белой, художественно чистой внутренней поверхности, также соответствует современным требованиям менталитета.

Вместе с тем, наличие по внутренней закраине венчика небольшого вдавленного

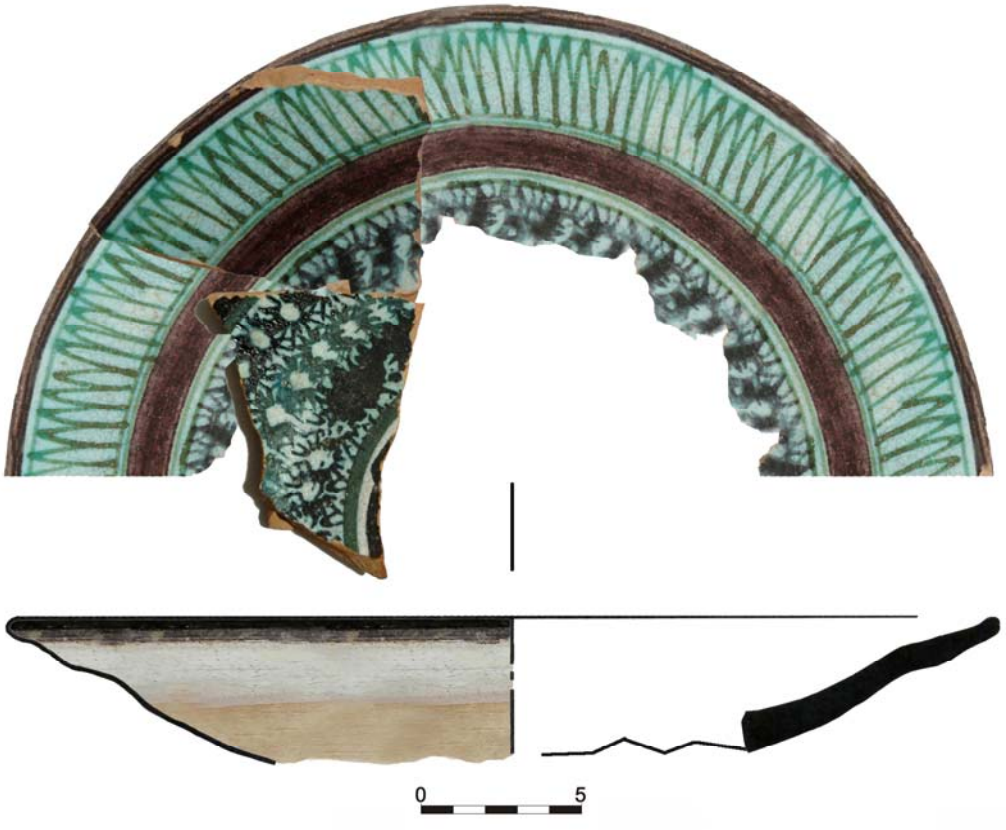

Рис. 16.

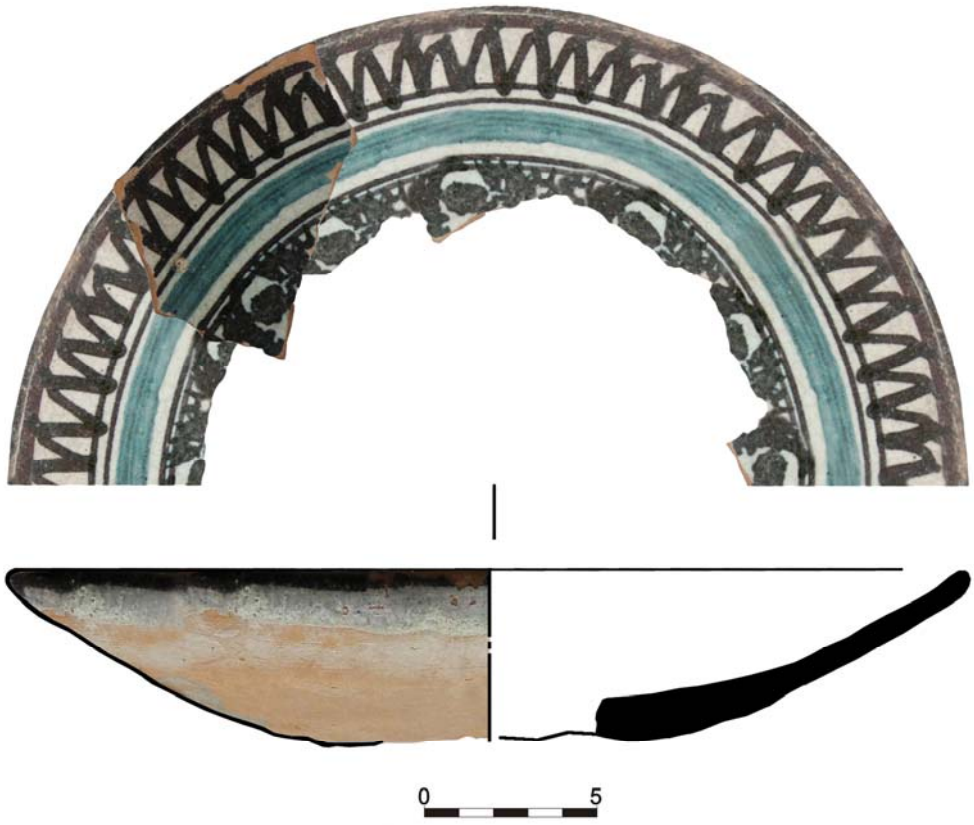

Рис. 17.

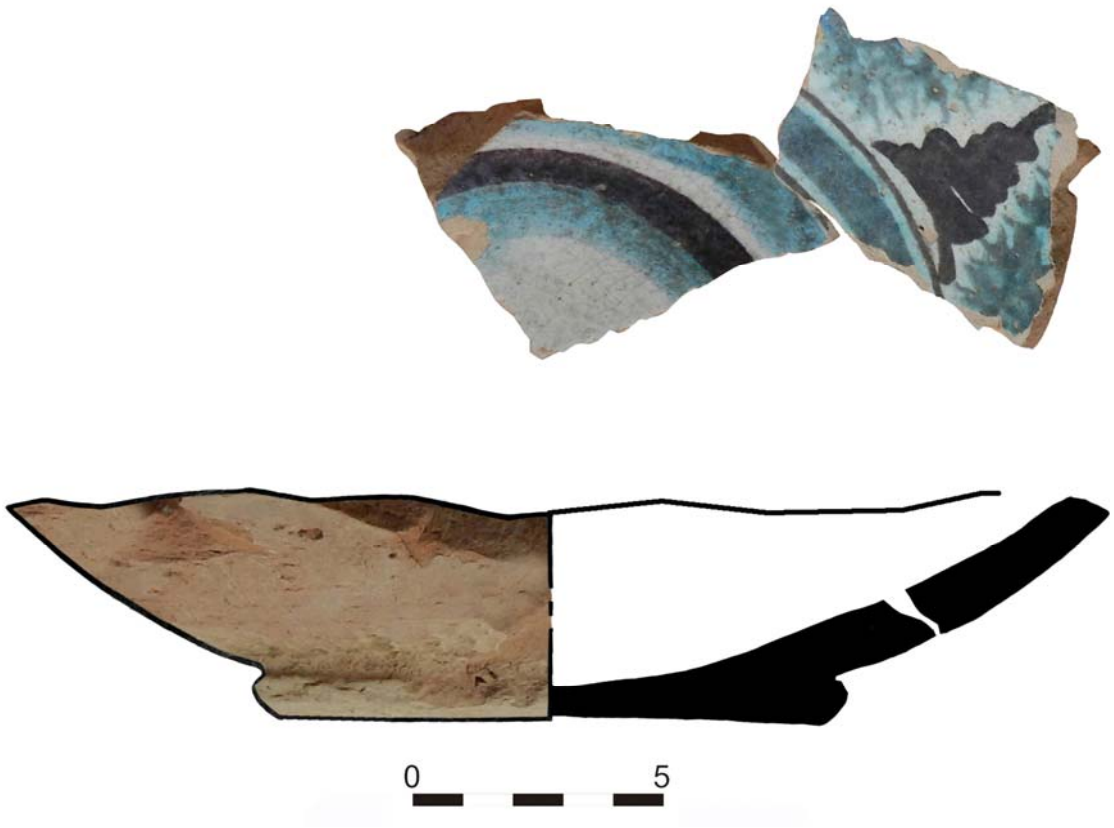

Рис. 18.

Рис. 19.

Рис. 20.

Рис. 21.

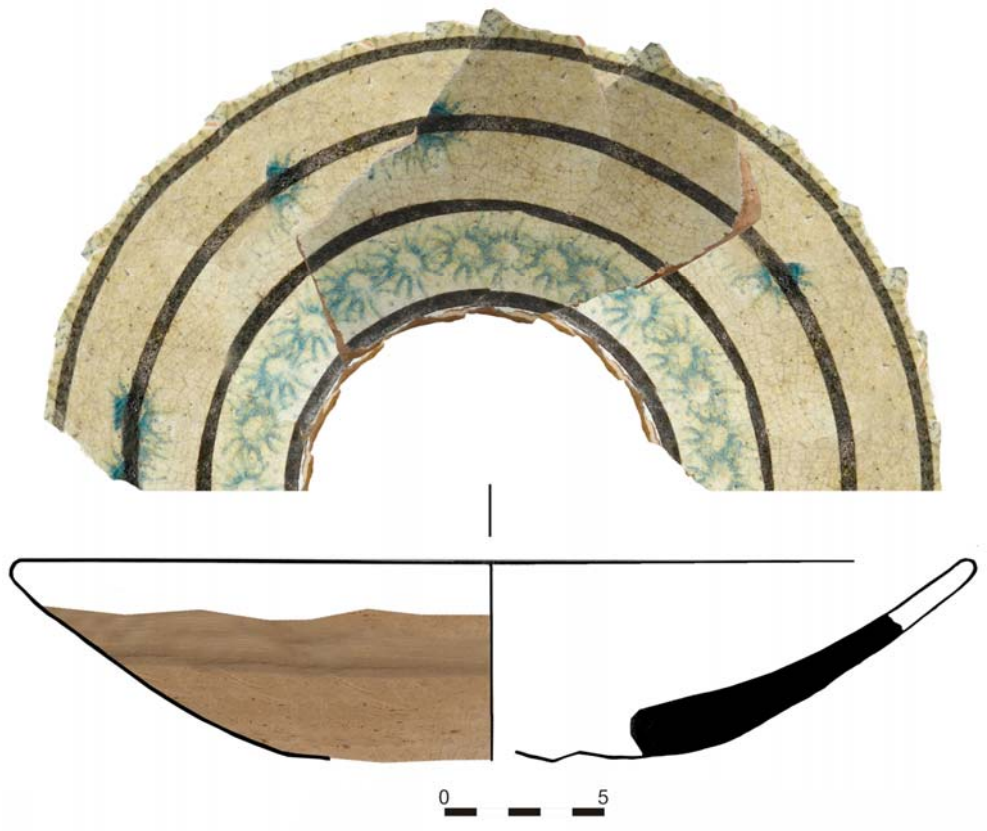

Рис. 22.

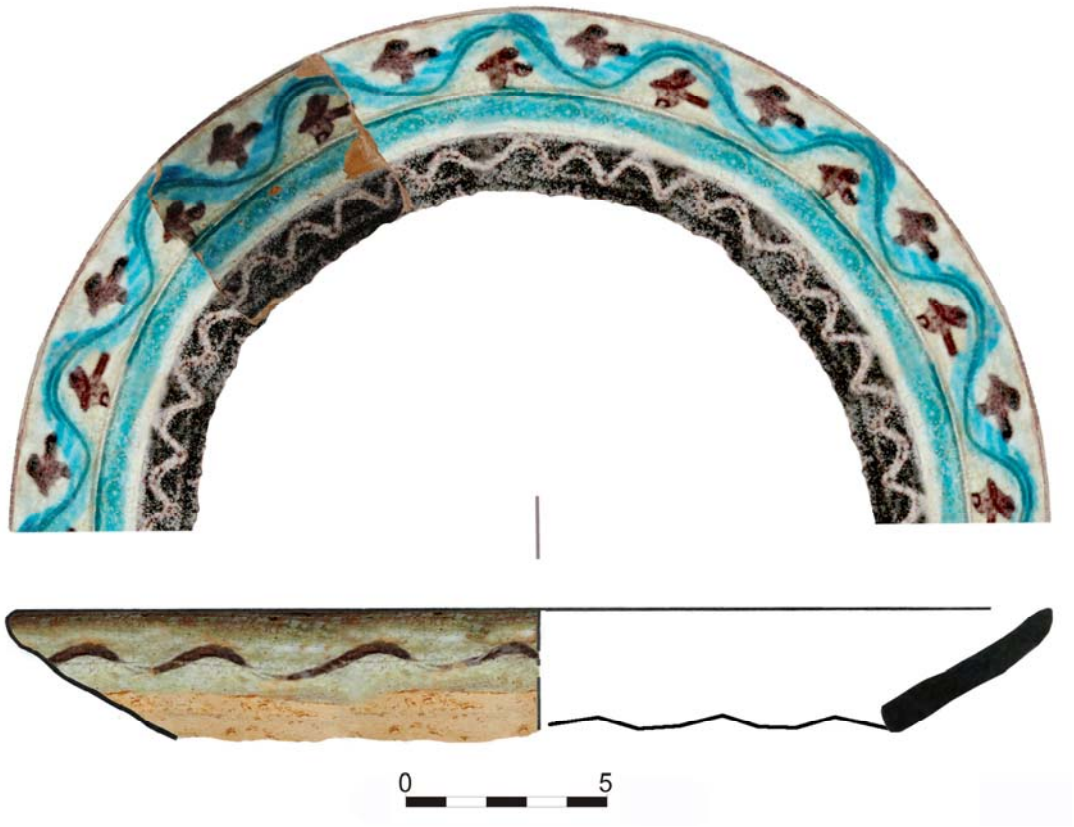

Рис. 23.

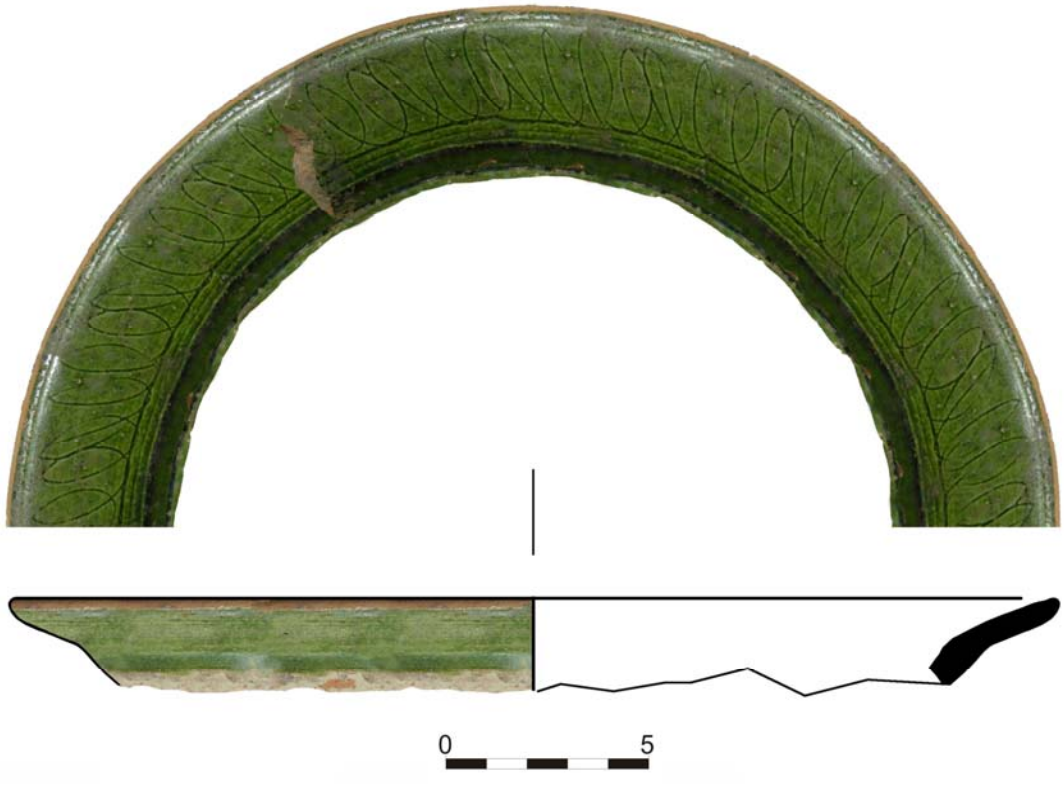

Рис. 24.

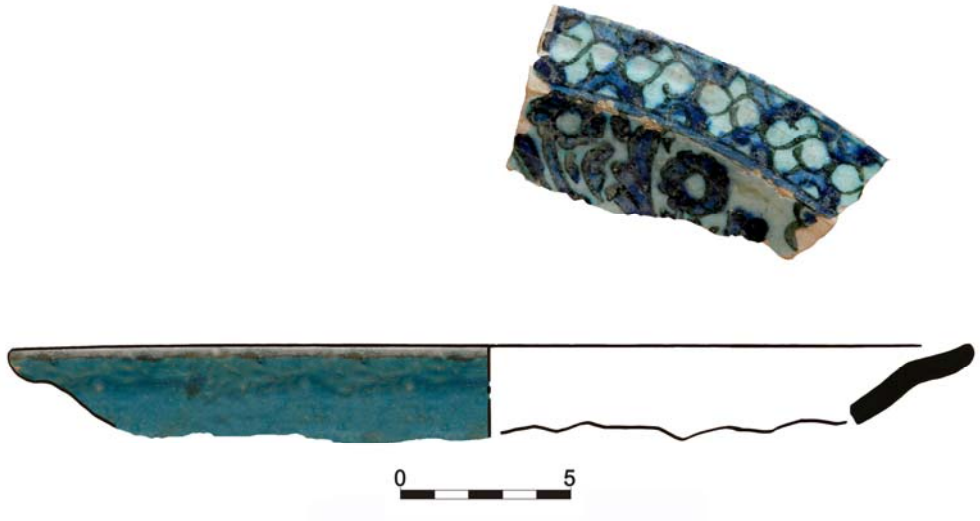
Рис. 25.

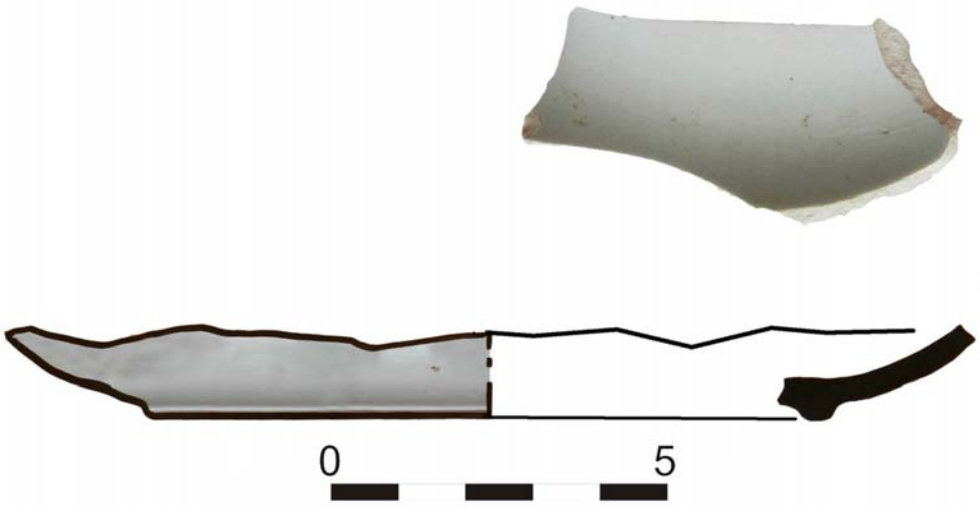
Рис. 27.

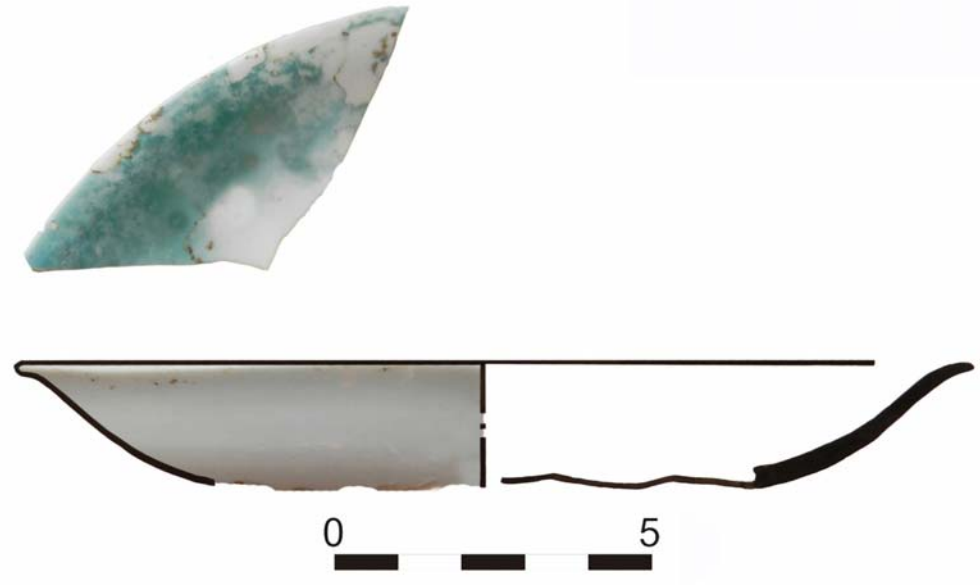
Рис. 28.

Puc. 29.

Puc. 30.

Puc. 31.

желобка для декантации, удобное при переносе и употреблении жидких видов пищи, было бы, безусловно, полезно ввести в современные стандарты подобных форм посуды.

Переходя к образцам блюд необходимо отметить, что в их формах с небольшим донцем, косыми стенками, полным отсутствием или слабо выраженным отгибом бортика наружу, мы наблюдаем их значительное отставание от современных, сформировавшихся образцов блюд – ляган, приземистой, с плоским основанием формой. Тем не менее, они, видимо, в значительной степени отвечали требованиям культуры питания своей эпохи в Самарканде. При этом полностью соответствуя в характере основных видов декора с образцами по соседним регионам - массовым использованием мотивов басма.

В целом, необходимо подчеркнуть, что подавляющая масса посуды комплекса выполненная на основе глинистого черепка, с простейшими зигзагообразными мотивами на чашах, штампом «басма», заключенных в круговые концентрические ленточные линии по плоскому дисковидно- вогнутому донцу основы блюд, представляла собой образцы столовой посуды обиходного назначения использовавшегося, тем не менее, в каждодневном быту основной массы населения края.

Будучи полученными из одной мусорной ямы, материалы комплекса, безусловно, дают представление о характере столовой посуды одной семьи, где роль парадных изделий могли выполнять отмеченные выше тарелочки из фарфора, фаянса, а также образец риштаноидной чинни выполненный из белого кашина, Последняя, как и большинство остальных видов чаш, в большей или меньшей степени, исполнялись в подражание образцам китайского фарфора, считавшихся на всем протяжении средневековья эталоном совершенства.

Использованная литература:

Виноградова Н.А. Искусство средневекового Китая. М., 1962.

Вестфален Э.Х., Кречетова М.Н. Китайский фарфор. Л., 1947.

Мирзаахмедов Д.К., Матбабаев Б.Х., Султанова М.Н. Средневековая керамика Андижана // Археология Узбекистана. №1, Самарканд, 2010.

Мирзаахмедов Д.К. К истории художественной культуры Бухары. Ташкент, 1990.

Мирзаахмедов Д.К. Новые позднесредневековые археологические комплексы по материалам Бухары//Древняя и средневековая культура Бухарского оазиса (Материалы конференции по результатам совместных Узбекско-Итальянских исследований в археологии и востоковедении). Самарканд-Рим, 2006.

Головин. Кустарные промыслы Туркестана// Туркестанский сборник. Том 512. Ташкент,1909.

Кальтер Й., Павалой М. Наследники Шёлкового пути. Узбекистан. Штутгард,1997.

Мирзаахмедов Д., Ахраров И. Керамика риштанского типа из Бухары второй половины XIX в. // ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.

Шпенева Л.Ю. Изображения на медных монетах династии Джанидов // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура. (Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию Г.В. Шишкиной). М., 2010.

АХБОРОТ

ХРОНИКА

"ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ҲУДУДИДА 2011 ЙИЛДА ЎТКАЗИЛГАН АРХЕОЛОГИК ТАДҚИҚОТЛАР НАТИЖАЛАРИГА БАҒИШЛАНГАН ҲИСОБОТ СЕССИЯСИ" ҲАҚИДА

(Самарқанд, 5-6 апрел, 2012 йил)

Республикамиз ҳудудида ҳар йили ўтказиладиган археологик тадқиқотлар натижаларига бағишланган йиллик ҳисобот сессияси мунтазамликни касб этиб, анъанавий тусни олмоқда. Зеро, бундай анжуманларда археологларнинг ўзаро фикр алмашиши, янги материаллар билан танишиши, уларнинг муҳокамаси ва таҳлили, археология ёдгорликларини муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш каби долзарб масалалар бўйича мулоҳазалар Ўзбекистон Археологияси тараққиёти учун ҳар томонлама фойдалидир.

Шу муносабат билан ЎзР ФА Археология институти дирекцияси, "Дала тадқиқотлари қўмитаси" ташаббуси ва ташкилотчилиги, Ўзбекистон Республикаси Маданият ва спорт ишлари вазирлиги қошидаги Маданий мерос объектларини муҳофаза қилиш ва улардан фойдаланиш илмий ишлаб чиқариш бош бошқармаси ҳамкорлигида жорий йилнинг 5-6 апрел кунлари 2011 йил археологик дала мавсуми натижаларига бағишланган ҳисобот сессияси ўтказилди.

Археология институти директори, т.ф.н. А.Э. Бердимуродов йиллик ҳисобот сессиясини очиб 2011 йилда мамлакатимиз ҳудудида ўтказилган археологик тадқиқотлар, уларнинг асосий натижалари, илмий янгиликлари ҳақида қисқа маъруза қилди. Шунингдек А.Э. Бердимуродов, анжуман муқаддимасида 2011 йил тадқиқотларига бағишланган, сессия арафасида нашрдан чиққан "Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар – 2011 йил" ("Археологические исследования в Узбекистане – 2011 год") йиллик тўпламининг навбатдаги 8-сони билан сессия қатнашчиларини таништирди.

Т.ф.д., профессор В.Н. Ягодин раислигидаги эрталабки мажлисни, Ўзбекистон палеолитига оид ёдорликларда олиб борилган қазув тадқиқотлари ҳисоботи билан бошланди. Жумладан, М. Хўжаназаров Қизилқум ҳудудидаги Аякагетма (Навоий вилояти) Н. Холматов Қоратоғдаги Очилғор (Самарқанд вилояти) тош асри ёдгорликларида ўтказилган қазув тадқиқотлари бўйича ҳисобот бердилар.

Археология тадқиқотларининг муайян қисмини хўжалик шартномаси,давлат буюртмаси асосидаги ишлар ташкил қилади. Ўтган 2011 йилда бу турдаги ишлар Наманган вилоятидаги Эски Ахси, Фарғона вилояти Қўқон шаҳри ва унинг атрофидаги ёдгорликларда ўтказилган археологик изланишлар бўйича отряд раҳбари А. Анорбоев ҳисобот берди. Ҳисобот мазмунига кўра, Қўқондаги Тепақўрғоннинг стратиграфияси ўрганилиб унга кўра, шаҳар ёши 2000 йилдан кам эмас эканлиги аниқланган. Шунингдек, отряд таркибидаги сайёр гуруҳ (Б. Сайфуллаев) томонидан Сўх дарёси ҳавзасидаги Сариқўрғон ва Жонобод мавзеларидан Фарғона водийсида илк маротаба сўнгги палеолит даврига оид сочма материаллар топилгани 2011 йилдаги илмий янгиликлардан бири бўлганлиги

таъкидланди.

Т.ф.н. А. Анорбоев раислигида ўтган кечки мажлисда асосан халқаро экспедициялар ҳисоботи тингланди. Маълумки, айни пайтда халқаро қўшма экспедициялар чекига республикамизда ўтказилаётган қазув тадқиқотларининг сезиларли қисми тушмоқда.

Кечки мажлисда Қашқадарё вилоятидаги Сангиртепа (М. Ҳасанов, Ф. Грене), Самарқанд вилоятидаги Добусия (А. Бердимуродов, У. Такао), шу вилоят ҳудудида ўтказилган қидирув ишлари (А. Бердимуродов), Сурхондарё вилоятидаги Жарқўтон (С. Мустафақулов, Х. Бендезу), Бухоро вилоятидаги Пойкент (А. Райимқулов) ёдгорликларида ўтказилган изланишлар бўйича ҳисобот берилди. Шунингдек, мажлисда ҳисоботларнинг салмоқли қисми Хоразм археологиясига бағишланди. Хусусан, В.Н. Ягодиннинг Ақшахан қалъада, С.Р. Баратовнинг Мешекли, М.-Ш. Қдирниязовнинг Миздаҳкан ёдгорликларида олиб борилган қазишмалар бўйича қилган маъруза - ҳисоботлари сессия қатнашчиларида катта қизиқиш уйғотди.

Т.ф.д. М.Ҳ. Исомиддинов раислигида ўтган эртаси кунги (6 апрел) мажлиснинг кундузги қисмида Жиззах вилоятидаги Қизлартепа (М. Пардаев, И. Убайдуллаев), Култепа (А. Грицина), Сурхондарёдаги Таллитоғоратепа (К. Абдуллаев, Т.Аннаев), Фарғонадаги Қува шаҳристони (Г. Иванов) ўтказилган тадқиқотлар ҳисоботи берилди. Эрталабки ва кечки мажлислар сўнггида ҳисоботлар муҳокамасига кенг ўрин берилди. Муҳокамаларда етакчи археологлардан В.Н. Ягодин, М.Ҳ. Исомиддинов, А.А. Анорбоев, А.Э. Бердимуродов, Б.Ҳ. Матбобоев, М. Хўжаназаров ва бошқалар қатнашдилар.

Илмий ҳисобот сессияси сўнггида Археология институти дала тадқиқотлари қўмитасининг ҳисоботи (М. Пардаев) тингланди. Ҳисоботга кўра, 2011 йилда республикамиз ҳудудида археологик тадқиқотлар ўтказиш учун 37 та "Рухсатнома", "Очиқ варақа" берилган. Шундан, 32 та отряд "Рухсатнома" бўйича изланишлар ўтказган. Сессия ишида 21 та отряд 21 та бошлиғи ўз ҳисоботи билан қатнашди. Ҳисобот сессияси ташкил этилган кунга қадар 12 та ҳисобот (матн, фотосурат, чизмалар билан) дала тадқиқотлари қўмитасига топширилган. Лекин аксарият ҳисоботларда топилмаларни давлат сақловига топширилгани ҳақидаги далолатнома, топилмалар рўйхати мавжуд эмас, ёдгорликларни муҳофаза зонаси харитада белгиланмаган.

Илмий ҳисобот сессиясининг якуний хужжатлари хулосасида республикамизнинг барча вилоятлари ва Қорақалпоғистон Республикасида қонуний ва режали асосда ўтказилган археологик тадқиқотлар натижалари қониқарли деб топилди. Якунда археология ёдгорликларини асраш ва улардан фойдаланиш бўйича бир қатор таклиф ва мулоҳазалар сессия қарорига киритилди.

М. Пардаев

ЯНГИ КАШФИЁТ

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

НОВЫЕ НАХОДКИ БУДДИЙСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ В ОКРУГЕ ЗУРМАЛЫ

© 2012. К. Абдуллаев, Т. Аннаев
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

20 апреля 2012 года во время обзора окрестностей Зурмалы для последующей работы по определению охранной зоны памятника сотрудником Института археологии АН РУз Т. Аннаевым и студентами исторического факультета Термезского государственного университета была найдена каменная скульптура буддийского типа. Первая находка была зафиксирована в 500 м к югу от Дворца правителей Термеза недалеко от коллектора, который был вырыт для сбора стекающих с полей вод. Судя по условиям находки, не исключено, что скульптура попала сюда в процессе дренажных работ, проводимых при помощи современной техники. Во всяком случае, какого-либо сопровождающего материала или культурного слоя на месте находки обнаружить на тот момент не удалось.

Вторая находка, представляющая собой архитектурный декоративный элемент из камня, была обнаружена примерно в 400 м к югу от Зурмалы. Эту территорию занимают хлопковые поля, вплотную примыкающие к памятнику. После обнаружения скульптуры были доставлены в Термезский археологический музей, где хранятся в настоящее время.

Обе скульптуры изготовлены из породы белого камня – разновидности известняка. На месте свежих сколов можно видеть плотную кристаллическую структуру белого цвета с легким желтоватым отливом. Из этой излюбленной древними скульп-

Рис. 1

торами породы камня изготовлены, за редкими исключениями, почти все найденные на территории городища Старого Термеза и других объектах Северной Бактрии скульптурные рельефы, круглая скульптура и элементы архитектурного декора. Одним из известных карьеров для добычи камня этой породы является Орлиная сопка (Ходжа Гульсуар), который наиболее интенсивно разрабатывался в кушанский период (Массон, 1933. С. 10-15; Ставиский, 2001. С. 52-54). Минералогический анализ показал, что порода состоит в основном из кальцита (CaCo3) с незначительной примесью (1%) глины, что не позволяет его отнести к разряду мергелистого известняка (Агеева, Белозерова, 1982. С. 95).

Рис. 2.

Первая находка представляет собой парную композицию, изваянную из цельного куска камня в сложном пространственном ракурсе – первая фигура почти заслоняет вторую. Персонаж переднего плана вырезан в технике горельефа, между тем как вторая фигура, расположенная за спиной первой и возвышающаяся над ней – по всей видимости, она стоит выше, во втором ярусе, выполнена в технике барельефа. Скульптура сохранилась не полностью – отколоты верхняя часть задней фигуры, руки и голова переднего персонажа, а также нижняя часть композиции вместе со ступнями. Сохранившаяся высота композиции 75 см, ширина 40 см.

Передняя фигура с обнаженным торсом и двойным украшением представляет, по всей видимости, одного из главных персонажей композиции. Об этом может свидетельствовать нимб в виде круглого диска, на фоне которого была изваяна голова (рис. 1). От сбитой головы сохранился лишь абрис примыкавшей к плоскости нимба части головы, которая была, очевидно, также изваяна в горельефе. На шее ожерелье в виде трех параллельных рельефных полос, плотно примкнутых друг к другу, передающих украшение типа пекторали. По центру украшения прямоугольный рельеф – аграф. Возможно наличие и второго нагрудного украшения, на которое указывают едва сохранившиеся линии, проходящие между грудями. Трудно сказать с уверенностью о положении утраченных рук персонажа, однако, судя по сколам, можно предположить, что правая рука, согнутая в локте, передавала определенный жест (мудра). Рельеф, следующий от левого плеча персонажа под острым углом,

скрыт под складками плаща - утарья. Последний окутывает плечи также со спины, здесь он показан в виде пяти горизонтальных складок, как бы находящих друг на друга. Далее плащ проходит подмышкой вниз и показан в этой части длинными вертикальными складками. Другая часть плаща драпируется с правого бока фигуры. Торс обнажен, набедренная одежда представлена паридханой, подпоясанной двойным кушаком, показанным двумя параллельными рельефами. По центру они завязаны в два узла или продеты в два кольца, вниз от которых спадают концы, оформленные в виде кисточек. Над кушаком виден присборенный ровными частыми складочками край паридханы (вероятно, собраны на невидимый под кушаком шнурок). Из-под кушака складочки продолжаются сначала вниз, потом закругляются к бокам фигуры в ровные дуги, расположенные одна над другой. Такой рисунок драпировки четко виден у правого бедра фигуры (слева для зрителя). В центре фигуры складки идут пучком вниз, и лишь на уровне ниже колен радиально расходятся к бокам. Складки на левой, слегка согнутой и выдвинутой вперед ноге, показаны несколько иным образом. Здесь рисунок драпировки усложняется свисающими внутренними частями складок. Они видны слева от центральной оси – три вытянутых треугольника один над другим. У левой щиколотки внутренние части встречных складок свисают ниже края одеяния, образуя нечто вроде бантов – таких «бантов» тоже три. Ступни ног отколоты, так что трудно определить, были ли они босыми или обуты в сандалии. Обнаженный торс персонажа с чуть выступающим животом трактован без моделировки мускулов.

Фигура второго персонажа, выступающего за спиной передней фигуры, как отмечалось выше, изваяна в низком рельефе. Верхняя часть отколота, но можно видеть украшение аналогичной с предыдущим персонажем формы. Правая рука с отколотой кистью прижата к груди. Ниже согнутой руки можно видеть ряд горизонтально расположенных округлых бляшек, возможно, передающих пояс (рис. 1). Левая рука с тонкими, отстоящими друг от друга пальцами, сжимает округлый предмет (плод?). Запястье охвачено браслетом, форма которого во многом напоминает шейное украшение – пектораль с тремя трубчатыми кольцами, соединенными в центре к прямоугольной бляшке (рис. 2). Выше браслета боковая поверхность руки сколота, утрачены локоть, предплечье и плечо.

Фигура облачена в длинное платье, складки которого показаны редкими свисающими и закругляющимися внизу складками. От запястья вертикально вниз спадает крупная складка (плащ, накидка, покрывало? – скол поверхности руки мешает определить точнее). В нижней части фигуры из-под округлых складок выступают вертикальные складки другого более длинного платья. На груди крупная приспущенная складка, образующая округлый вырез. По краю этого выреза следует ряд крупных округлых перлов. Такие же перлы следуют по внешнему краю шейной пекторали, то есть пектораль дополнена нагрудным ожерельем. По форме многослойного драпированного одеяния, изяществу длинных тонких пальцев можно с большой долей уверенности определить, что это женский персонаж с дарственным атрибутом – донатриса.

В целом сохранившийся фрагмент, по всей вероятности, передает часть многофигурной композиции, в которой фигуры располагались в несколько ярусов. Об идентификации передней фигуры из-за фрагментарности говорить затруднительно, наличие нимба за головой может указывать на важность и высокий статус персонажа композиции. Можно было бы предположить, что это изображение бодхисатвы,

Рис. 3.

однако полной уверенности не возникает из-за некоторой тяжеловесности фигуры и относительной обобщенности отдельных элементов, включая трактовку обнаженного торса. Говорить уверенно можно лишь о буддийском характере скульптуры, представлявшей, по всей вероятности, композицию с донаторами и другими персонажами буддийского пантеона.

Не меньший интерес вызывает вторая находка, найденная в окрестностях Зурмалы. Она представляет собой каменный блок размерами 37x27,5x16,5 см. В довольно низком рельефе изваяно изображение пилястры. Ее верхняя часть, которая должна была изображать капитель, отбита полностью. В этой части сохранились лишь линии ступенчатой формы, передающие нижнюю часть капители. Судя по характеру скола, верхняя часть имеет заметное расширение. Четко прослеживается горизонтальная линия нижней грани. В нижней части каменного блока также имеется рас-

Рис. 4.

ширение, означающее, по всей очевидности, базу пилястра в виде ступенчатого плинта. Между «капителью» и «базой» следует ствол пилястры. Ствол пилястры украшен слабовыраженной филенкой, подчеркнутой планкой по периметру. В нижней части она соединяется под прямым углом. В верхней части филенка имеет острые углы, которые, смыкаясь, образуют полукруг по типу полумесяца. На фоне этой филенки изображена стоящая фигура, предположительно Будды. Изображение сильно повреждено, можно лишь сказать о длинном одеянии. Согнутые в локтях руки прижаты к груди и, скорее всего, передают определенный жест (мудра). За головой широкий плоской формы нимб. Возвышающаяся шишка на макушке головы также свидетельствует в пользу определения персонажа как Будды (?).

Подобные блоки с изображением пилястры - довольно распространенный прием в декорировке буддийских культовых сооружений, как например, ступа. В особен-

ности этот прием показателен в гандхарской скульптуре (Tissot, 1985. Pl. XIII, 7-10), причем изображение пилястров используется не только при оформлении ступа, но и других культовых предметов. Как правило, пилястры ритмично делят пространство каждой стороны ступа, между ними заключены либо свободные пространства, либо рельефные композиции, рисующие различные сюжеты и эпизоды из жизни Будды или других персонажей буддийской мифологии. Подобный прием в декоративном оформлении ступа и другой культовой архитектуры получил развитие и в Бактрии. Аналогичную форму филенки на пилястре можно видеть, к примеру, на монументальном сооружении эпохи кушан в Бактрах (Тепе Зарагаран), причем пилястра была обнаружена in situ вплотную к стене; другой фрагмент, происходящий из того же памятника, представляет верхнюю часть пилястры с глубокой филенкой с заостренными и подчеркнутыми концами, образующими полумесяц (Bernard, Jarrige, Besenval, 2002. P. 1393-1395, fig. 8a, 8b). Пилястры с псевдокоринфской капителью и базой аттической профилировки украшают так называемую «буддийскую платформу» на Сурх Котале. На стволе пилястры вытянутой формы филенка с прямыми углами в нижней части и острыми углами, образующими полукруг в верхней части (Bernard, Jarrige, Besenval, 2002, fig. 9).

Подобные элементы архитектурного декора характерны и для правобережной Бактрии. В частности, пилястрами, поддерживающими своды арок оформлены нижняя часть платформы ступа (пом. 11), а также проходы западной стены храмового двора на Каратепа (Пидаев, Като Кюдзо, 2004. С. 147, 153-154, рис. 4; Мкртычев, 2002. Рис. с. 104). В большинстве случаев пилястры орнаментированы по центру филенчатой резьбой. Этот мотив орнаментации встречается также и на деталях углового оформления, в этом отношении показательны находки на Каратепа (Ставиский, 1969, рис. 37, А) и Айртаме (Тургунов, 1973, рис. 9).

На блоке, найденном близ Зурмалы, на фоне пилястры изображена фигура (Будды?). В гандхарском искусстве встречаются аналогичные изображения на фоне ствола пилястры (Tissot, 1987. Fig. 89), однако зурмалинский образец демонстрирует еще один вариант этого мотива. Особенность этого варианта заключается в том, что фигура изображена не просто на фоне ствола пилястры, а в пространстве вертикальных линий филенки, как бы образующих проем, отдаленно напоминающей дверной.

Находка этого блока имеет исключительное значение для изучения буддийской культуры в округе Термеза и в особенности Зурмалы. Это еще одно свидетельство того, что сама ступа Зурмала могла быть украшена каменными рельефами; кроме того, могли существовать и другие культовые объекты буддийского характера, расположенные в непосредственной близости от этого главного культового сооружения. Каменный блок, украшенный изображением пилястры и божества по центру, по всей вероятности, являлся элементом декорировки платформы ступы или другого культового сооружения. Как демонстрируют архитектурные памятники Бактрии и Гадхары такие пилястры в большей мере выполняют декоративную функцию. Они ритмично делят пространство внешнего фаса на равные промежутки (Сурх Котал), иногда несут на себе своды арок, под которыми заключаются персонажи, как правило, буддийского характера. На гандхарских рельефах подобные пилястры разделяют многофигурные композиции или отдельные персонажи.

Следует отметить и другую ранее опубликованную находку (Пидаев, 1996) с многоярусными мотивами буддийского характера (Пидаев, 1996; Абдуллаев К.,

2000. Рис. 2), представлявшую антаблемент культового сооружения. Этот рельеф был найден случайно на хлопковом поле неподалеку от Зурмалы, и также может иметь прямую связь с этим памятником.

Одним из первых, кто еще в конце XIX века обратил свое внимание на этот памятник «до-мусульманского» периода, был И.Т. Пославский, оставивший краткое описание в своей статье и отметивший Зурмалу в составленной им схематичной карте под названием «Катта-Тюпе» (Пославский, 1896; Денике, 1927. С. 9).

Важность изучения Зурмалы отметил еще Комитет по изучению Средней и Восточной Азии в постановлении от 1911 года. По предложению С.Ф. Ольденбурга и В.В. Бартольда, для изучения древностей Термеза и его округи был послан специалист, сочетающий в себе качества инженера-топографа и санскритолога, однако эта командировка оказалась безуспешной. Следующая командировка военного топографа Н.И. Нехорошева из Ташкента в Термез с той же целью также не имела успеха. Наконец, в 1926 году Музеем Восточных культур совместно с Средазкомстариса и Самкомстариса была организована экспедиция, возглавленная проф. Б. Денике. В результате исследования руин древнего города было обращено внимание на холм Чингизтепа, а сотрудником А.С. Стрелковым была исследована башня Зурмала, которая была определена как буддийская ступа (Денике, 1927. С. 9-18; Стрелков, 1927. С. 27-30; Стрелков, 1928. С. 41-47).

Изучение Зурмала, судя по публикации А.С. Стрелкова, заключалось в проведении визуального обследования памятника с предварительными обмерами сохранившихся его частей.[9] Высота его к тому времени достигала от 12 до 13 м. Автор отмечает, что сооружение воздвигнуто из «очень хорошо просушенного сырцового кирпича, залитого лессовой глиной», размер кирпича 30х30х4,5-5 см (Стрелков, 1927. С. 27). Было отмечено наличие «перпендикулярно идущих, по-видимому, доходящих до его середины коридоров». Подобная конструктивная особенность Зурмалы послужила для Стрелкова одним из аргументов в пользу того, что это не типичный для мусульманских архитектурных сооружений элемент, а скорее всего буддийский ступа.

В 60-ые годы XX века Зурмала изучала группа специалистов под руководством Г.А. Пугаченковой (Пугаченкова, 1973). В юго-западном и северо-западном участках памятника были заложены стратиграфические шурфы для определения времени его возведения. Археологический комплекс, полученный в ходе зачисток и шурфовок, показал, что сооружение относится к эпохе Великих Кушан (Пугаченкова, 1973. С. 100). В ходе исследования удалось подтвердить точку зрения, высказанную Стрелковым, что Зурмала является буддийским ступа. По словам Г.А. Пугаченковой: «Здание представляет собой огромный башнеобразный сырцовый монолит, давно утративший многие участки своих наружных кладок. Ее цилиндрический массив покоился на прямоугольном подиуме (22х16 м при высоте 1,40 м), ориентированном по странам света, заметно выступавшем с южной стороны и лишь на 50-70 см с западной и восточной относительно круглого тела постройки (диаметром 14,50 м)».

Датировка Зурмала была определена на основе анализа археологического материала, полученного в северо-западном шурфе (фрагменты тонкостенных бокалов с ярко-красным ангобом), а также прилегающих участков (фрагменты бокалов на полой ножке конической профилировки). С прилегающих к памятнику полей был также собран подъемный материал, включающий детали внешних облицовок, блоки,

фрагменты карнизов, тяг, детали скульптур из известняка. Здесь же вблизи сооружения был обнаружен фрагмент карниза на дентикулах. Особо следует выделить находку, осуществленную в еще более ранний период – до работ группы Г.А. Пугаченковой – это барельеф с сильно поврежденной поверхностью с изображением бодхисатвы (Пугаченкова, 1973. С. 102).

Тем не менее каких-либо стационарных раскопок для определения границ и исторического ландшафта памятника Зурмала до настоящего времени не проводились. Последние находки каменной скульптуры и элементов архитектурного декора на близлежащих участках памятника говорят о насущности археологического исследования Зурмалы – памятника буддийской культуры, имеющего выдающееся значение в истории древнего Термеза и его округи.

Использованная литература:

Абдуллаев К. Буддийские традиции в пластическом искусстве Северной Бактрии // Индия и Центральная Азия. Ташкент, 2000.

Агеева Э.Н., Белозерова Г.Е. Известняки в памятниках Термеза и его округи//Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1982.

Денике Б. Экспедиция Музея Восточных культур в Термез // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур. М., 1927.

Массон М.Е. Находка фрагмента скульптурного карниза первых веков н.э. Ташкент, 1933.

Мкртычев Т. Буддийское искусство Средней Азии. I-X вв. М., 2002.

Пидаев Ш.Р. Новые детали каменной с городища Старого Термеза // Буддийские комплексы Каратепе в Старом Термезе (Кара-тепе 6). М., 1996.

Пидаев Ш.Р., Като Кюдзо. Археологические работы на Каратепа в Старом Термезе // Археологические исследования в Узбекистане - 2003 год. Ташкент, 2004.

Пославский И.Т. О развалинах Термеза // Среднеазиатский вестник, 1896, декабрь.

Пугаченкова Г.А. Два ступа на Юге Узбекистана // СА, 1967, № 3.

Пугаченкова Г.А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Ставиский Б.Я. Гора Орлиная – Ходжа Гульсуар // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи. Ташкент, 2001.

Ставиский Б.Я. Фрагменты каменных рельефов и деталей архитектурного убранства из раскопок Кара-тепе 1961-1964 гг. // Каратепа II. М., 1969.

Стрелков А.С. Доисламские памятники Термеза // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур. 2. М., 1927.

Стрелков А.С. Зурмала или Катта-Тюпе около Термеза // Культура Востока. Сборник Музея Восточных культур. М., 1927.

Тургунов Б.А. К изучению Айртама // Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

Bernard P., Jarrige J-F., Besenval R. Carnet de route en images d'un voyage sur les sites archeologiques de la Bactriane Afghan (Mai 2002) // Comptes rendus de l'Academy des Inscriptions et Belles -Lettres (CRAI). Paris, 2002.

Tissot F. Gandhara. Paris, 1985, pl. XIII.

Tissot F. Les arts anciens du Pakistan et de l'Afghanistan. Paris, 1987.

ЮБИЛЯР ХОТИРАСИГА

ПАМЯТИ ЮБИЛЯРА

ИБРАГИМОВ ОЧИЛ ИБРАГИМОВИЧ

Ҳаётда шундай инсонлар бўладики, улар катта-катта лавозимларни эгалламасаларда ўзларининг бутун фаолияти, туриш турмуши, камтарона ҳаёти билан кўплаб юртдошларига ўрнак, барча эзгу амалларни бошини тутиб, жамият турмушига тадбиқ этиш ҳаракатида бўладилар. Бундай инсонлар билан замондош бўлиш ҳар қандай жамият аъзоларининг чинакам омади ҳисобланади, зеро, бундай ҳазрати одамлар дунёни илму ҳикмат нурига тўлдириб, хайрли ишлари билан безаб, маданий, маънавий ва маърифий қадриятларни бойитиб ўтадилар. Бахтимизга бундай инсонлар юртимизда, хусусан, Самарқанд заминида жуда кўп. Ўз умрини Ватан равнақи, ватандошлар фаровонлиги, ёш авлод тарбияси, маънавий камолоти йўлига бағишланган шундай инсонлардан бири Алишер Навоий номидаги Самарқанд Давлат университети тарих факультети етакчи педагог олими, тарих фанлари номзоди, доцент Ибрагимов Очил Ибрагимович эди. Очил Ибрагимович ҳаёт бўлганида шу йил, баҳорнинг сўнгги ойи ўрталарида муборак 70 ёшга тўлган бўларди.

Ибрагимов Очил Ибрагимович 1942 йил 15 майда Самарқанд вилояти, Пастдарғом (ҳозирги Нуробод) тумани, Сазағон қишлоғида меҳнаткаш деҳқон оиласида дунёга келади. У 1959 йилда тумандаги 34-ўрта мактабни аъло баҳолар билан тугатади. 1960-1963 йилларда армия сафида хизмат килади. Хизматдан қайтгач, 1964 йилда СамДУнинг тарих факультетига ўқишга киради.

Тарих илми, Самарқанд қадимияти, хусусан, ўз она юрти, қишлоғи ўтмишига қизиқиш аввалдан кучли бўлган Очил Ибрагимов талабалик давридан бошлаб ушбу илмий масалалар бўйича ўз олдига аниқ мақсадлар қўйиб, режали асосда жиддий шуғулланишига бел боғлайди. Ўқиб юрган кезлари таниқли палеолитшунос олимлар Д.Н. Лев, М.Ж. Жўрақуловдан олган сабоқ ва маслаҳатлар ёш изланувчининг саъй-ҳаракати, ташаббуси ва фаолияти учун ўзига хос қанот бўлади. Шу сабабли, ҳали талабалик йилларидаёқ Очил Ибрагимов Сазағон қишлоғи ва унинг атрофидаги ғор ва унгурларда, қир адирларда қадимги аждодлардан қолган ҳаёт изларини қидириш билан шуғуллана бошлайди. 1966 йили у Сазағон қишлоғи ҳудудидаги Қоратоғ бағрида жой-

лашган ғорлардан бир қанча сочма, моддий маданият намуналарини топишга муваффақ бўлади ва ушбу топилмаларни доцент Д.Н. Левга кўрсатади. Тажрибали археолог Д.Н. Лев раҳбарлигида ўтказилган қазишма ишлари натижасида, бу ерда неолит даврига оид йирик манзилгоҳ бўлганлиги аниқланади. Шу тариқа, Самарқанд воҳасида "Сазағон маданияти" номи билан археология фанига киритилган неолит даври манзилгоҳларини мунтазам, режали асосда ўрганиш ишлари бошланади. Нафақат, Ўзбекистон, балки Ўрта Осиё археологияси учун кашфиёт, катта илмий янгилик сифатида эътироф этилган ушбу тадқиқотларнинг бош сабабчиси, ташаббускори бўлган иқтидорли талаба Очил Ибрагимовнинг ўша йилларда "Сазағон ибтидоий одамлар манзилгоҳ" (Ленин йўли, 1965), "Сазағон қадимги инсоният макони" (Ўзбекистонда ижтимоий фанлар", 1969, 2-сон) каби мақолалари эълон қилинади.

Доцент Д.Н. Лев раҳбарлигида "Изучение неолитических памятников Узбекистана" ("Ўзбекистон неолит даври ёдгорликларини ўрганилиши") мавзусидаги диплом ишини "аъло" баҳога ҳимоя қилган Очил Ибрагимов 1968 йилдан ЎзФА тарих ва археология институтида кичик илмий ходим лавозимида иш бошлайди.

Маълумки, бу йилларда Афросиёбда деворларига ранг тасвир суратлар солинган машҳур Вархуман саройининг очилиши, Самарқанд шаҳрининг 2500 йиллик юбилейи ўтказилишга тайёргарлик кўриш муносабати билан, айниқса, шаҳар ҳудудидаги археология ёдгорликларига нисбатан эътибор кучайган, янги қурилишларига илмий кузатув қўйилган эди. Бу ишларда Очил Ибрагимов фаол қатнашган. У Регистоннинг шарқий қисмида қурилиши бошланган касалхона, поликлиника, кинотеатр майдонларидаги бунёдкорлик ишлари пайтида топилган моддий маданият намуналарини қайд этиш, фиксация қилиш, илмий ўрганиш ишларига маъсул этиб тайинланади. Олимнинг шахсий архивидаги кундалигида 1970 йилнинг апрел ойидаги кузатув ишлари тафсилотлари билан танишар экансиз, унинг ўз касбини сидқидилдан севганини, унга катта маъсулият билан ёндошганини, ҳар бир маданий қатлам, топилма юқори профессионал даражада тавсифланганини, саналар аниқ белгиланиб, дала шароитида ҳатто иқтибослар (аналогия) келтирилганидан билиб олиш мумкин.

Хусусан, у, 1970 йил 20 апрелда касалхона қурилишининг 1-объектини тавсифлар экан... – "бу ердан кўплаб шиша парчалари ва шиша ёпишган ғишт парчаларининг топилиши М.Е. Массон (Регистон, 1941) илгари сурган VIII-XIII асрларда Регистон майдони шарқида жойлашган бўлиши керак деган хулосасини исботлашга ёрдам беради" – деб ёзади. Кундаликни ўқиб Очил Ибрагимов тимсолида, нафақат, ибтидоий давр, балки кейинги даврлар, хусусан, ўрта асрлар археологияси бўйича ҳам шаклланиб келаётган, иқтидорли ёш археологни кўришимиз мумкин.

Ушбу ижобий ҳолатларни ҳисобга олиб, эндиликда мустақил бўлган Археология институти раҳбарияти 1971 йилда уни Ленинградга (Санкт-Петербург) малака ошириш учун сафарбар қилади. Бироқ оилавий шароит ва бошқа айрим сабабларга кўра, у ўқишни давом эттира олмайди, Самарқандга қайтиб мактабда ўқитувчилик қила бошлайди. Маълум муддатдан сўнг у катта илмий ҳаёт ва педагогик фаолиятга қайтади. 1976 йилдан СамДУ тарих факультети Археология кафедрасида дастлаб лаборант, ассистент, кейинчалик катта ўқитувчи, доцент лавозимларида ишлайди.

Очил Ибрагимов СамДУдаги иш фаолияти билан ҳамоҳанг равишда собиқ СССР ФАнинг Москвадаги Миклухо-Маклай номидаги этнография институтида эркин тадқиқотчи сифатида илмий изланишларни янгидан бошлайди. 1988 йилнинг декабр ойида тарих фанлари доктори, проф. К.Ш. Шониёзов раҳбарлигида "История развития жилища населения степных районов Южного Узбекистана в конце XIX - начале XX

вв.” (“Жанубий Ўзбекистон дашт аҳолисининг XIX аср охири XX аср бошларидаги турар-жойлари ривожланиши тарихи”) мавзусидаги номзодлик ишини муваффақият билан ҳимоя қилади. Диссертацияда, аввало жанубий Ўзбекистон дашт аҳолисининг шаклланиши, тарқалиш географияси, ҳаёт тарзи, хўжалиги, уй-жой қурилиши, қолаверса кўчманчи ва ярим ўтроқ аҳолининг кўчма уй-ўтовлари тузилиши, шакли, типологияси, доимий, мавсумий, вақтинчалик уй-жойлардаги умумийлик, ўхшашлик ва фарқлар каби кўплаб қизиқарли ва актуал масалалар синчиклаб ўтказилган дала тадқиқотлари, этнографик материаллар асосида ёритиб берилади. Шу сабабли, диссертация расмий оппонентлар т.ф.д., проф. Б.Х. Кармишева, т.ф.н., доц. С.С. Губаева томонидан юқори баҳоланади.

Очил Ибрагимов меҳнат фаолиятининг ажралмас иккинчи таркибий қисми педагогика билан чамбарчас боғликдир. Ўқитувчиликни ўзининг жонажон мактабидан бошлаган Очил ака 1976 йилдан умрининг охирига қадар СамДУ тарих факультетида давом эттирди. Бу давр мобайнида унинг мароқли маърузаларидан, ҳаётий сабоқларидан юзлаб ўқувчилар, минглаб талабалар баҳраманд бўлдилар. Халқ хўжалигининг турли соҳаларида фаолият кўрсатаётган Очил Ибрагимов шогирдлари ҳанузгача устозни чуқур ҳурмат ва эҳтиром билан эслашади, номини ёд этишади.

Афсуски, Очил Ибрагимов айни илмий ижоди гуллаган, педагогик фаолияти камолотга етган бир даврда 2001 йилнинг июл ойида 59 ёшда вафот этади. Бундай инсонларга нисбатан, одатда, кўкдаги чақин мисоли яшаб ўтди дейилади. Очил Ибрагимов ҳам фан ва педагогика соҳасида чақнаган, таниқли мутахассис эди.

Анъанага кўра, бундай хотираларнинг охирида хотирланувчининг олган мукофотлари, ёрликларию, нишонлари ҳақида ҳам маълумот бўлиши лозим. Бошқаларини билмадигу, Очил Ибрагимов номига бундай ёрлиқнинг энг улуғи, энг ноёби қайд этилган. Илмий жамоатчилик, устозу-шогирд, ҳамнафас ҳамкасбларнинг ташаббуси ва саъй-ҳаракати билан Очил Ибрагимов томонидан очилган Қоратоғ бағридаги мезолит, неолит даврининг таниқли ғор маконига “Очилғор” номи берилган. Бугунги кунда “Очилғор”да СамДУ мутахассислари, талабалари, ёки бир сўз билан айтганда Очил ака шогирдлари ва издошлари мунтазам равишда қазув тадқиқотларини ўтказишиб, салмоқли илмий натижаларга эришмоқдалар. “Очилғор” ўзининг тарихий тилсимларини очмоқда. Ҳар йили ўтказиладиган илмий конференциялар, семинарлар, маъруза ва амалий машғулотларда, чоп этилаётган нашрларда “Очилғор” атамаси мисолида раҳматли Очил аканинг номи бот-бот такрорланмоқда, ёдга олинмоқда. Бу эса барча ҳамкасблар ва толиби илм аҳлининг Очил Ибрагимов хотирасига нисбатан кўрсатаётган ҳақли эътирофи, юксак эҳтиромининг катта бир кўринишидир. Бу эҳтиром ва эътирофнинг абадийлигига шубҳа йўқ.

Таҳририят.

МУНДАРИЖА

МАҚОЛАЛАР

Н.А. Аванесова
Қадимги Зарафшон кончилари *3*

В.Д. Рузанов
Ўзбекистонда палеометал даври қабилаларининг кўчиши (3-қисм) *36*

Н.А. Аванесова, Н.А. Ташпулатова
Ўрта Осиёда йилқичилик муаммоларига доир *50*

А.Э. Бердимурадов, Г. Бабаяров, А. Кубатин
Кофирқалъадан топилган айрим мухрларнинг янгича талқини *61*

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

О.У. Иномов
Чирчиқ ва Оҳангарон водийси қадимги ёзма манбаларда *68*

М.М. Саидов
Самарқанднинг ўрта аср безакли сопол ўчоқлари ва уларнинг турар жойлардаги ўрни *78*

Томоми Мураками
Археология институтида кўйган газлама устида ўтказилган кимёвий таҳлил ҳақидаги ҳисобот *84*

М.Н. Султанова
Самарқанд ва унинг атрофидан топилган сирли сопол идишлар *87*

АХБОРОТ

“Ўзбекистон Республикаси ҳудудида 2011 йилда ўтказилган археологик тадқиқотлар натижаларига бағишланган ҳисобот сессияси” ҳақида (Самарқанд, 5-6 апрел, 2012 йил) *106*

ЯНГИ КАШФИЁТ

К. Абдуллаев, Т. Аннаев
Зурмала атрофидан топилган янги будда хайкаллари *108*

ЮБИЛЯР ХОТИРАСИГА

Ибрагимов Очил Ибрагимович *116*

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Н.А. Аванесова
Древние горняки Зарафшана *3*

В.Д. Рузанов
Миграции племен в Узбекистане в эпоху палеометалла (часть 3) *36*

Н.А. Аванесова, Н.А. Ташпулатова
К проблеме коневодства Средней Азии *50*

А.Э. Бердимурадов, Г. Бабаяров, А. Кубатин
Новая интерпретация некоторых булл из Кафиркалы *61*

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

О.У. Иномов
Чирчикская и Ахангаранская долины в древних письменных источниках *68*

М.М. Саидов
Самаркандские средневековые терракотовые очажки и их место в жилищах *78*

Томоми Мураками
Отчет по химическому изучению обугленного текстиля, проведенного в Институте археологии Академии наук Республики Узбекистан *84*

М.Н. Султанова
Материалы по глазурованной керамике XIX века из Самарканда и ее округи *87*

ХРОНИКА

Годичная отчетная сессия по результатам археологических работ на памятниках Республики Узбекистан за 2011 год (Самарканд, 5-6 апреля, 2012 год) *106*

НОВЫЕ ОТКРЫТИЯ

К. Абдуллаев, Т. Аннаев
Новые находки буддийской скульптуры в округе Зурмалы *108*

ПАМЯТИ ЮБИЛЯРА

Ибрагимов Очил Ибрагимович *116*

CONTENTS

PUBLICATION

N.A. Avanesova
The Ancient Miners of Zarafshan *3*

V.D. Ruzanov
Migration of Tribes in Uzbekistan in Paleo-metallic Epoch (Part 3) *36*

N.A. Avanesova, N.A. Tashpulatova
To the Problem of Horse breeding in Central Asia *50*

A.E. Berdimuradov, G. Babayarov, A. Kubatin
New Interpretation of some Sealings from Kafirkala *61*

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHER

O.U. Inomov
Chirchik and Ahangaran Valleys in Ancient Literal Sources *68*

M.M. Saidov
Terra cotta Home Hearths of Medieval Samarkand and their location in the Habitations *78*

Tomomi Murakami
Report on Chemical Study of Carbonized Textile Held by the Institute of Archaeology of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan *84*

M.N. Sultanova
Materials on the Glazed Potteries of XIX c. of Samarkand and its areas *87*

CHRONICALS

Annual Report Session on the Results of Archaeological investigation on the sites of Uzbekistan Republic for 2011 (Samarkand, 5th-6st April, 2012) *106*

RECENT DISCOVERIES

Kazim Abdullaev, T. Annaev
Recent finds of Buddhist Sculpture in Zurmala Area *108*

TO THE MEMORY OF JUBILAR

Ibragimov Ochil Ibragimovich to the 70 anniversary *116*

Академия наук Республики Узбекистан

№ 1 (4) - 2012

Журнал основан в сентябре 2010 г.
Выходит 3 номера в год

Учредитель: Институт археологии им Я. Гулямова
Академии наук Республики Узбекистан

Адрес редакции: 140151, Самарканд, ул. В.Абдуллаева, 3
Телефон: (366) 232-15-13; E-mail: uzarchae@mail.ru

©Институт археологии им Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан, 2011

ISSN 2181-032X

Редакторы:
Ж.К. Мирзаахмедов, М.Х. Пардаев, А.А. Раимкулов

Компьютерная верстка:
Т.Х. Очилов

Компьютерный набор:
Ё. Рашидова

Журнал зарегистрирован Агентством по печати и информации
Республики Узбекистан 30 сентября 2010 г.
Регистрационный номер № 0592

Сдано в набор 22.03.2012. Подписано в печать 24.04.2012.
Формат 60x84 $^{1}/_{8}$. Гарнитура Times. Усл.печ.л.15.
Тираж 500 экз. Заказ 318.

Отпечатано в типографии Институте археологии АН РУз.
140151, Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3.
Телефон: (366) 232-12-90